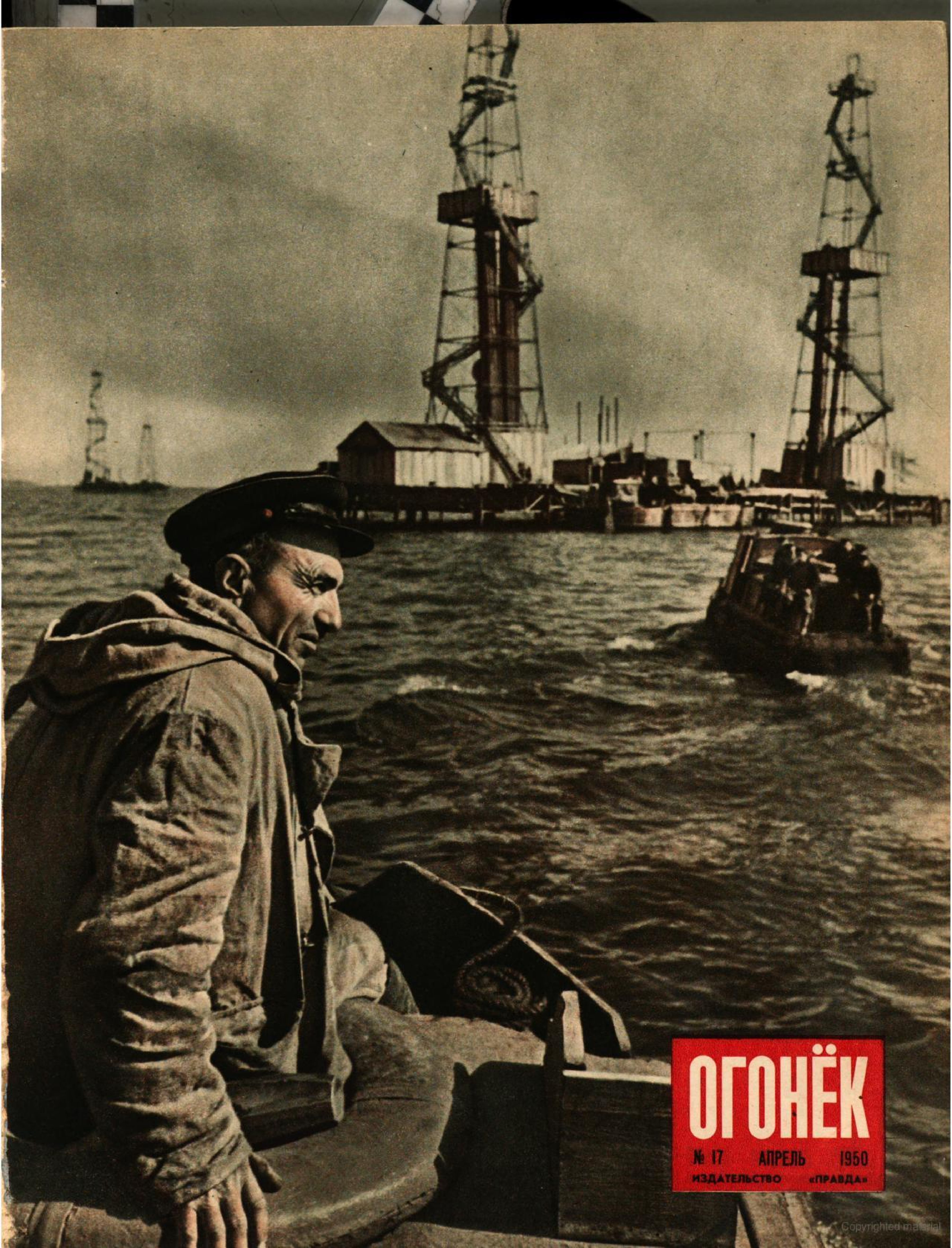

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

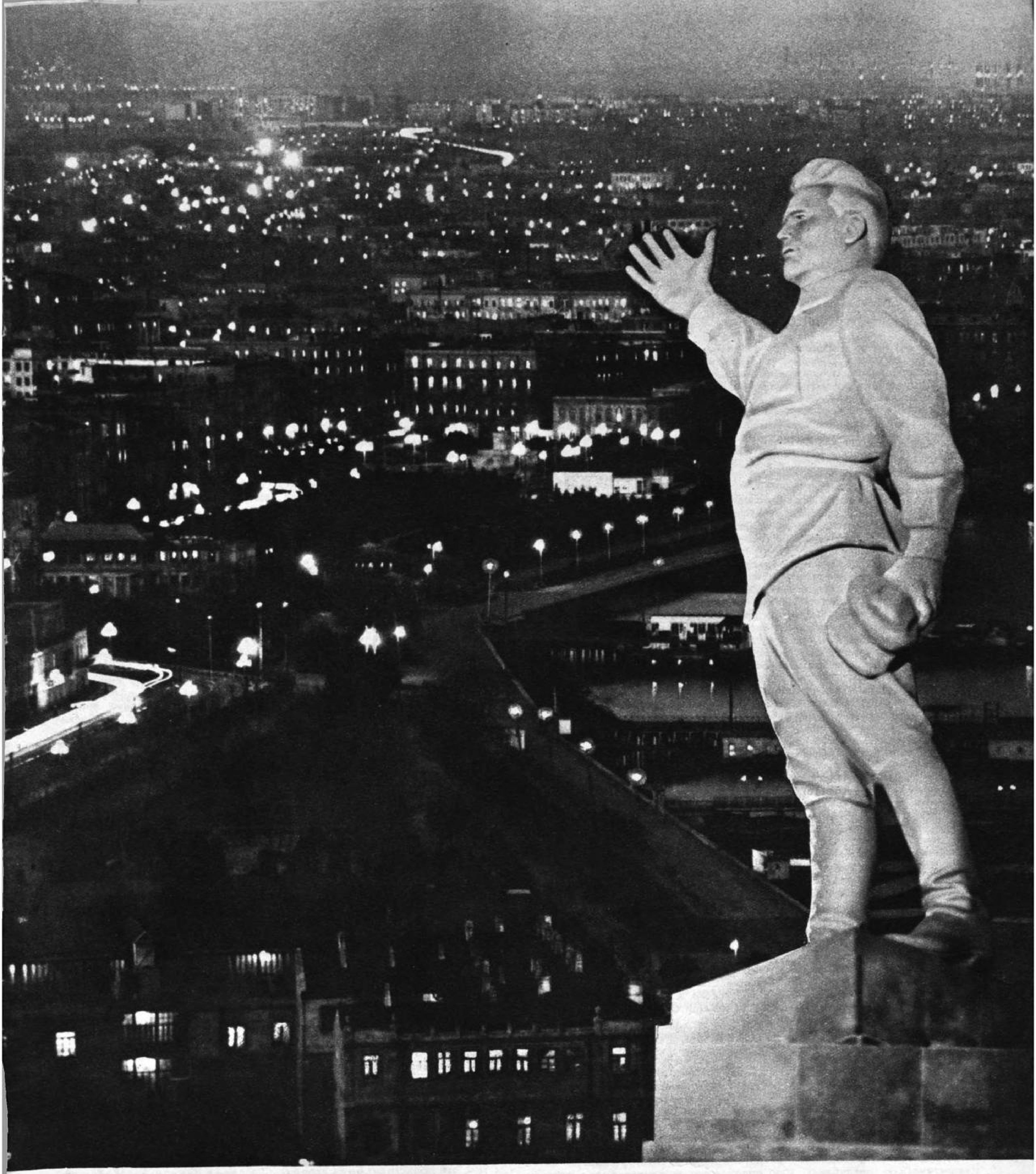

В столице Азербайджанской ССР — Баку. Площадь Низами.

На первой странице обложки: знатный нефтяник Азербайджана лауреат Сталинской премии Ага Нейматулла на пути к своей буровой.

На последней странице обложки: на чайной плантации совхоза «Аврора» (Ленкорань, Азербайджанская ССР).

Снимки специального фотокорреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР. Над столицей Советского Азербайджана Баку стоит величественный памятник С. М. Кирову — одному из организаторов республики.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 17 (1194) 23 АПРЕЛЯ 1950 28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГНИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Беседа с председателем Совета министров Азербайджанской ССР тов. Т. КУЛИЕВЫМ

«Товарищи! Ровно в полночь 27 апреля у дверей, ведущих в страны Восходящего Солнца, совершилось событие, от которого подгнившая буржуазная капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключалось в том, что изнывавший под беко-ханским игом Азербайджан повенчался с великой Советской страной — рабоче-крестьянской Россией».

Такими словами великий трибун революции Сергей Миронович Киров приветствовал вступление древнего Азербайджана в новую эру жизни — в эру социализма. Ныне весь советский народ отмечает юбилей Азербайджанской республики, и ее великолепный расцвет показывает, какие неисчерпаемые возможности заключены в социалистическом строе.

Тридцать лет прошло с того дня, когда в результате победоносного восстания рабочих и крестьян, руководимых большевиками, при помощи великого русского народа и доблестной Красной Армии в Азербайджане было навсегда свергнуто буржуазно-помещичье иго и установлена советская власть.

В древности Азербайджан называли страной огня, ибо славился он драгоценным горючим — нефтью. Ныне слава эта приумножена во много раз. На весь мир широко известны наши нефтяные промысла, оснащенные новейшей техникой, наши мощные нефтеперерабатывающие заводы, производящие продукцию десятков наименований.

Немало тяжелых испытаний перенес азербайджанский народ, прежде чем осуществил свои вековые надежды и добился свободы. Азербайджан издревле славился своими богатствами, своей культурой, но прошли сотни и сотни лет кровавой борьбы, пока народ смог воспользоваться плодами своего труда, сокровищами своей культуры.

Враги не раз пытались поработить азербайджанский народ, уничтожить его культуру, присвоить себе лучшие его творения. Так действовали и английские оккупанты — убийцы 26 бакинских комиссаров, стремившиеся захватить Баку, сделать Азербайджан колонией своей империи. К этому же стремились американские империалисты, немецкие захватчики и другие любители чужого добра. Но азербайджанский народ не позволил превратить Азербайджан, наш Баку в колониальную вотчину. Ныне столица советского Азербайджана олицетворяет расцвет всей республики, свободной и независимой, процветающей в составе великого Советского Союза.

За годы советской власти Баку обрел свою вторую молодость. Прекрасны его проспекты и бульвары, многоэтажные здания, первоклассные заводы и нефтяные промысла.

Социалистическая революция навсегда освободила трудящихся Азербайджана от векового гнета. Народ, впервые за его историю, стал хозяином своей судьбы, всех богатств родной земли. Азербайджанский народ никогда не забудет, что это достигнуто с помощью великого русского народа, под руководством Ленина и Сталина.

Вся история революционного движения в Азербайджане неразрывно связана с именем Иосифа Виссарионовича Сталина. В 1904 году товарищ Сталин лично руководил исторической декабрьской забастовкой рабочих Баку. В 1907 году, в дни напряженной борьбы бакинских большевиков с меньшевиками, прибыл он в Баку с V (Лондонского) съезда РСДРП и возглавил эту борьбу. Великий Сталин руководил восстановлением нефтяной промышленности советского Азербайджана и указал нам пути ее дальнейшего развития. Товарищ Сталин — вдохновитель и организатор всех побед социализма.

В 1925 году, в дни 5-летия коммунистической партии Азербайджана, товарищ Сталин писал:

«Горячий привет старого бакинца коммунистической партии Азербайджана. Желаю ей полного успеха в деле организации братского союза рабочих и крестьян Азербайджана. Не сомневаюсь, что компартии Азербайджана удастся превратить Азербайджанскую республику в образец для угнетенных народов Востока и в знаменосца их освобождения от ига империализма.

Да живут и побеждают бакинские пролетарии и компартия Азербайджана!»

Трудящиеся Азербайджана превратили свой край в передовую социалистическую республику. Как оплот мира и социализма высится Азербайджан на рубеже Востока. «Показывая чудеса героизма на всех участках социалистического строительства, азербайджанский народ никогда не забывает, что угнетенные массы зарубежного Востока смотрят на цветущую республику нефти и хлопка, как на маяк, показывающий путь к освобождению народов Востока от рабства» (М. Д. Багиров).

Нефтяников и хлопкоробов, всех трудящихся нашей республики вдохновляет на героический труд беспредельная преданность нашей социалистической Родине, радостное сознание, что великий Сталин отечески следит за успехами Азербайджана. Ежедневно, ежечасно мы ощущаем внимание товарища Сталина, его заботу о нас. Все, чем славится и гордится советский Азербайджан, неразрывно связано с волей Сталина, с его предначертаниями.

Великой сталинской школой были для трудящихся Азербайджана годы борьбы за победу советской власти, годы восстановления и реконструкции нефтяной промышленности и создания мощных очагов индустрии в районах республики.

Уже к началу Отечественной войны Азербайджан по объему промышленной продукции занимал третье место в Советском Союзе вслед за РСФСР и УССР.

Под руководством большевистской партии, партии Ленина — Сталина, при братской поддержке русского народа Азербайджан из страны самых отсталых, патриархально-феодальных отношений превратился в передовую, индустриально-колхозную республику.

Враги почувствовали мощь нашей республики в годы Великой Отечественной войны. Тогда азербайджанцы сражались не только на фронте с оружием в руках, но и у нефтяных скважин, на заводах, фабриках и колхозных полях. Наши нефтяники намного увеличили выпуск авиационного бензина, Азербайджан давал фронту горючее, вооружение, боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Товарищ Сталин в годы войны назвал Баку одним из могучих арсеналов Советской Армии.

Баку ныне — не единственный промышленный город в Азербайджане. Крупным индустриальным центром становится Кировабад — бывшая уездная Гянджа, заводы и фабрики построены в ряде городов республики.

Тридцатилетие застает советский Азербайджан в разгаре новых, невиданных по размаху работ. Республика превратилась в огромную строительную площадку. На берегу Куры возникает огромный Мингечаурский гидроузел, который коренным образом решит проблему энергоснабжения нефтяной промышленности и орошения засушливых пространств Кура-Араксинской низменности. Недалеко то время, когда в Азербайджане исчезнут полупустыни и наши колхозы получат сотни тысяч гектаров плодороднейшей земли.

Огромные средства вкладываются в строительство новых городов, заводов, на службу коммунизму ставятся рудные богатства Дашкесана.

Неуклонно развивается нефтяная промышленность. Все дальше в море уходят вышки.

Разительные перемены произошли в колхозной деревне. С каждым годом расширяются посевы ведущей сельскохозяйственной культуры республики — хлопка, — повышается его урожайность. Наши ученые немало поработали над созданием высокопродуктивных сортов хлопчатника. Большое значение для роста урожайности хлопка будет иметь открытый недавно новый вид удобрения из отходов нефтепромышленности — гумбрин.

Все больше расширяются субтропические плантации Ленкорани и Астары. В 1934 году там по инициативе товарища Сталина были заложены первые чайные плантации и лимонные рощи, а сейчас наша республика занимает второе место в СССР по производству чая и цитрусов.

Вместе с республикой растут и ее люди. Это особенно ярко сказалось на судьбе азербайджанской женщины. Широко известны в стране имена Чимназ Аслановой, Сары Велихановой, Басти Багировой, Сураи Керимовой, Шамамы Гасановой, Сакины Имановой, Шевкет Мамедовой и многих других женщин — государственных деятелей, знатных стахановцев нефти и хлопка, работников науки, искусства. В прошлом бесправная, забитая, обреченная на рабское существование азербайджанская женщина вышла ныне на широчайшую дорогу плодотворной, творческой деятельности.

До установления советской власти в Азербайджане не было ни одного высшего учебного заведения и научно-исследовательского института. Сейчас у нас работают 18 вузов, 64 научно-исследовательских учреждения во главе с Академией наук Азербайджанской ССР.

Расцвет нашей республики особенно разителен, если сравнить его с тем, что происходит по ту сторону Аракса — в Южном Азербайджане. Каждый день приносит новые известия о царящем там упадке, о голоде и нищете народа. Население Южного Азербайджана стонет под пятой иранских поработителей и их иностранных хозяев, которые в море крови топят всякое проявление национального самосознания наших единокровных братьев.

Ярко горит в беспросветной ночи колониального Востока маяк социалистического Азербайджана, идущего в братской семье советских народов под руководством партии большевиков, под водительством великого Сталина к торжеству коммунизма.

Новая жизнь

Мамед РАГИМ

ДОМ НА ОКРАИНЕ ДЕРЕВНИ

Прячутся в зелени плоские кровли из глины.
Тихо сияет над ними воздушная высь.
Словно невесты, деревья цветущей долины
Принарядились, — насилу весны дождались!

Солнце взошло. Небеса голубые покаты.
Четко белеют домов глинобитных ряды.
Их обитатели мудростью века богаты.
Новая жизнь озарила дома и сады.

Принадлежит кузнецу или животноводу
На деревенской окраине маленький дом!
Может быть, властной рукой изменяет природу
Скромный хозяин его, молодой агроном!

В каждом труде мы ему пожелаем удачи.
Важно одно: тут свободный живет человек.
Спит на террасе дитя в колыбели висячей.
Солнечный луч пробежал вдоль опущенных век.

Крепко зажмурив глаза, улыбнулся спросонок
Маленький мальчик с румяным и смуглым лицом.
Взору поэта рисуется этот ребенок
Будущих дней вдохновенным и смелым творцом.

ЗАБРОШЕННАЯ МЕЛЬНИЦА

Над старой мельницей в степи белеет облаков гряда.
И мельничное колесо толкает медленно вода.

Рожден для счастья человек! Переменился край родной,
А ветхой мельницы судьба навеки связана с волной.

Шумит вода под колесом, свершающим впустую круг.
О муках предков говорит мне этот заунывный звук.

Ты помнишь, мельница, зимой бурливый замерзал ручей.
Случалось людям голодать во мгле томительных ночей.

Без хлеба зимнею порой ты оставляла их не раз.
Заставит камни зарыдать о жизни горестной рассказ.

К тебе забытая тропа травой высокой поросла.
И по асфальту ценный груз везут машины без числа.

Не сыщешь в зелени густой заброшенную колею.
И электричество теперь вращает мельницу мою.

Сияет празднично мой дом, и лампы озаряют сад.
Как золотистые плоды, среди ветвей они висят.

Тебя не станем разрушать. Как прежде, у дороги стой!
Уснешь с последним пеньем птиц, ютящихся в листве густой.

Тебя на утренней заре разбудит блеянье ягнят.
О мельница, в твоей тени прохладу травы сохранят.

К полудню полчища лучей нагрянут на луга, и тут,
Прохладе радуясь твоей, в тени ягнята отдохнут.

Крутя впустую колесо, ты еле переводишь дух.
Отныне твой султан и хан — колхоза нашего пастух.

ИВЫ

На закате листва становилась час от часу мглистей,
Серебристые ивы теснились толпой у ручья,
Ветви тихо сплетались, шуршали задумчиво листья.
Дед сказал мне: — О счастье земном шелестит их семья...

Даже в шорохе листьев он слышал о счастье беседу,
Оттого, что без радости прожил в родимом краю.
Нищета и бесправье, при жизни сопутствуя деду,
После смерти ему обеспечили место в раю.

Старый дед мой скончался, не ведая жизни счастливой,
Ожидая в загробном блаженстве награды за труд.
Положили подмышки покойному веточку ивы,
Чтоб опорой в раю послужил ему ивовый прут [1].

Серебристые ивы, теперь мы не станем на тризне
Ваши ветви срезать, очищать от зеленой листвы:
Наши люди познали великое счастье при жизни.
Нам при жизни большую услугу окажете вы.

Чтоб гордились колхозы обильным своим урожаем,
Чтоб сюда из Ирана мертвящий не дул суховей,
Мы густыми лесами родные поля окружаем,
Мы поля отдаем под защиту зеленых ветвей.

Нам осенней порой удалось потрудиться на диво:
Посадили мы множество маленьких ив и чинар,
Чтобы влагу из облака пили чинары и ивы,
Умеряя грозящий колосьям удушливый жар.

Ширь колхозных полей насажденья лесные обнимут,
Густолистые кроны сольются в зеленый массив.
Я живу на земле, изменяя природу и климат.
К солнцу трепетно тянутся юные саженцы ив.

Перевела с азербайджанского В. ПОТАПОВА

[1] Мусульманский обычай.

Сельская учительница

Габиль ИМАМВЕРДИЕВ

Поет петух. Забрезжил первый луч.
Встает январский медленный рассвет.
Морозный ветер, как игла, колюч.
Я вижу на дороге первый след.

Какой трудолюбивый человек
Идет в метель, закрыв лицо до глаз!
Чей первый след хранит пушистый снег!
Кто дом оставил в этот ранний час!

Вот школы дверь. Замерзшею рукой
Открыт покрытый инеем замок.
И женщина проходит в класс пустой,
Откинув снегом затканный платок.

На улице, у школьных окон, смех —
Бегут ребята, чтоб не опоздать.
И школа радостно встречает всех,
Встречает всех, как ласковая мать.

И прозвучал звонок, и замер класс,
И солнца луч с окна узор согнал...
Так вот кто шел по снегу в ранний час:
Учительница — ты ее узнал.

Она встает и, подойдя к стене,
По карте Гори палочкой водя,
Рассказывает детям в тишине
О родине любимого вождя.

О маленьком Иосифе, о том,
Как мальчик рос, учился и мужал.
И вместе с ней все думают о нем,
О том, кто путь их счастья начертал

— Берите же всегда с него пример,
Чтоб научиться так же побеждать,
Пускай стремится каждый пионер,
Как он, все силы Родине отдать!

. . . .

Читатель! Подойди поближе к ней,
В ее лицо усталое взгляни.
Она взрастила тысячи детей,
Чтоб Родину прославили они.

Так воздадим ей должное, друзья!
Мы благодарны ей —
и ты и я.

Перевела с азербайджанского М. ПАВЛОВА

СЧАСТЬЕ НАРОДА

Фотоочерк В. Викторова и Дм. Бальтерманца

Прекрасен Азербайджан в разгаре трудовой и праздничной весны, когда жадно дышат вспаханные поля и горные пастбища,

когда сок прошлогоднего урожая крепнет и наливается силой в подземных хранилищах виноградных совхозов,

когда море, завоеванное нефтяными вышками, излучает тепло и солнце озаряет своим светом улицы юных городов.

В эти дни вдохновенным трудом встречал азербайджанский народ 30-летие своей республики.

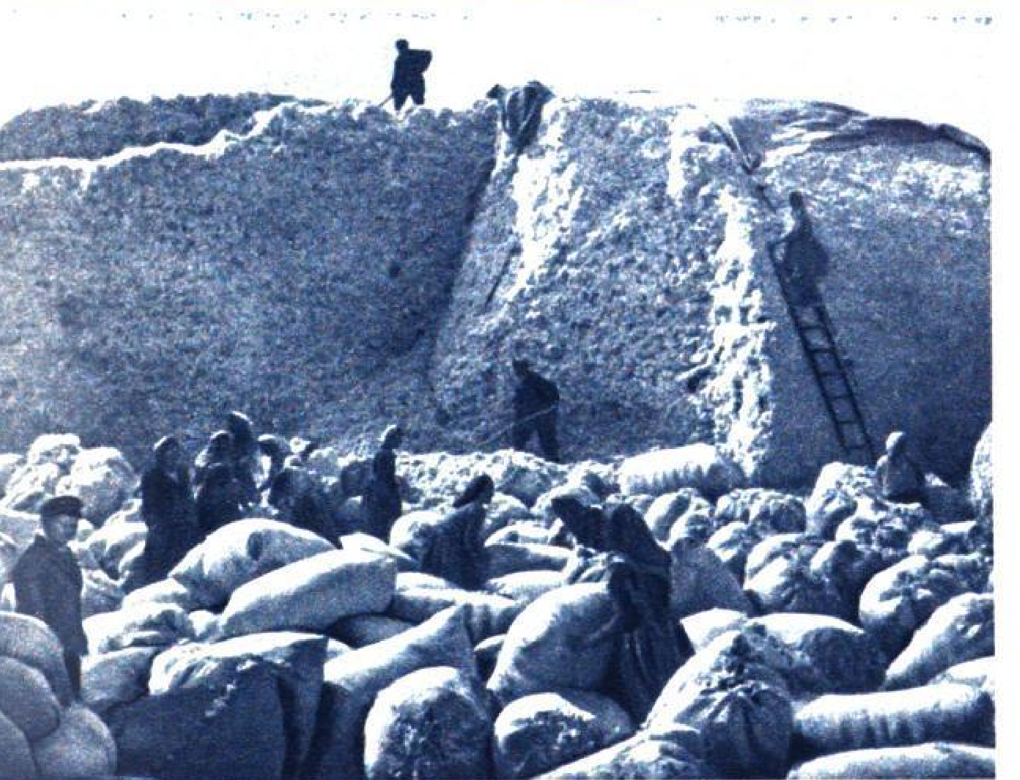
Известные всему Советскому Союзу хлопкоробы и прославленные бурильщики, строители Мингечаура и чабаны, виноделы и операторы нефтеперерабатывающих заводов, ученые и геологи — неутомимые разведчики нефти, моряки и архитекторы — все они работали словно на одной грандиозной строительной площадке.

Перед вами два снимка — вышки нефтяных промыслов и бунты хлопка.

Нефть и хлопок — то, чем славится на весь мир советский Азербайджан.

До сих пор одна прямая связь существовала между трудом бакинских нефтяников и трудом колхозников, выращивающих хлопок. Нефтяники питали горючим моторы тракторов, автомашин, электростанций.

Отныне нефтяники непосредственно содействуют росту урожайности хлопчатника, и Басти Багирова, представительница армии хлопкоробов, как бы принимает путевку на выращивание новых, невиданных доселе урожаев из рук нефтяника Ага Нейматуллы.

* * *

Бакинский нефтяник Ага Нейматулла, этот уже немолодой человек, в любую погоду выходит в море со своей бригадой. И пусть бьют крутые волны в основание вышки — турбобур вгрызается в морское дно все глубже и глубже, подбираясь к нефтеносным пластам.

Здесь, на море, Ага Нейматулла применил новый, чрезвычайно эффективный способ наклонного бурения нефтяных скважин и был удостоен за это Сталинской премии.

Мастера бурения успешно работают и на суше.

В списках деятелей науки, техники, новаторов производства, получивших Сталинские премии за 1949 год, можно встретить имена бакинских нефтяников из конторы скоростного бурения «Бузовнынефть».

Еще восемь лет назад на этих местах, где теперь высится неоглядный лес вышек, находились только виноградники пригородного селения.

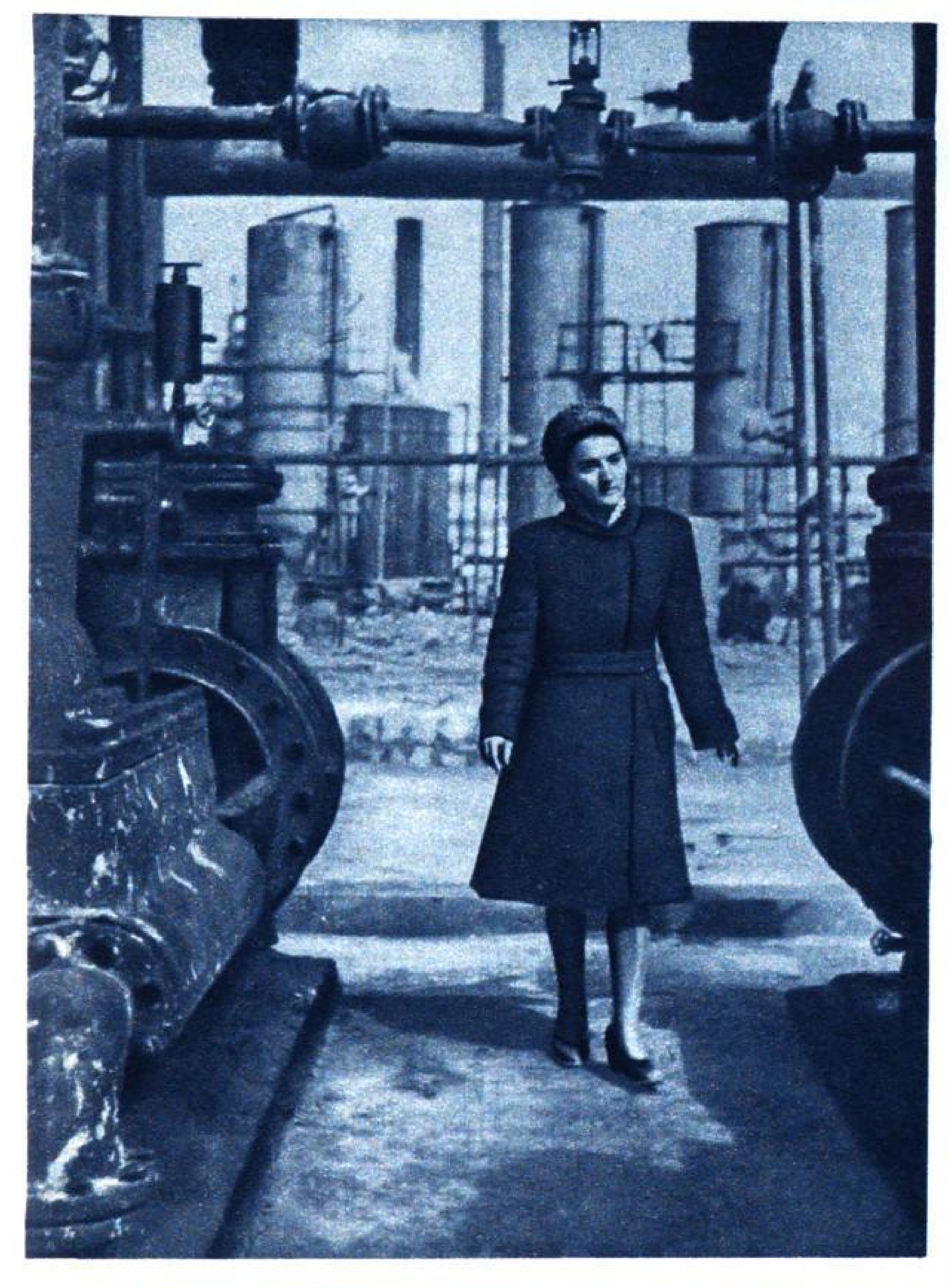
Трест «Бузовнынефть» возник в годы Великой Отечественной войны, и все скважины этого месторождения пройдены мастерами конторы скоростного бурения, конторы «всесоюзных рекордов», как ее называют в Баку.

Четыре года тому назад Расулов установил всесоюзный рекорд, пройдя 1960 метров на станко-месяц. Теперь новое достижение, показанное бурильщиком конторы Минасовым, равно 4500 метрам.

Вот люди, которыми гордится нефтяной Азербайджан: главный механик конторы В. З. Гриценко, начальник участка М. М. Расулов, главный инженер конторы М. Л. Лалаянц, буровой мастер Е. С. Джоев и буровой мастер М. Д. Мамед Вели.

Перенесемся с территории нефтяных промыслов в светлую, просторную аудиторию Индустриального института имени Азизбекова.
Отсюда вышли выдающиеся работники нефтяной промышленности.
На каждом промысле можно встретить питомцев этого вуза.
Депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР, передовая женщина республики Таира Таирова в свое время окончила институт и теперь ведет там курс эксплоатации нефтяных месторождений. (Снимок справа).

Вот другая воспитанница знаменитого вуза — Сара Ибрагим кызы Велиханова.
Имя этой комсомолки, окончившей институт шесть лет тому назад и прошедшей с тех пор большой путь — от помощника оператора до начальника установки нефтеперерабатывающего завода имени Вано Стуруа,— широко известно в Азербайджане. Трудящиеся избрали ее своим депутатом в Верховный Совет СССР.
Установка молодого инженера Велихановой — одна из лучших на заводе.
Но каким же образом нефтяники содействуют высокой урожайности хлопчатника, спросите вы.
На нефтеперерабатывающих заводах в качестве отбеливающего материала издавна используется глина, добываемая в грузинской деревне Гумбри и поэтому прозванная гумбрином.
В районе бакинских заводов, на пустырях, за десятилетия скопились огромные массы этого отработанного черного порошка.
Несколько лет тому назад агрохимик Джебраил Гусейнов в поисках местных удобрений для суглинистых земель Ширванской степи начал опыты над отходами нефтепродуктов.
На зональной станции Института агрохимии и почвоведения в Уджарах, на полях нескольких окрестных колхозов гумбрин был внесен в почву.
Результаты превзошли все ожидания.
Гумбрин уменьшает испарения почвы, повышает ее температуру на восемь—десять градусов и способствует более быстрому прорастанию хлопчатника.
Урожайность хлопка возрастает больше чем в полтора раза.
В этом году начинается массовое использование гумбрина на хлопковых полях.
Молодого ученого, удостоенного за его открытие Сталинской премии, мы нашли не в лаборатории, а на отвалах гумбрина. Здесь он беседовал с инспектором Министерства сельского хозяйства СССР С. Гусейновым (справа) и сотрудником Азсельхозснаба З. Васылыском, которым поручена организация отгрузки гумбрина в колхозы.

С помощниками Джебраила Гусейнова — Сулейманом Алекперовым и Аскером Гасановым, — также получившими Сталинскую премию, мы встретились в колхозе имени Азизбекова, на участке звеньевой Афрус Гаджиевой, первой в Уджарском районе начавшей сев хлопка.

Грохотал трактор, волоча за собой четырехрядную сеялку, и вслед за ним с ведрами в руках двигались женщины, посыпая рядки тонким слоем гумбрина.

Все больше расширяются хлопковые площади Азербайджана, повышается урожайность, и хлопок нескончаемым потоком устремляется на текстильные комбинаты республики.

Мы на одном из первоклассных хлопчатобумажных комбинатов Азербайджана — имени Серго Орджоникидзе.

Азербайджанские ткачихи работают, следуя методам новаторов производства — известных русских стахановцев Александра Чутких, Марии Рожневой, Лидии Кононенко.

Хадиджа Алиева — одна из лучших стахановок хлопчатобумажного комбината. Она обслуживает двадцать четыре станка.

Для того, чтобы еще бóльшими были успехи звеньевой Афрус Гаджиевой, кировабадской ткачихи Хадиджи Алиевой и других людей хлопкового Азербайджана, трудится кандидат сельскохозяйственных наук Искендер Велиев.

Он посвятил свою жизнь созданию новых высокопродуктивных сортов хлопчатника.

За свой сорт № 1363 Велиев получил Сталинскую премию.

Сейчас этим сортом занята треть общей посевной площади республики.

В последнее время ученый создал два новых сорта хлопка: № 2018, имеющий исключительно крепкое волокно, и № 2302 — для механизированного сбора, отличающийся большим размером коробочек.

А пока в лабораториях и на опытных колхозных участках шла подготовка к севу и первые зерна отборного хлопчатника падали в разрыхлённую, хорошо подготовленную землю, в деревнях в эти последние свободные перед посевной страдой дни справлялись веселые свадьбы.
Вот как выглядит теперь в азербайджанском селении свадебный кортеж.
Гости разместились в двух арбах, а жених с невестой едут в новенькой «Победе».
Автомобиль входит в быт азербайджанской деревни. Меняется на глазах облик и самой деревни.

Глубинный Агдамский район, расположенный вдалеке от железной дороги, по инициативе сельских коммунистов первым в республике начал перестройку своих селений.
В одном из них, Карадаглы, построены уже электростанция, Дом культуры, большие, светлые, просторные дома колхозников.
До революции здесь был полновластным хозяином бек Керим-ага, на которого работали все жители.
Работала на бека и большая нищая семья Керимовых.
По-новому живет теперь эта семья. Имя одного из ее членов, Сураи Керимовой, широко известно в республике. Она Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Азербайджана (на снимке справа).
Такова же судьба другой жительницы Карадаглы, Героя Социалистического Труда Сакины Имановой: в прошлом — рабское существование, теперь — всенародный почет.
Вместе с председателем своего колхоза Героем Социалистического Труда Турабом Мамедовым приехали эти женщины в районный центр Агдам к секретарю райкома партии Герою Социалистического Труда Мамеду Оруджеву, чтобы рассказать ему, как осуществляется генеральный план реконструкции Карадаглы...
Расцветает и хорошеет древняя земля Азербайджана. Возникают на ней и новые села и новые города.
Здесь еще пять лет назад была пустыня, а теперь раскинулся прекрасно распланированный город. Ему дано имя Мингечаур.
Мингечаур! Это слово звучит в Азербайджане, как призыв к наступлению на мертвые земли Кура-Араксинской низменности.
Мингечаурский гидроузел даст воду огромным пространствам ширванских и карабахских степей, которые бесплодны без орошения.

Невдалеке от древнего Баку возник и другой юный город — Сумгаит. В степи у моря поднялись новые кварталы, прекрасные нарядные здания. Широкие окна, тенистые балконы так и манят к себе морскую прохладу. Удобно распланированные квартиры предназначены для рабочих завода, который начал строиться вместе с городом.

Рабочие этого завода обучались в Макеевке, у потомственных донбасских сталеваров.

Отлично справляются с работой вагранщик первой руки Хан Керим Керимов (справа), ученик макеевского мастера Степана Риги, и Мурад Зейналов, ученик макеевского мастера Шатохина.

* * *

В самом начале весны объехали мы Азербайджан от нефтеносного Апшерона до хлопковых равнин Кировабада и чайных плантаций Ленкорани.

Светла и радостна жизнь селений и городов республики. Свободно и легко дышат люди Азербайджана. Встречая большой праздник — 30-летие своей республики,— еще более вдохновенно работают нефтяники, хлопкоробы, овцеводы, строители электростанций, заводов, городов.

Готовятся к славному юбилею и виноделы. Ведь ароматное, горячащее кровь вино должно украсить праздничные столы.

И вот в лабораторию виноградарского совхоза имени Низами вместе с главным виноградарем совхоза Павлом Васильевичем Чумаковым пришли пять знатных виноградарей, пять Героев Социалистического Труда: Асли Гасанова, Арфеник Захарян, Аршалус Азарян, Варсеник Джавахишвили и Сакина Алиева.

— Ну-ка поглядим, что вы из нашего винограда делаете,— сказал Павел Васильевич.— Чем попотчуете в праздничные дни наших дорогих сограждан...

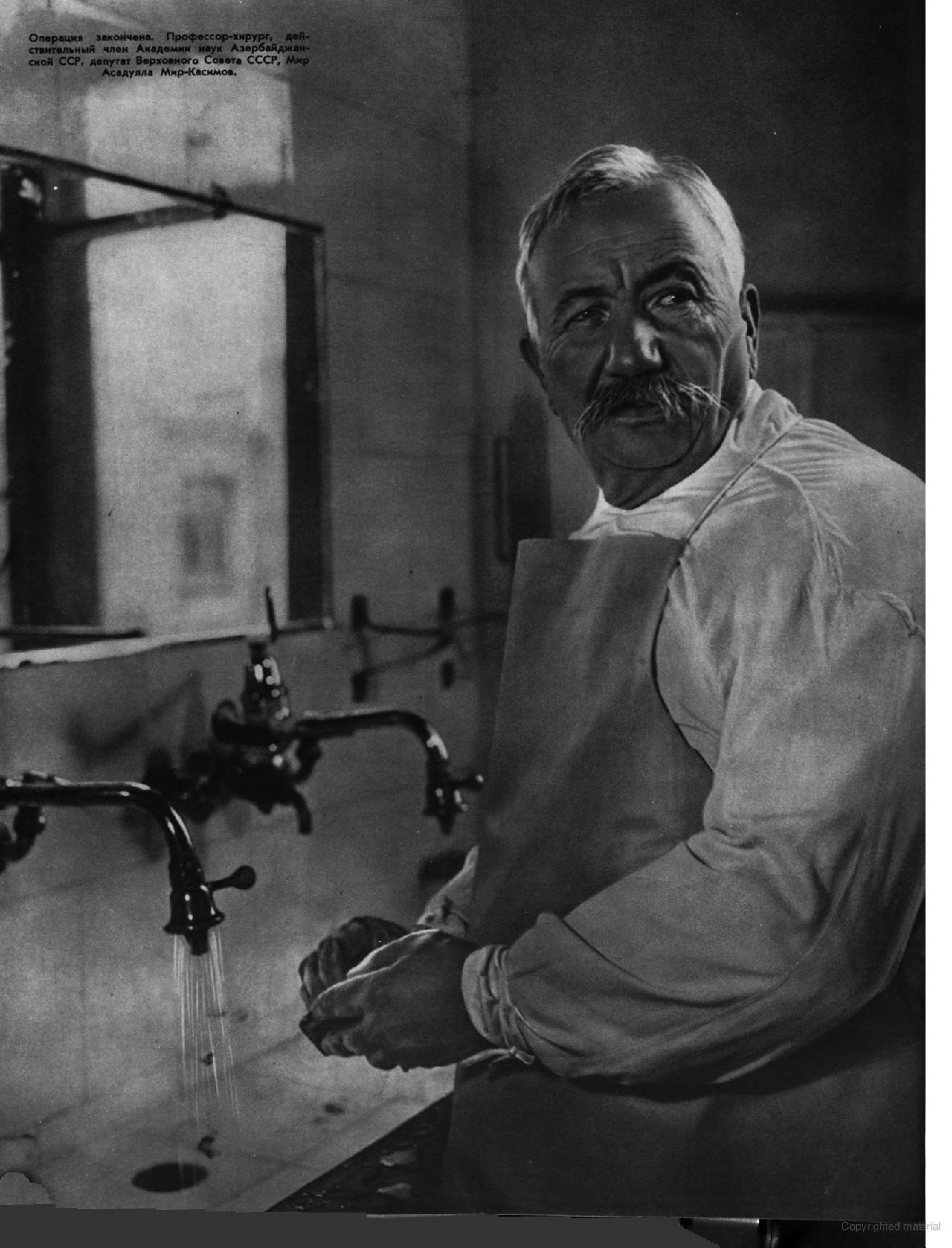
Заведующий лабораторией Али Кемал Караев протянул старому мастеру стакан прозрачной «садиллы», и тот взял бокал, лихо покручивая ус...

Так виноделы Азербайджана первыми подняли праздничный тост.

Вечером, после работы. Знатный нефтяник Азербайджана, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, Гюль Бала Алиев помогает дочери Фирузе решать задачу.

Фото Дм. Бальтерманца

Операция закончена. Профессор-хирург, действительный член Академии наук Азербайджанской ССР, депутат Верховного Совета СССР, Мир Асадулла Мир-Касимов.

В открытом море

Манаф СУЛЕЙМАНОВ

Целую неделю главный геолог треста морского бурения Ага Курбан Алиев провел на Несчастных камнях.

Там, вдалеке от берегов, в открытом море, решалась судьба нового месторождения.

Капитаны танкеров и пассажирских пароходов хорошо знали Несчастные камни, торчащие из воды, и все-таки случалось, что суда, заброшенные сюда штормом, находили здесь свой конец.

Ага Курбан Алиев вместе со своими помощниками два года искал на Несчастных камнях нефть. Разведчики-геологи рисковали и жизнью и здоровьем, обследуя этот глухой морской участок во всякое время года, в любую погоду — светило ли солнце, хмурилось ли небо, посылая дождь и снег.

В конце концов им удалось обнаружить признаки, говорящие о наличии нефти.

Зимой туда был направлен авангард армии нефтяников — строители.

Их было шестнадцать человек, высадившихся на камни, чтобы строить здесь дом и буровую.

Стояли такие крепкие морозы, что кровь леденела в жилах. На камнях прежде всего был сооружен камышовый шалаш. Несколько раз его разбивало волнами. Работая без отдыха, строители установили на сваях железный двухкомнатный дом. Потом над волнами поднялась буровая.

Сможет ли устоять ажурная вышка под напором волн и ветра? По предложению Алиева, вышку окружили полукольцом из полузатопленных старых судов. Так в открытом море руками людей была создана искусственная бухта.

С каждым днем росло население Несчастных камней. Вслед за строителями прибыли бурильщики, электрики, инженеры.

Бурение скважины было закончено досрочно, но нефть не шла. Сколько ни старались мастера и инженеры, им никак не удавалось открыть ей путь к забою. Скважина оставалась сухой.

В чем же дело? Неужели ошибка? Неужели здесь нет нефти и все усилия затрачены впустую? Эта мысль мучила всех. Но Алиев был уверен в правильности своих расчетов. Он предположил, что кабель, на котором опускается перфоратор — аппарат для простреливания дыр, соединяющих ствол скважины с нефтяным пластом,— испорчен и только поэтому не удается достать нефть.

Для того, чтобы проверить эту догадку, надо было доставить на Несчастные камни новый кабель. За ним и отправился Ага Курбан Алиев. У него все равно нехватило бы силы сидеть сложа руки.

Погода начала портиться еще во время перехода с камней на «Большую землю». Когда же кабель был погружен на баркас «Академик», диспетчер Управления морского транспорта протянул Алиеву сообщение бюро погоды.

— Ветер в 4 балла. Ожидается шторм,— сказал диспетчер.— А тут еще ночь надвигается. Подождали бы...

Вспененные волны яростно бились о железные сваи.

Алиев ничего не ответил и спрыгнул на палубу баркаса. Вслед за ним сошли на борт главный инженер треста и капитан. Баркас дрогнул, отчалил от пристани, далеко разбрасывая брызги. Мерный шум буровых, расположенных в Сакит-лимане, смешивался с всплеском волн и воем ветра.

Четыре года тому назад берег лимана был пустынным болотом. Теперь здесь вытягивали свои хоботы пловучие краны, у причалов стояла целая флотилия пароходов и барж. Лес мачт и полосатых труб тянулся к низкому осеннему небу...

— Ветер усиливается,— сказал капитан.— Посмотри, море покрылось саваном.

И действительно, море было задернуто пенным покрывалом...

Баркас швыряло, как щепку. Волны то высоко подбрасывали его, то швыряли вниз, заливая палубу, обдавая водяной пылью капитанскую рубку.

* * *

Наступило утро, пасмурное тревожное утро после ночной бури. Люди на Несчастных камнях не спускали глаз с моря. Баркас «Академик», вышедший вчера из Сакит-лимана, до сих пор не прибыл, и другой баркас, посланный на розыски, тоже не возвратился. Скважина попрежнему «молчала», хотя директор конторы бурения Насрулла Бабаев, начальник участка Коверочкин, буровой мастер Айриян и мастер по апробированию Акульшин бились над ней всю ночь.

Утро застало их измученными двойной тревогой: за судьбу товарищей, застигнутых штормом в море, и за судьбу скважины. Неужели ошибся в расчетах Ага Курбан Алиев и все их усилия напрасны?

Когда совсем рассвело и первые лучи солнца осветили осунувшиеся лица людей, раздался крик дозорного:

— Идут!

Баркас вошел в искусственную бухту и пришвартовался к маленькой пристани. Парторг первым прыгнул на палубу и, обняв главного геолога, спросил:

— Где же вы бедовали?

— Занесло нас на корабельное кладбище, едва вырвались,— скупо ответил Алиев, а инженер добавил:

— Спасибо капитану, не растерялся!

— Да вы совсем промокли. Идите в каюты,— предложил парторг.

Скважину прострелили второй и третий раз. Акульшин то поднимал, то опускал трубы, нагнетал в скважину сжатый воздух, но все напрасно.

Так прошло еще четыре дня. Казалось, надо было примириться с мыслью, что произошла ошибка, что нефти на Несчастных камнях нет. Но люди не хотели сдаваться. Алиев предложил прострелить скважину в четвертый раз.

— Может быть, цемент проник глубоко в пласт и пули его не пробивают,— сказал он.— Давайте еще раз попробуем.

И пробовали еще, пробовали пять дней и дождались того, что из скважины вырвался столб желтовато-бурой воды.

Вначале это обрадовало всех, но слишком высокая температура воды испортила всем настроение.

Парторг собрал нефтяников в кают-компании.

— Я думаю,— сказал он,— что мы прострелили скважину не там, где надо.

— Нет, скважина прострелена правильно,— возразил один из инженеров, и Алиев подтвердил его слова, но тут же предложил дать скважине поработать еще.

— Правильно,— согласился директор конторы бурения Насрулла Бабаев.— Пусть скважина еще поработает. Делать окончательные выводы преждевременно...

* * *

Под утро Алиев сидел в каюте и курил одну папиросу за другой.

Парторг почти насильно привел его сюда, но главный геолог не мог заснуть. Десятки разных предположений приходили ему на ум. В который раз вспоминал он разговор с секретарем ЦК компартии Азербайджана. Нефтяники в письме товарищу Сталину обещали дать новую нефтяную площадь. И вот — неудача, хотя он, Алиев, и уверен, что под глубинами Каспия таятся богатейшие месторождения.

В каюту вошел парторг, и Алиев обеспокоенно спросил его:

— Ну, какие новости?

— Ты еще не заснул?

— Не могу. Скажи, что там?

— Ну так вот. В скважине показался газ, и цвет воды изменился. Нефтяная пленка увеличилась. Кажется, труды наши даром не пропали...

Алиев как был, без шапки, выбежал из каюты...

Жидкость, поступавшая из скважины, уже наполовину состояла из нефти.

А еще через два часа нефтяники Несчастных камней послали в Центральный Комитет компартии Азербайджана и министру нефтяной промышленности СССР радиограмму:

«Первая скважина вступила в строй с большим дебитом высококачественной нефти».

Теперь это место называется «Счастливые камни».

БАКУ

Осман САРЫВЕЛЛИ

Недвижен воздух, ночь ясна, а море, как ягненок.
Уже над палубой зажглась дрожащая звезда.
Чуть слышно лунным серебром волна звенит спросонок,
И возникает за кормой и тает борозда.
В ночи пылает горизонт, как бы объят пожаром.
Сияньем ламп и фонарей весь город озарен.
И зарево отражено задумчивым Хазаром[1],
И золотым серпом огни вонзились в Апшерон.
Высоко, в звездной синеве мы видим изваянье.
Любимый облик угадать легко издалека.
Мы руку дружбы узнаем на дальнем расстояньи.
Вперед указывает путь нам Кирова рука.
С великой Родиной навек хочу я сердцем слиться.
Я, не колеблясь, жизнь отдать готов за край родной.
Быть скромным жителем твоим, любимая столица,—
И честь и счастье для того, кто горд своей страной.

Я вспомнил прежние года. Густая мгла царила
Тогда на родине моей. И мрак былых времен
Не в силах было побороть небесное светило.
А наше солнце яркий свет бросает в небосклон.
И ожил в памяти моей уклад деревни старой,
Землянки сумрак вековой, тоска по огоньку...
Сияет празднично Баку на берегу Хазара,—
Какое счастье в наши дни быть жителем Баку!
Живого трепета огней не в силах описать я.
Хотелось шуму голосов бесчисленных внимать.
Любимый город заключил меня в свои объятья.
Так после дальнего пути встречает сына мать.

Баку, украшенный огней слепящим ожерельем,
Столица края моего, земли моей родной!
Не потому ли сердце так наполнено весельем,
Что среди множества огней один затеплен мной!

Перевела с азербайджанского В. ПОТАПОВА

[1] Каспийское море.

Мастер Кузнецкого металлургического комбината Н. С. Мартынов (справа) инструктирует старшего горнового С. А. Алтухова.

Предмайское соревнование почетных металлургов

Их имена хорошо известны людям, которые варят сталь и плавят чугун. Николаю Семеновичу Мартынову и Илье Яковлевичу Овсянникову приказом министра присвоено звание почетного металлурга страны. Они работают на комбинатах, отделенных друг от друга сотнями километров: Мартынов — в Сибири, Овсянников — на Урале. Но узы большой производственной дружбы связывают их. Знатные доменщики подписали договор на социалистическое соревнование: кто даст стране больше чугуна сверх задания?

Из Сталинска и Магнитогорска нам сообщают о ходе предмайского соревнования почетных металлургов страны.

СТАЛИНСК

Доменный цех Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина. Печь № 2. Мощный механизированный и автоматизированный по последнему слову техники агрегат. От всех людей, работающих тут, требуются большие знания, отличная сноровка. Особенно велики требования к мастеру.

Семнадцать лет работает на второй печи мастером Николай Семенович Мартынов.

За его плечами богатый трудовой опыт, годы напряженной учебы. Много усилий он приложил к тому, чтобы воспитать дружный, спаянный, технически грамотный коллектив.

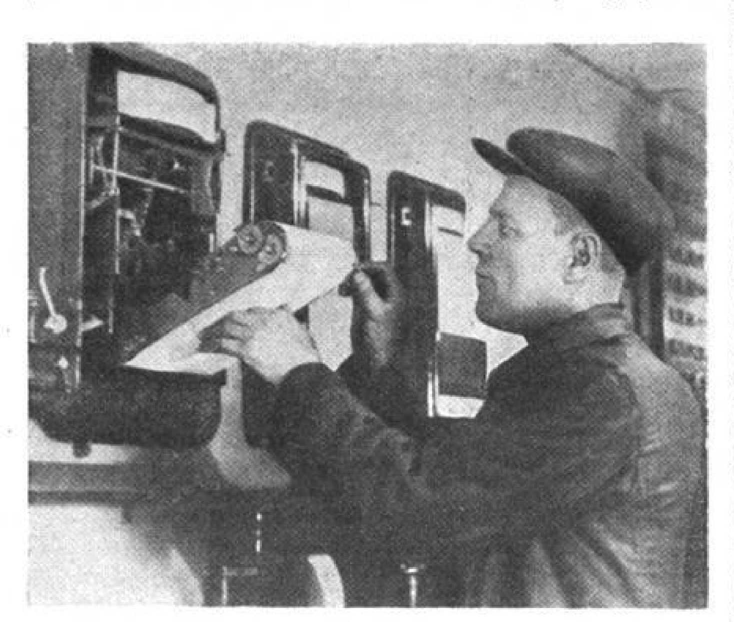
Николай Семенович Мартынов недавно вернулся с Магнитки, куда он ездил в составе делегации кузнецких металлургов. Там он встретился со знатным доменщиком почетным металлургом страны тов. И. Я. Овсянниковым. Оба они не уступят друг другу в мастерстве. Но кто будет впереди? За их соревнованием внимательно следят коллективы двух крупнейших металлургических комбинатов.

Вступив на предмайскую вахту, Н. С. Мартынов и его друзья добиваются самого лучшего коэфициента использования полезного объема своей печи. Они стремятся максимально сократить расход кокса на каждую тонну чугуна, ликвидировать брак, простои, неполадки, повысить интенсивность хода доменной печи так, чтобы каждый рабочий выполнял норму не ниже 115—120 процентов.

...Сквозь небольшой глазок фурмочки мастер Мартынов и старший горновой Алтухов внимательно наблюдают за тем, что происходит в печи.

Подготовка к выпуску чугуна закончена. Лётка пробита. Раскаленная, огнедышащая масса металла заполняет канавку, разбрасывая вокруг тысячи ослепительных искр. Чугун льется клокоча, ярко озаряя лица стоящих кругом людей. Настроение приподнятое: к празднику страна получает от доменщиков хороший подарок.

И. ЛУШКИН

Мастер Магнитогорского металлургического комбината И. Я. Овсянников в газовой будке доменной печи.

МАГНИТОГОРСК

Вдоль фронта доменных печей тянется эстакада. Один за другим прибывают на нее поезда и выгружают в бункера кокс, руду, флюсы.

Машинист вагона-весов Григорий Шабров и машинист скипового подъемника Тамара Катаева делают все, чтобы печь шла ровно. Подстать им, точно, быстро, действуют газовщик Михаил Анцупов, старший горновой Михаил Куликовский и его подручные.

Это люди из бригады коммуниста мастера Ильи Яковлевича Овсянникова. В доменном цехе «Магнитки» он работает с 1931 года. На его глазах рос и развивался завод, хорошела жизнь магнитогорцев. Почетный металлург страны мастер Овсянников неустанно учится, осваивает новую технику.

Рассказывая товарищам о соревновании с сильнейшим кузнецким доменщиком Николаем Семеновичем Мартыновым, Илья Яковлевич говорит:

— Кто бы из нас ни победил, — в выигрыше останемся оба, потому что Родина получит больше металла.

Сейчас все члены бригады дружно отстаивают честь родного завода и готовят достойную встречу Первому маю.

Динамичен процесс доменного производства. Мигают разноцветные зрачки автоматических регуляторов, бесшумно скользят по картограммам перья самозаписывающих приборов. Много чутких, умных и верных механизмов помогает мастеру.

— Добавить кокса!..

Илья Яковлевич быстро реагирует на каждое «боевое донесение» своих безмолвных помощников.

И печь у него идет в ровном, оптимальном темпе. Это значит, что доменщики дадут сверх задания сотни тонн чугуна.

С. ШУШУНОВ
И. МАКАРОВ

ТАМ, ГДЕ БЫЛА МАЕВКА

Нынешний Первомай для Харькова юбилейный. Полвека назад, в 1900 году, здесь состоялась знаменитая маевка харьковского пролетариата, о которой Владимир Ильич писал в предисловии к брошюре «Майские дни в Харькове».

Харьковчане свято хранят память о революционном прошлом своего города. Старый большевик-железнодорожник Иван Яковлевич Грязев, который был заключен в тюрьму за участие в памятной маевке, часто рассказывает молодежи о событиях того времени.

...Ранним апрельским утром мы побывали в паровозном депо «Октябрь». На том месте, где полвека назад была вывешена революционная первомайская прокламация, красуется большой плакат: «Бригада паровозного машиниста Георгия Попова в ознаменование 50-летия харьковской маевки, отказавшись от промывочного ремонта, своими силами отремонтировала паровоз № 215-68 серии СУ».

В депо царит праздничное настроение. Есть чему радоваться паровозникам! Только за два месяца нынешнего года машинисты сэкономили 1500 тонн угля. Это дало им возможность в течение ряда дней водить поезда, не испрашивая у государства топлива.

В. СЕМЕНОВ

Перед праздником

Старший мастер первого механического цеха московского завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии Иван Тимофеевич Белов осмотрел свой пролет, станки, а затем, присев на каком-то ящике, занялся чтением рукописи. Еще в начале апреля кафедра технологии станко-инструментального института просила Белова прочитать лекцию об организации коллективной скоростной работы на участке. Хотя тема была хорошо известна и Иван Тимофеевич долго готовился к ней, все же сейчас на всякий случай хотелось заглянуть в рукопись еще раз.

...В просторном корпусе нынешняя весна отмечена многими важными событиями. Весь цех перешел на скоростные методы резания металлов. В ту же пору в пролете Белова появился станок с новейшим токарным автоматом.

Предмайская вахта в разгаре. Во всех восьми пролетах цеха идет соревнование. Вот участок двадцатитрехлетнего лауреата Сталинской премии Виктора Шумилина. Токарь-скоростник, он недавно стал наладчиком станков.

— Как справляетесь с предмайскими обязательствами?

— Неплохо,— ответил Шумилин.— К примеру, токари Володя Кирюшин и Коля Котенков выполнили вчера по две нормы. А ведь ребята недавно из ремесленного училища.

Достойную встречу первомайскому празднику готовят в цехе и «шестеро братьев». Много лет здесь работают родные братья: долбежник Яков Егорович и фрезеровщик Митрофан Егорович Воронковы, наладчики Петр Сергеевич и Александр Сергеевич Новиковы, сверловщик Василий Семенович и наладчик Иван Семенович Фомочкины. Их зовут в цехе «старой гвардией».

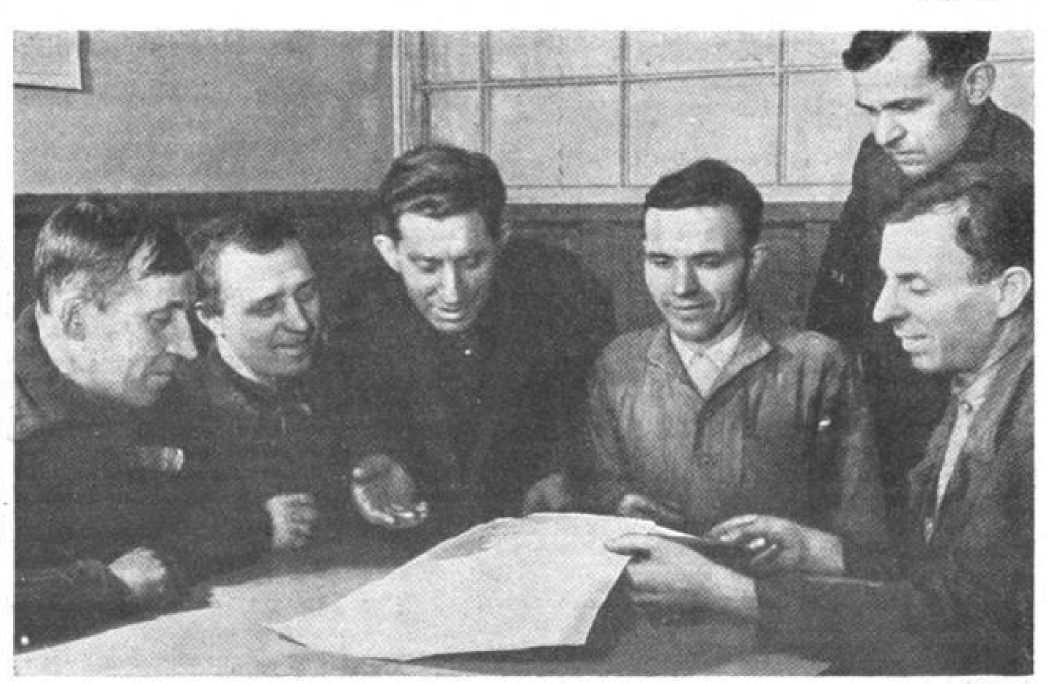
Братья соревнуются, добиваясь права идти в первом ряду колонны демонстрантов. Это будет славная шеренга... Здесь станут рядом двадцатитрехлетняя комсомолка-наладчица, лауреат Сталинской премии Таня Ячменева, девятнадцатилетний токарь Витя Горин, показавший на днях самую большую на заводе скорость резания — 826 метров в минуту, — отличная сверловщица Шура Тарасова...

В этой шеренге, разумеется, займет достойное место и Иван Тимофеевич Белов.

...После лекции Иван Тимофеевич, вернувшись в цех, снова осмотрел свой пролет и, собрав свободных от смены парней и девушек, рассказал им о том, что видел в институте:

— Мне показали станок, который совсем без токаря обходится. Право, чудо-машина... Наверно, скоро у нас появится. Там, в институте, ведь тоже торопятся...

Н. МАР

На снимке: стахановцы завода «Красный пролетарий» — «шестеро братьев» (слева направо): Я. Е. Воронков, И. С. Фомочкин, А. С. Новиков, В. С. Фомочкин, М. Е. Воронков, П. С. Новиков.

Фото Б. Кузьмина

Ширится фронт борьбы за мир

Миллионы людей уже поставили свои подписи под воззванием Постоянного комитета о запрещении атомного оружия и об объявлении военным преступником правительства, которое первым применит атомное оружие.

Миллионы трудящихся стран народной демократии, с огромным энтузиазмом подписываясь под этим воззванием, заявляют, что они будут активно и упорно бороться против поджигателей войны.

В капиталистических и колониальных странах сбор подписей под воззванием проходит в трудных условиях, когда правительства этих стран пытаются подавить движение сторонников мира.

В последнем номере журнала «Сторонники мира», выходящего в Париже, говорится: «Подписываясь под этим воззванием, миллионы людей в Европе и Америке, в Азии, Африке и Австралии поднимают свой голос за мир во всем мире, укрепляя растущую мощь лагеря мира и демократии, срывая планы тех, кто угрожает народам атомной бомбой».

На прошлой неделе Международная демократическая федерация женщин, Всемирная федерация демократической молодежи и другие международные организации обратились к своим членам с призывом поддержать воззвание Постоянного комитета и подписать его.

★ Во **ФРАНЦИИ** члены комитетов защиты мира больших и малых городов, районов, кварталов, заводов и сел обходят дома и квартиры. Повсюду их радушно встречают, тысячи людей с готовностью подписываются под воззванием, отдавая свой голос за мир. Одновременно со сбором подписей под воззванием Постоянного комитета усиливается движение докеров, железнодорожников, моряков, отказывающихся перевозить и разгружать оружие. Парижские газеты сообщают, что более 8 тысяч шахтеров департамента Луары объявили забастовку. Они требуют освободить 20 сторонников мира, арестованных в Роанне за участие в антивоенной демонстрации.

★ Трудящиеся **ИТАЛИИ** продолжают энергично выступать против завоза американского оружия. Рабочие металлургического и машиностроительного заводов в городе Терни — важнейшем центре военного производства в годы второй мировой войны — отказались работать на войну. В Неаполе и Турине бастуют рабочие, служащие, грузчики многих предприятий. Читая простые и мужественные слова воззвания Постоянного комитета, ставя под ним свои подписи, они говорят:

— Прошло время, когда вопрос, быть или не быть войне, решался в кабинетах министров и банкиров. Если будет война, страдать и мучиться придется нам, простым людям. Поэтому мы говорим: «Долой войну!» Поэтому мы проклинаем тех извергов, которые эту войну готовят.

Во всех провинциях Италии в эти дни созываются конференции комитетов сторонников мира. Муниципалитеты шестидесяти провинциальных городов уже проголосовали за предложения в защиту мира, выдвинутые Постоянным комитетом. Голосование этих предложений продолжается во многих других муниципалитетах страны.

★ Союз демократических женщин **АВСТРИИ** составил проект «Закона в защиту мира», который предусматривает наказание за пропаганду войны. По требованию трудящихся этот проект внесен на обсуждение австрийского парламента.

★ В **РИО-де-ЖАНЕЙРО** союз бразильских женщин распространяет листовки и плакаты против совещания представителей США и Бразилии. В бразильской столице женщины устроили демонстрацию перед зданием парламента, требуя мира.

★ Федерация труда в Онтарио (**КАНАДА**) от имени 200 тысяч своих членов единодушно высказалась за запрещение атомной бомбы.

★ С каждым днем ширится движение борцов за мир в **СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ**. Журнал «Сторонники мира» сообщает о том, что национальная профсоюзная конференция сторонников мира, объединяющая в США 40 организаций, начала сбор подписей под петицией, объявляющей атомное оружие вне закона. Многие тысячи американцев уже подписались под этим требованием.

Американская газета «Крисчен сайенс монитор» сообщает, что конгресс, сенат, комиссия по атомным вооружениям получают огромное количество писем от простых американцев с требованием прекратить гонку вооружения. Комиссия конгресса за небольшой промежуток времени получила 6500 таких писем.

Несмотря на преследования, которым в ряде стран подвергаются защитники мира, движение за мир продолжает неуклонно шириться.

«...Буду мужественной до конца!»

Раймонда Дьен, двадцатилетняя девушка из французского города Тур, стала известна всей молодежи Франции. Это она на вокзале своего родного города бросилась первой на рельсы перед поездом, который вез танки, предназначенные для «грязной войны» во Вьетнаме. Сотни борцов за мир последовали ее примеру, и поезд был остановлен.

Газета «Юманите» опубликовала письмо, которое передала Раймонда Дьен из тюрьмы, куда она была заключена вместе с другими участниками демонстрации.

«Я нахожусь в тюрьме, — пишет она, — потому, что я вхожу в огромную армию простых людей, борющихся за мир...

После второго допроса я услышала в камерах пение «Молодой гвардии». Я почувствовала себя счастливой, мне хотелось смеяться от радости. Я узнала родные голоса. До меня донеслись также крики: «Авангард!» — это было имя нашей любимой газеты.

Сегодня мне выдали «порцию» на весь день — кофейную бурду и кусок черного хлеба. Я пробуду здесь столько, сколько придется, и буду мужественной до конца!

Нас называют «политическими заключенными», как это было во времена оккупации. Даже женщины из обслуживающего персонала тюрьмы выражают нам свое сочувствие.

Не беспокойтесь обо мне! Я выполняю свой долг француженки, я борюсь за мир»...

Газета «Юманите» сообщает, что в Туре не прекращаются демонстрации под лозунгом: «Освободить Раймонду Дьен!» Следственные органы получают ежедневно бесконечное количество писем и телеграмм, протестующих против ареста Раймонды.

В июне Раймонде Дьен и другим арестованным предстоит суд на основании закона, изданного французским королем Луи Филиппом еще в 1845 году. «Бидо, — пишет газета, — пользуется оружием Луи Филиппа. Но французский народ требует свободы для Раймонды Дьен, честного борца за мир, и он добьется этого!»

Читатели дальних сел

З. Г. Сосновская и Н. М. Корнилова, работники Смоленской областной библиотеки имени В. И. Ленина, отправляют книги в дальние села.

На столе стопка книг для отправки по почте на село. Их затребовали из Смоленской областной библиотеки имени В. И. Ленина сельские избы-читальни. Сегодня готовится посылка Талашкинской избе-читальне. Здесь литература о сельскохозяйственном водоснабжении, севооборотных машинах, ремонте тракторов, мелиорации заболоченных земель. Другая посылка предназначена для Радкевщинской избы-читальни. Одно лишь перечисление посылаемых туда книг говорит о разнообразии интересов сельского читателя: «Анна Каренина» Л. Толстого, «Мать» М. Горького, «Белая береза» М. Бубеннова, «Отец Горио» Бальзака, «Ромео и Джульетта» Шекспира, труды Вильямса о травопольной системе.

Областная библиотека высылает литературу и по заявкам отдельных читателей. Готовится посылка нескольких книг в деревню Шашки пионервожатому детдома Н. Николаеву: он учится заочно в педагогическом институте. Почтой уйдут книги в деревню Сычевку: старшему агроному Б. Титову — труды Дарвина, врачу У. Реусовой — новинки медицинской литературы. Услугами областной библиотеки пользуются преподаватель истории в селе Монастырщина Ю. Артановский, учительница Замощинской средней школы М. Сидорова, секретарь Гжатского райкома ВКП(б) Ф. Ломакин.

В годы войны Смоленская областная библиотека была до основания разрушена гитлеровцами. Теперь она вновь стала одной из крупнейших в Российской Федерации. Ее фонд достигает 250 тысяч книг. Недавно в восстановленном здании открыт читальный зал на 200 человек.

А. ЯКОВЛЕВ

Книга немецкой работницы

Ильза Виттвика, работница-активистка из Саксонии-Ангальт, побывавшая в СССР с делегацией немецких женщин, написала книгу о Советском Союзе. Первое издание книги «Что я видела собственными глазами» вышло год назад. Весь тираж был мгновенно раскуплен. Сейчас книга Ильзы Виттвика издана вторично, готовится к печати ее третье издание, расширенное автором.

Просто и убедительно рассказывает немецкая девушка о Советском Союзе — «стране, где простые люди управляют государством, где города, заводы и дома строятся для самого народа, где молодежи легко и свободно дышится».

В книге-рассказе о советских городах, о встречах со стахановками, о посещении театров и клубов, санаториев для рабочих живет одна главная мысль, обращенная к немецким трудящимся: мы должны учиться у великого Советского Союза работать, творить и жить; дружба с СССР — залог будущего германского народа.

Большое внимание уделяет немецкая работница описанию забот о детях в СССР, системе советского воспитания и образования. Немецкие женщины побывали в Тбилисском дворце пионеров, в московской школе, в Ленинградском доме учителей, в детском доме в Сталинграде. «Мы были покорены, — пишет Ильза Виттвика.— Разве мыслимо создание такого прекрасного детства в капиталистической стране? Разве возможно там строительство детских дворцов, театров, лагерей? А советских детей воспитывают и растят разумно, с детских лет развивая в них все прекрасное, что заложено в человеке».

В главе «Новый человек» Ильза Виттвика говорит о патриотизме советского человека, о его вдохновенном труде на благо Родины, для укрепления мира во всем мире.

И. ИЛЬИЧЕВА

ПЕРЕМЕНЫ В СЕЛЕ МАМИНАС

Исполнилось три года со дня создания в селе Маминас (область Дуррес в Албании) сельскохозяйственного кооператива, одного из первых и лучших в стране.

Журнал «Новая Албания» сообщает об успехах кооператива. Поголовье скота увеличилось в полтора раза, на много больше стало и ульев на пасеке.

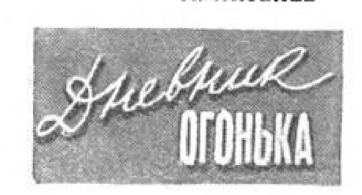
Весной 1947 года жители Маминаса впервые увидели у себя трактор. С тех пор земли кооператива обрабатываются машинами.

В области Дуррес крестьяне с давних пор страдали от засухи. Объединившись в кооператив, жители Маминаса построили несколько оросительных каналов; длина одного из них достигает 1700 метров. Благодаря орошению поля кооператива дают в три раза больший урожай. Крестьяне разбили в своем селе плодовый сад и виноградник.

Члены кооператива сообща построили 7 новых жилых домов и школу.

Крестьяне один за другим стали приходить в правление с просьбой принять их в кооператив. И за три года число членов его увеличилось на 34 процента. Непрерывно растет их доход.

Еще совсем недавно почти все крестьяне Маминаса были неграмотны. Теперь грамоте обучаются только 5 человек, остальные уже умеют читать и писать.

НОВОСЕЛЫ

В дни Великой Отечественной войны пензенский колхозник Семен Калинин был солдатом. Судьба занесла его в Крым. Калинин видел загубленные сады, порушенные города и села.

Новоселы Семен Калинин и Ермолай Сытников посылают телеграмму своим пензенским друзьям.

Фото Л. Яблонского

Отгремела война. И думка, едва наметившаяся в дни боевых походов, теперь не давала покоя Семену Калинину. Поехать бы на ту солнечную землю, ожидающую хозяйских, заботливых рук!

Вся семья давно знала желание Семена Андреевича: и Ульяна Яковлевна — супруга и Маша с Валей — дети Калининых. И соседа Ермолая Михайловича Сытникова захватила мечта о Крыме.

Люди всегда добиваются того, к чему сильно стремятся. И вот Калинины и Сытниковы нынешней весной прибыли из Пензенской области в Крым, в село Соколиное, где так много садов, одетых в это время года белоснежным убором, где вокруг высятся горы, а жилые дома до того сверкают белизной, что в солнечную погоду, глядя на них, прищуриваешь глаза.

Колхозники устроили приезжим добрую встречу. Помогли вещи с грузовиков снять и на место поставить, а ребятам угощение приготовили — сушеные фрукты, булки, молоко.

Председатель сельсовета Филипп Федорович Колесников пришел к новоселам, рассказал им про все, что их интересовало, ответил на вопросы. Татьяну Федоровну Сытникову и ее дочь Веру больше всего занимала новая для них культура — табак. Звеньевая табачной бригады Раиса Скадилова повела мать и дочь Сытниковых к своему парниковому хозяйству, туда, где выращивается рассада крымского табака.

Младшие члены семьи Сытниковых — Маша и Володя — в это время знакомились с новой для них школой и с учительницей Анастасией Сидоровной Смолькиной.

— Ну, вот мы и в Крыму, — говорил вечером за чаем Семен Калинин.

Он впервые принимал сегодня на своей новой квартире гостей — семью Сытниковых и председателя колхоза тов. Коноваленко. За самоваром новоселы толковали о всех колхозных делах.

Завтра с утра можно приниматься за работу!

А сегодня... что еще надо сделать сегодня? Семен Калинин и Ермолай Сытников отправляются в почтовое отделение и вместе сочиняют телеграмму, которую завтра получат их близкие в далеком отсюда селе Пензенской области.

«Доехали благополучно, встретили нас радушно. Очень довольны. Калинин, Сытников».

П. МАКСИМОВ

Хозяйка приходит на рынок

Шумно и многолюдно на всех колхозных рынках Тбилиси. Изобилие продуктов, богатство выбора радуют покупателей. После снижения цен в государственных магазинах подешевели продукты и на рынках. Можно купить побольше и получше.

Мы на крупнейшем в городе колхозном рынке района имени Сталина.

За ночь сюда навезли столько продуктов, что, кажется, нет уже больше места для них. Пригородные колхозы Дигоми, Авчала, Орточала и другие прислали горы свежей зелени и овощей. Пахучие цицмати, острый тархун, свежая редиска, нежный салат заполнили прилавки. Из Кутаиси прибыла цветная капуста. Из Гори — около трех тонн прекрасно сохраненных яблок. Боржомские, душетские, цалкинские колхозы подвезли масло, яйца, молоко и замечательные грузинские сыры. Из Кахетии и Мингрелии доставили барашков и поросят.

И все это быстро раскупается. Если в апрельские дни прошлого года на рынке за день продавалось в среднем до тонны зелени, то сейчас — до четырех тонн. Почти в три раза больше расходится мяса и масла.

Предпраздничная торговля в разгаре.

В. ВАРДИАНИ

На Эльбрусе

Легковой автомобиль «ГАЗ-67» обладает отличной проходимостью: его можно видеть на колхозных полях, в пустынях, тундрах и в горах. Но, пожалуй, нигде не забирался он так высоко, как на Эльбрусе.

Автомобиль поднимается на Эльбрус... Это произошло так. Геофизический институт Академии наук СССР решил создать высокогорную обсерваторию для изучения атмосферы и в качестве наиболее подходящего места избрал высочайшую горную вершину Европы — величественный Эльбрус, высота которого достигает 5600 метров. Обсерваторию решили поместить в знаменитом «Приюте одиннадцати», служившем прибежищем для многих альпинистов.

Много труда было потрачено на создание обсерватории. Для перевозки строительных материалов на гору использовался не только вьючный транспорт, но и тракторы и автомобили.

Машины устремились из Нальчика по Боксанской долине к подножью Эльбруса. Искусные водители товарищи Терещенко, Самойленко, Ковтун, Мащенко и другие уверенно вели машины по старым вьючным и альпинистским тропам в гору. Для того чтобы автомобили работали на высоте, механики и шоферы внесли свои изменения в систему подачи горючего и смазки.

Машина поднялась на Эльбрус...

Мы связались по радио с начальником обсерватории «Эльбрус» тов. А. И. Сидоренко.

МОСКВА. Как прошла первая научная зимовка?

«ЭЛЬБРУС». Хорошо. Все зимовщики чувствуют себя отлично.

МОСКВА. Как выдержало здание обсерватории снежные бури?

«ЭЛЬБРУС». Зимой часто бушевали ураганы. Сила ветра порой достигала 60 метров в секунду. Здание, овальной, обтекаемой формы, обшитое листами оцинкованного железа, прекрасно выдержало все испытания. Научная работа в обсерватории не прекращалась даже во время самых жестоких бурь.

— В распоряжении научных работников, — рассказал по радио корреспонденту «Огонька» А. И. Сидоренко, — удобные, теплые жилые помещения, кают-компания, библиотека. В обсерватории есть радио, электричество. Повар Чихрадзе готовит разнообразные кушанья. Многие работники обсерватории — отличные лыжники: зимой они не раз спускались с горы за почтой. Я снял и смонтировал фильм о строительстве обсерватории и о жизни советских ученых на Эльбрусе.

Как только сойдут глубокие снега, вновь откроется регулярное сообщение с Эльбрусом. Обсерватория получит все необходимое для ведения научной работы летом и будущей зимой.

Дневник ОГОНЬКА

Леса вдоль железных дорог

С первых же весенних дней вновь развернулось грандиозное наступление на засуху, блестяще начатое в прошлом году по замыслу товарища Сталина. Вдоль колхозных и совхозных полей, на государственных трассах поднимается лесная поросль — будущие надежные заслоны против суховеев...

Массовые лесопосадки ведутся и на железных дорогах Советского Союза. Работы принимают все более широкий размах. В Министерстве путей сообщения СССР организуется специальное Управление защитных лесонасаждений. Начальник этого управления Д. М. Носов сообщил корреспонденту «Огонька»:

— Древонасаждения на транспорте играют большую роль. Ежегодно затрачиваются огромные средства на борьбу со снежными заносами, песчаными бурями, размывом полотна, оползнями. Лесные полосы намного облегчают борьбу со стихийными бедствиями, способствуют нормальной, бесперебойной работе дорог, ускорению движения. Они дают также большой экономический эффект. Достаточно сказать, что ежегодно дороги экономят до 200 миллионов рублей благодаря созданию вдоль линий зеленой защиты, заменившей деревянные щиты.

Лесные полосы вдоль рельсовых путей протянулись уже почти на 26 тысяч километров. Значительная часть их проходит в южных и юго-восточных засушливых и многоснежных районах страны. Наблюдательный пассажир, часто ездящий по железным дорогам этих районов, может заметить, как меняется здесь пейзаж, разнообразнее становится природа.

Большие работы предстоят и в нынешнем году. Нужно заложить лесные полосы на протяжении двух тысяч километров. Для успешного выполнения плана посадок создаются лесозащитные станции, оснащенные тракторами, лесопосадочными машинами, сеялками, культиваторами. Увеличивается количество лесопитомников. Открывается специальный лесомелиоративный техникум, а в дорожных технических школах организуются отделения для подготовки мастеров-лесомелиораторов.

Озеленяются территории станций, депо, рабочих железнодорожных поселков. О масштабе этой работы можно судить хотя бы по тому, что только в прошлом году было высажено более пяти миллионов декоративных и плодово-ягодных деревьев и кустарников.

В текущем году озеленение будет проводиться по всей сети железных дорог, в первую очередь на основных направлениях, связывающих столицу с Ленинградом, Тбилиси, Севастополем, Киевом, Одессой...

КОРОТКО

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «Слова о полку Игореве» предпринимает Институт русской литературы Академии наук СССР. Оно выйдет к исполняющемуся в нынешнем году стопятидесятилетию со времени первого опубликования этого величайшего памятника русской героической поэзии. Подготовлен также к печати большой сборник исследований и статей, посвященных «Слову». Советские ученые по-новому раскрывают идейно-политическое содержание произведения.

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ аспирантов Академии наук Узбекистана состоялась в Ташкенте. В работе конференции участвовало свыше двухсот аспирантов, научных работников и студентов вузов. Было обсуждено несколько десятков докладов. Конференция показала серьезные достижения в подготовке молодой научной смены и теоретический рост аспирантов.

Матч-турнир сильнейших шахматистов мира

Первый шахматист, завоевавший звание чемпиона мира, Стейниц, сохранял это звание в течение 26 лет. Ласкер был чемпионом 28 лет, Алехин — 17. Победители не стремились вновь померяться силами с равными противниками.

Напрасно любители шахмат во всем мире многие годы ожидали интересной борьбы корифеев шахматного искусства. Чемпионы предпочитали не рисковать: выгоднее было вести бесконечные переговоры и всячески оттягивать решающую встречу. Ведь титул чемпиона приносил его обладателю немалый доход. Поэтому, например, переговоры о матче-реванше Алехина и бывшего чемпиона Капабланки длились 12 лет. Этот матч так и не состоялся.

Совсем иное дело теперь, когда чемпионом мира стал советский гросмейстер М. М. Ботвинник. При его непосредственном участии ФИДЕ (международная организация шахматистов) разработала и утвердила такой порядок розыгрыша мирового первенства, при котором чемпионы мира будут защищать свое звание в борьбе с сильнейшими шахматистами мира регулярно каждые три года.

Претендент на такой матч выявляется на международных отборочных турнирах лучших шахматистов мира.

Сейчас в столице Венгрии, в Будапеште, по решению ФИДЕ проводится матч-турнир. В его составе — победители предварительного, отборочного турнира, проведенного в Стокгольме в 1948 году, и участники матча на первенство мира, победителем которого был теперешний чемпион М. М. Ботвинник.

В Будапештском турнире, таким образом, участвуют выдающиеся шахматные гросмейстеры современности. Это В. Смыслов, П. Керес, А. Котов, Д. Бронштейн, И. Болеславский, А. Лилиенталь и С. Флор (СССР); Л. Сабо (Венгрия), М. Найдорф (Аргентина) и Р. Штальберг (Швеция). Они сыграют друг с другом по две партии.

БЕЛОРУССКИЕ СУКНА

До самого последнего времени Белоруссия не вырабатывала тонких сукон. Вступившие недавно в строй тонкосуконные комбинаты в Минске и Гродно положили начало новой в Белоруссии отрасли промышленности.

— В июне сорок седьмого года, — сообщила нам директор Минского комбината инженер Александра Федоровна Ничипор, — были установлены три первых чесальных аппарата. А теперь, как видите, выстроены новые корпуса, смонтировано многочисленное оборудование, и отсюда ежедневно отправляется тонкое минское сукно.

В залитых ярким весенним солнцем цехах комбината идет размеренная работа. Здесь ткут драпы — дамский «деми-дубль», «балтийский», — клинцовский шевиот, грочные и красивые ткани на пальто, костюмы... Вот у двух станков работает двадцатилетняя ткачиха Зина Ушкевич. Она вырабатывает цветной драп для дамских пальто и сукно «БО-20».

...Огромный белокаменный корпус тонкосуконного комбината в Гродно расположен на берегу Немана. Еще продолжается монтаж некоторых цехов комбината, а из его склада уже отгружают в Москву, Ленинград, Ярославль, Куйбышев, Пензу тонкосуконные ткани разных цветов.

Д. ВЕТРОВ

«Лосиноостровская народная консерватория» — так была названа организованная 30 лет назад детская музыкальная школа в городе Бабушкине. За минувшие три десятилетия эту школу закончило свыше 3 тысяч учащихся, 250 человек из них стали профессионалами в области искусства. Теперь Бабушкинское училище — методический центр для областных музыкальных школ. Обучается в нем 651 человек.

В апреле в Большом зале Московской государственной консерватории состоялся очередной отчетный концерт воспитанников школы. На снимке: самый младший из участников концерта, семилетний Боря Бехтеров, ученик 1-го класса педагога Ю. Полунина, исполняет «Утреннее размышление» Чайковского.

Фото И. Озерского (ТАСС)

Пейзажи Аралова

В Московском союзе советских художников открылась выставка произведений Владимира Николаевича Аралова. Выставка небольшая, но посещаемость ее высока. Московского зрителя привлекает здесь искренность и волнующая правдивость изображения русской природы. Аралов пишет то, что пишут десятки других художников,— лесную поляну, первую майскую зелень, яблони в цвету, лодки у волжского берега. Но видно, что автор любит изображаемое, и любовь эта составляет основу его творчества.

Роскошный интерьер музея в Останкине, речка Пахра, вьющаяся в Ленинских Горках, закат, зажигающий снег на кровле избушки,—все это писано уверенной рукой мастера.

Владимир Николаевич Аралов принадлежит к старшему поколению советских художников. Еще в 1908 году он поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и пять лет спустя окончил его по мастерской Архипова. Выпускная картина Аралова «Рыболовы», одобренная знаменитым учителем, была тепло встречена публикой. Империалистическую войну Аралов провел на фронте рядовым. В первые годы революции он служил в Красной Армии. С 1922 года Аралов начал показываться на выставках, и с той поры его произведения непременно участвуют на московских и всесоюзных смотрах. На последней всесоюзной выставке 1949 года представлен пейзаж Аралова «Ветрозащитная зона».

Помимо лирического пейзажа, художник работает и над городскими видами. Многие прежние его полотна посвящены старой Москве, с потемневшими куполами церквей, с кривыми переулочками и путаными дворами.

Сейчас Аралов работает над темой новой социалистической столицы. Он увлеченно пишет вид на Охотный ряд, площадь Свердлова, Кремлевскую набережную.

Москва — центральная тема сегодняшнего творчества Аралова.

В. Аралов. Москва. Вид на Охотный ряд.

МЯЧ В ИГРЕ...

Началось первенство страны по футболу

В прошлое воскресенье в семи южных городах страны раздались сирены судейских свистков. На семи различных стадионах начался розыгрыш первенства страны по футболу.

Центральным матчем была встреча московских и тбилисских динамовцев в столице Грузии. Когда стрелка больших часов, установленных на стадионе имени Берия, показала цифру 2, из-за горы Мтацминда, словно по заказу, выглянуло щедрое апрельское солнце. Оно осветило улицы Тбилиси. Тысячи людей двинулись к узорчатым воротам ярко украшенного стадиона.

На спортивном поле, где уже проглядывает свежая зелень травы, выстроились 500 футболистов Тбилиси. Их возглавили мастера московского, тбилисского и минского «Динамо» и спартаковцы грузинской столицы.

К моменту торжественного открытия на стадионе собралось 40 тысяч зрителей. Многие приехали из Кутаиси, Сухуми, Батуми, Гори, Поти и других городов республики. Это и понятно. Предстояла первая в этом сезоне встреча двух сильнейших команд страны.

Капитаны команд подняли флаг 12-го первенства страны по футболу, тбилисские динамовцы в знак дружбы преподнесли москвичам 11 букетов сирени. Затем судья Белов начал матч, который сразу же принял характер острой борьбы. Уже на 22-й минуте Р. Махарадзе вбил мяч в ворота москвичей — первый гол сезона.

Москвичам затем не только удалось отыграть мяч, но и добиться победы со счетом 3 : 1. Интересно, что из 4 мячей 3 были вбиты ударом головы.

В Сталинграде встретились футболисты местного общества «Торпедо» и московские спартаковцы. В течение всего матча обе команды вели попеременные атаки, и лишь за 8 минут до конца спартаковец Ю. Седов вбил мяч в... свои ворота. Спустя минуту штрафной удар дал возможность сталинградцам одержать победу со счетом 2 : 0.

Московским торпедовцам, выступавшим на ереванском стадионе, не удалось обыграть местных динамовцев (1 : 1), а в Баку футболисты ленинградского «Зенита» провели в ворота команды «Нефтяник» четыре мяча, пропустив в свои лишь один.

Ничейным результатом (2 : 2) кончилась встреча динамовских команд Киева и Ленинграда.

Московский «Локомотив» победил своих харьковских одноклубников, а «Шахтер» — футболистов «Даугавы» (Рига) с одинаковым соотношением мячей — 1 : 0.

Розыгрыш первенства начался. В нем принимают участие 33 команды — 19 в классе «А» и 14 в классе «Б». Впервые в старшей группе выступают спартаковцы Тбилиси.

ПОПРАВКА

В № 15 «Огонька» на стр. 26, в статье Б. Худяковой «Голоса народных инструментов», следует читать: «Коллектив исполняет оперу Гречанинова «Добрыня Никитич», отрывки из «Золотого Петушка» Римского-Корсакова, из 4-й симфонии Чайковского».

СТЕНА НЕ СПАСЕТ

Мирза **ИБРАГИМОВ**

Рисунок О. Верейского

Азербайджанский писатель Мирза Ибрагимов закончил большой роман об Иране «Наступит день». Роман подводит читателя к началу второй мировой войны и развертыванию демократического движения в стране. Автор рисует невыносимо тяжелую жизнь азербайджанского крестьянства под игом иранских помещиков, изобличает деспотический режим Реза-шаха Пехлеви, продажность министров, интриги иностранных империалистических держав — США, Англии и фашистской Германии. Одновременно автор в реалистических красках показывает нарастание революционного движения в Иране.

Печатаемый ниже отрывок взят из первой главы романа. Народный учитель Фридун, выходец из бедной крестьянской семьи, попадает с помощью законспирированного революционера Курд Ахмета в Тегеран, где становится одним из руководителей подпольной революционной организации. После отречения Реза-шаха Фридун возвращается на родину, в Южный Азербайджан, для продолжения своей революционной работы.

Полон надежд и светлых ожиданий, возвратился на этот раз Фридун в родную деревню. Он надеялся заработать кое-что на зиму и осенью поступить в университет. Прошло лето, и Фридун понял, что надеждам его не сбыться. И все же не это омрачало сейчас его душу: ведь он мог бы в Тегеране репетировать купеческих детей, зарабатывать этим на хлеб и одновременно учиться в университете. Теперь ему не давали покоя мысли о положении крестьян, среди которых он вырос, чья жизнь проходила на его глазах. И тут еще этот внезапный приезд помещика... Погруженный в свои мысли, Фридун шел по деревне.

Для разговора с помещиком крестьяне собирались на большом гумне. Чтобы попасть туда, Фридуну нужно было перейти речку, а затем пройти мимо свалки, куда вся деревня много лет выбрасывала золу из очагов и всякий сор. Босые, с непокрытыми головами ребята, как куры, копошились на свалке. Подойдя к ним ближе, Фридун невольно отвернулся: у многих детей веки гноились — они были поражены трахомой. Зловещая свалка, калечащая детей и обрекающая их на слепоту, была таким ярким выражением уродливого общественного строя, господствующего в иранской деревне, что Фридун подумал гневно: «Пока еще весь народ не ослеп, мы должны уничтожить эту гигантскую свалку...»

Переходя через русло высохшей реки, Фридун еще издали видел у гумна сверкающий лаком автомобиль и большую толпу крестьян. Там же, возле стога, устроен был из старых паласов навес, под которым стояла покрытая ковриком скамья. На ней сидели четыре человека, по внешнему виду — знатные господа. Вокруг них стояли в почтительных позах барский приказчик Мамед и сельские жандармы во главе со своим старшим Али. Крестьяне толпились в некотором отдалении.

Увидев Фридуна, дядя Муса протолкался к нему и шепнул на ухо:

— Сам барин приехал... Господин Хикмат Исфагани!

— А зачем он здесь? Чего ради бросил он Тегеран и пожаловал сюда?

— Говорят, с гостями на летнюю дачу прибыл.

— Тот, что рядом с ним, — американец, — шепнул кто-то из крестьян. — Говорят, он не бывал в Азербайджане, вот господин и привез его показать Азербайджан и погулять в горах!

— А тут им приказчик Мамед встретился...

— Так оно и есть! — поддакнул еще один. — И приятно и полезно!..

Фридун продвинулся поближе и мог теперь ясно разглядеть господ. Заплывший жиром, тучный Хикмат Исфагани, очевидно, чувствовал, какая ненависть таится в молчании крестьян. Ему хотелось, чтобы они боялись его, и он принял суровый вид.

«Он сам крестьян боится!» — мелькнуло в голове Фридуна.

Хикмат Исфагани прервал наконец тяжелое молчание. Он говорил неспеша, явный вызов слышен был в каждом произнесенном им слове: он как бы объявлял не подлежащий обсуждению закон. Но говорил он по-персидски, и крестьяне молчаливо и недоуменно переглядывались, вслушиваясь в незнакомый язык.

— Что изволили сказать нам, господин? — раздался вдруг чей-то недоуменный вопрос. — Объясните.

Приказчик Мамед нагнулся к уху Хикмата Исфагани и что-то зашептал ему.

Хикмат Исфагани поморщился, кивнул приказчику, и тот повернулся лицом к толпе:

— Господин соизволили сказать, что во имя совести и справедливости урожай должен быть поделен согласно их приказанию. Иначе делить никак невозможно. Одна пятая вам, а четыре пятых господину, ибо у господина расходов много. Налог государству надо платить, чиновникам надо давать, слуг надо содержать. Все они есть хотят, и поэтому урожай надо поделить на пять частей.

Крестьяне недовольно зашумели:

— А прежнее соглашение как?

— Две части из пяти!..

— Так договорено было!..

Толпа зашевелилась. Расстояние между ней и господами стало уменьшаться.

— Эй, вы! — громко прикрикнул на крестьян приказчик Мамед. — Что сгрудились, как бараны!

— Ты бы лучше помолчал! — крикнул ему кто-то из толпы.

И как ни старался Мамед, подымаясь на цыпочки, отыскать в толпе того, кто произнес эти угрожающие слова, он не смог его найти.

Видя, что Хикмат Исфагани раздражен происходящим, сельские

жандармы стали оттеснять крестьян назад, подталкивая их прикладами ружей.

В толпе раздался вдруг крик:

— Дайте дорогу, люди! Пропустите, люди!

Волнение, гнев, жалоба слышались в этом голосе.

Крестьяне посторонились, и Фридун вдруг увидел, что перед Хикматом Исфагани дерзко встал дядя Муса. Он был окружен детьми: здесь были трое его ребят и шестеро — Гасанали.

— Господин, — громко сказал дядя Муса и поклонился Хикмату Исфагани до земли. — За тебя я отца отдам! Посмотри на этих детишек и пожалей! Видишь, шеи у них, как стебельки, а животы, что твой бурдюк, раздуты! А отчего? От грязной воды! От голода! А во что они одеты? Слава аллаху, — ты сам изволишь видеть, — голыши!.. Пожалей нас!..

Приказчик Мамед снова наклонился к уху Хикмата Исфагани. Выслушав приказчика, тот прикрикнул на дядю Мусу:

— И тебе не стыдно, старик, смотреть мне в лицо? Три года не платишь ты мне за воду, и ни слова упрека от меня не услышал. Так-то платишь ты за добро?

— Господин, — взмолился дядя Муса, — я отца отдам за тебя! Каждый год платим, но никак не выплатим. Мы платим, а долг растет и растет.

Хикмат Исфагани, не скрывая своего отвращения к собеседнику, спросил:

— Здесь у тебя все или, может, еще кого добавишь?

Дядя Муса не понял вопроса.

— Отца за тебя отдам, не понял: о чем изволишь спрашивать?

— Господин спрашивает, — вмешался в разговор приказчик Мамед, — кроме этих детей еще имеешь?

— Кроме этих троих еще дочку имею, — не понимая издевки, серьезно ответил дядя Муса. — Девушка взрослая. Сюда привести постеснялся.

Губы Хикмата Исфагани скривились в ядовитой улыбке:

— Мало, очень мало привел!.. Наглец! Досыта хлеба не ешь, а детей, как щенят, разводишь без счета!

Дядя Муса не смутился и ответил спокойно и громко:

— Отца за тебя отдам, все аллах дал!.. Все от аллаха!.. Кто дает детей, тот и посылает на их прокормление. Если ты будешь милостив, как-нибудь проживем.

— А эти шестеро чьи?

— Господин, это все одно, что сироты. Всего два дня назад их отца вот на этом самом месте, где мы ведем разговор, змея ужалила, пришлось отрезать ему ногу до колена, и теперь он дома, что куль муки, лежит. Не работник он больше, нет. Так не отнимай у них куска хлеба, окажи такую милость!..

— Клянчишь, как нищий возле мечети! Отойди прочь!..

— Побойся аллаха, господин! Не лишай бедняка хлеба!..

Приказчик Мамед что-то шепнул Хикмату Исфагани на ухо. Хикмат Исфагани поднялся с места.

— Слушай, старик, — сказал он грозно, наступая на дядю Мусу, — а сам-то ты веришь в аллаха?

Дядя Муса отпрянул от него в ужасе, замахал руками.

— Не греши, господин, — забормотал он. — Не греши! Язык отсохнет!..

— Нет, ты не веришь, так говорю я! Если бы ты верил в аллаха, то не воровал бы моей пшеницы.

Дядя Муса с недоумением повернулся к людям.

— Изволь, отца за тебя отдам, — проговорил дядя Муса, — проверь... Как ночью метку положили на пшеницу, так кучка и остается нетронутой на моем гумне.

Все двинулись к гумну дяди Мусы. Впереди шел приказчик Мамед, за ним Хикмат Исфагани и трое гостей.

Дядя Муса опередил всех и, позабыв о детях, бросил их там, где они стояли.

— Тетушка Сария! — крикнул кто-то, задев одного из стоявших на дороге ребят. — Возьми своего ребенка, а то еще задавят.

— Что мне делать, милые! — пожаловалась тетя Сария. — Уж лучше бог бы их прибрал и избавил нас от них!..

Но тут ребенок жалостно заплакал, тетя Сария схватила его на руки и заторопилась, чтобы догнать толпу, которая уже приближалась к гумну дяди Мусы.

Люди, дойдя до гумна, останавливались, пораженные и смущенные: кучка зерна была разворошена, и метка с нее была сбита.

Хикмат Исфагани схватил дядю Мусу за шиворот.

— Ну, что? — зарычал он. — Я спрашиваю: что это значит?

Дядя Муса бросил растерянный взгляд на кучу пшеницы, потом взглянул на приказчика Мамеда и старшего жандарма Али.

— Люди, не верьте! — завопил он вдруг. — Все это нарочно подстроено, чтобы все зерно у нас отнять! Не верьте!

Хикмат Исфагани побагровел от гнева:

— Значит, это не ты сбил метку с кучи, не ты воровал зерно?

— Нет, аллах знает, я не трогал зерна!

— Ладно, проверим. Ты будешь присягать на коране. — И Хикмат Исфагани повернулся к одному из сопровождавших его, к долговязому, худому господину. — Господин Софи Иранперест! — сказал он. — Пройди вперед... Объясни им, как наказывает аллах тех, кто присягает лживо...

Софи Иранперест вышел вперед с книжечкой в кожаном переплете.

— Люди! Вот коран! — сказал он. — Вот воля аллаха и завещание пророка Мухаммеда! Всякий, кто лживо на нем присягает, подвергает себя божьему гневу и превратится в камень, как это случилось вчера в Серабе, в селении Дуззан с Машади-Гусейном, да накажет его святой Мешхед! Когда он прикоснулся к корану, рука его пониже локтя окаменела. Вот каков гнев аллаха! Теперь пусть выйдет вперед, кто считает себя смелым!

Сказав это, Софи Иранперест хотел отойти в сторону, но Хикмат Исфагани остановил его.

— Поди, отмерь семь шагов, пусть придет и присягнет! — сказал он. — Я против него ничего не имею. Пусть только присягнет, — я все ему прощу. Если он даже унес сто халваров зерна. Пусть скушает их на здоровье!..

Люди посторонились. Софи отсчитал семь шагов, сгреб ногой песок в небольшую кучу и, стоя возле нее, поднял книжку.

Все с напряженным вниманием следили за дядей Мусой. Глаза Фридуна также были прикованы к старику. Лицо Мусы выражало тяжелую внутреннюю борьбу.

— Ну, начинай! — сказал Хикмат Исфагани. — Присягни, и покончим с этим.

Дядя Муса сделал три шага, но потом вдруг круто повернулся и упал к ногам Хикмата Исфагани.

— Пожалей меня, господин! — стал он молить жалостным голосом. — Возьми все!.. Мне ничего не надо!..

Хикмат Исфагани оттолкнул его ногой.

— Не-ет! Оставлять таких лгунов без наказания — значит грешить против аллаха! — и он повернулся к старшему жандарму Али: — Связать этого вора и всыпать ему двести ударов!

Фридун смотрел на дядю Мусу и ничего не мог понять. Он не представлял себе, чтобы дядя Муса прикоснулся к зерну, и потому никак не мог понять его поведения.

Жандармы принесли веревку, раздели дядю Мусу и крепко привязали к толстому стволу чинары.

Хикмат Исфагани повернулся к американцу, которого привез из города, и любезно сказал ему:

— Вы бы пошли прогуляться, мистер Гарольд, это зрелище вам может быть неприятно. Но таковы наши мусульмане. Если их не бить, они восстанут против самого аллаха!

Мистер Гарольд холодно улыбнулся.

— Нет, нет! — произнес он, и любопытство человека, готовящегося наблюдать интересное цирковое представление, оживило его сухое лицо. — Без этого трудно сохранить порядок в стране. Твердость и справедливость — близнецы, мистер Исфагани! Делайте свое дело!

Жандармы пучками свежих ракитовых прутьев уже стегали дядю Мусу по обнаженному телу.

Дядя Муса мужественно сносил боль и старался не стонать. Но Фридун при взгляде на его перекошенное от страдания лицо и пересохшие губы почувствовал, что у него потемнело в глазах. Тетя Сария вопила, дети плакали. Повернувшись к ним, Фридун встретил взгляд Гюльназ, старшей дочери дяди Мусы. По щекам девушки струились слезы стыда и горя. И Фридун вдруг выступил вперед.

— Стойте! — крикнул он жандармам. — Дядя Муса ни в чем не виноват. В то время, как он ушел к роднику за водой, я припрягал быков к молотильным доскам и, зацепив ногой за сито, упал на эту кучу и сбил метку. А он невиновен...

Единый вздох облегчения пронесся над толпой.

— Отсчитай ему семь шагов! — злобно сказал Хикмат Исфагани, обращаясь к тому же Софи Иранпересту.

И тот так же, как и в первый раз, отмерил семь шагов и остановился около кучки песку с кораном в руке.

Фридун решительно сделал семь шагов, разбросал песчаную кучку и сказал, положив руку на коран:

— Клянусь этим кораном, что говорю правду!..

Дядю Мусу уже отвязали, он торопливо одевался.

Фридун в это время подошел к Хикмату Исфагани.

— Господин! — сказал он твердо. — Вы не имеете права нарушать свое же слово! Это несовместимо с вашим достоинством. Как было условлено раньше, так и должен быть произведен раздел. Земля ваша дает вам один пай, вода ваша — еще один пай, скот ваш — еще один пай, всего у вас три пая; семена наши — один пай, вот эти руки наши, труд наш — еще один пай, итого два пая. Значит, из пяти частей три — вам, а две — нам.

И Фридун добавил громко, чтобы слышали все:

— Умрем, но ни одного золотника не уступим!

— Неправильно, — крикнул Хикмат Исфагани, — земля дает мне два пая! Да я еще не считаю соху, молотильные доски, вилы... Разве все даром из земли выходит? Если считать все, так на вашу долю падет не одна из пяти, а одна из шести частей!..

— Извините, господин, это не так! — продолжал настаивать Фридун. — Орудия труда считаются заодно с рабочим скотом. И земля — один пай! Нельзя так издеваться над крестьянами. Они тоже люди!..

— Да ты откуда взялся со своими выдумками, парень? А ну, привяжите-ка его к дереву! Дать ему сто ударов!..

Жандармы двинулись на Фридуна. Но тот не дался им в руки и, с силой оттолкнув их, сбил одного из них с ног. Приказчик Мамед и старший жандарм Али, схватив Фридуна, скрутили ему руки за спиной и поволокли к дереву.

Один из господ, прибывших с Хикматом Исфагани, своими острыми глазами все время молча следивший за тем, что происходило на гумне, сказал вдруг помещику:

— От речей этого господина несет политикой! — он кивнул на Фридуна. — Я осмеливаюсь просить вас не подвергать его побоям. Он подлежит более тяжелому наказанию!

— Вы правы, господин Курд Ахмед, — ответил Хикмат Исфагани после минутного раздумья. — Я понимаю вас. Это наверняка большевик!

И Хикмат Исфагани повернулся к старшему жандарму Али:

— Он из Баку, не так ли?

Ему ответили приказчик Мамед и старший жандарм Али почти в один голос:

— Нет, господин! Он из Тебриза. А кто таков, неизвестно.

— Кем же он может быть, как не большевиком?! Мой друг мистер Гарольд недаром говорит, что надо выжигать землю, на которую упало большевистское семя. Клянусь аллахом, он прав!

И Хикмат обратился к американцу:

— Вы знаете, мистер Гарольд, этот Азербайджан — подлинное бедствие для нас. Здесь находят благодатную почву все дурные семена, какие только есть на свете: революция, конституция, советы, большевизм...

— Ничего удивительного, мистер Исфагани! — с подчеркнутым спокойствием ответил мистер Гарольд. — От такого соседства, — и он указал рукой на север, — ничего хорошего и ожидать нельзя. У вас на Востоке есть хорошая поговорка: «Ставь вместе двух коней разных мастей, масть свою они сохранят, но нрав позаимствуют друг от друга». Пока в Северном Азербайджане существуют Советы, много будет вам хлопот в Тавризе, Гиляне, Мазандаране...

— Клянусь создателем! Будь власть в моих руках, я обнес бы северные границы стальной стеной, да такой, чтобы основание ее покоилось на дне моря, а зубцы упирались в седьмое небо! — воскликнул Хикмат Исфагани.

— Никакая стена вас не спасет! Народ снесет все ваши преграды! — не удержался Фридун.

— Вот оно, большевистское семя! Какой ветер занес тебя к нам с того берега? Немедленно взять этого большевика!.. — завопил Хикмат Исфагани.

— Слушаюсь! — и старший жандарм Али что-то шепнул жандармам. Фридуна увели.

— Четыре части из пяти — мне, а одна — вам, — сказал Хикмат Исфагани, обращаясь к крестьянам. — И больше никаких разговоров! Оставляю здесь господина Курд Ахмеда. Это мой поверенный.

Курд Ахмед окинул крестьян мрачным взглядом. Хмуро и недоверчиво смотрели на него крестьяне.

Перевод с азербайджанского Аз. ШАРИФА

Весенние записи

Александр ТВАРДОВСКИЙ

I

Как только снег начнут буравить
Ручьи апреля вдоль дорог,
Опять весна тебе представит
Всех весен прожитых урок.

В набитой густо ржавой пене
Нельзя и ныне не узнать
Всех вод сбежавших нетерпенье,
Не возвращающихся вспять.

В цветенье голых верб, орешин
И ольх над полой ширью рек
Вновь постигаешь, как поспешен
Крутой поры кипучий бег.

Как чуток ветки сон сторожкий:
Лучом пригретые едва,
Отдать дымок спешат сережки,
Пока спеленута листва.

Как быстры смены, кратки сроки:
Еще в овражке снег приник,
А по сухой уже дороге
В пыли несется грузовик.

И — позади зимы остатки,
Машина с воем воздух рвет.
На ней березки для посадки,
И почки тронутся вот-вот...

II

На платформе поезда —
Грузовая ЗИС.
Из кабины девушка
Смотрит сверху вниз.

Ей, должно быть, кажется
Странным этот путь:
Ни прибавить скорости,
Ни тебе свернуть.

Ни назад подвинуться
С места хоть на пядь.
Некому и незачем
Свой сигнал подать.

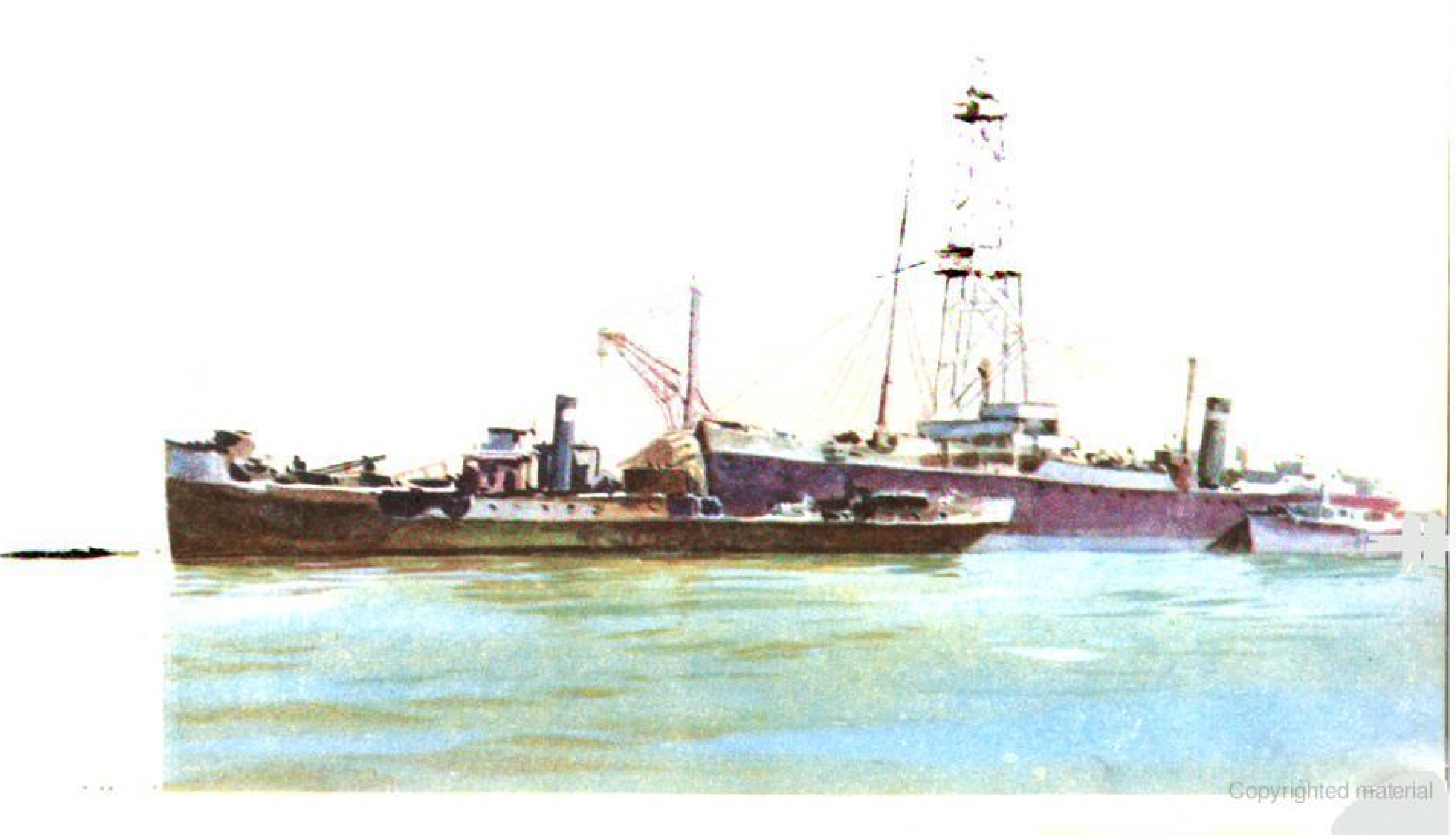
И, как будто в комнате,
Дома за столом,
Что-то вяжет девушка,
Сидя за рулем.

Долго ли дорожное
Девичье житье!
Но с машиной этою
Где-то ждут ее.

Ждет земля прогретая,
Ждет полей простор...
И — вязанье в сторону
Отложи, шофер.

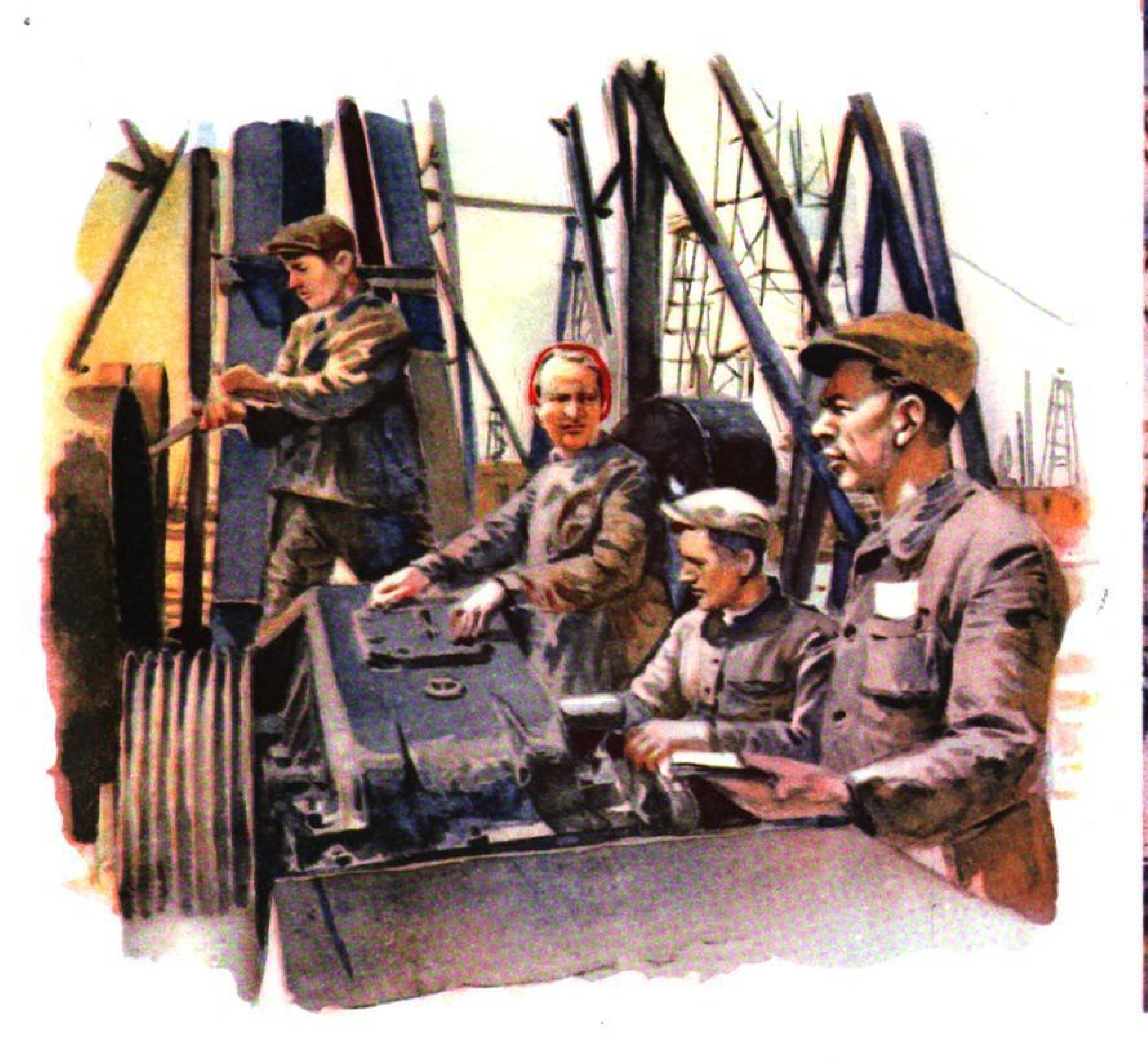
БАКУ—ГОРОД НЕФТИ

Рисунки художника А. Лурье

Вверху — На одном из промыслов треста «Сталиннефть».

Справа — Бурение в открытом море. Буровая знатного мастера Курбана Абасова.

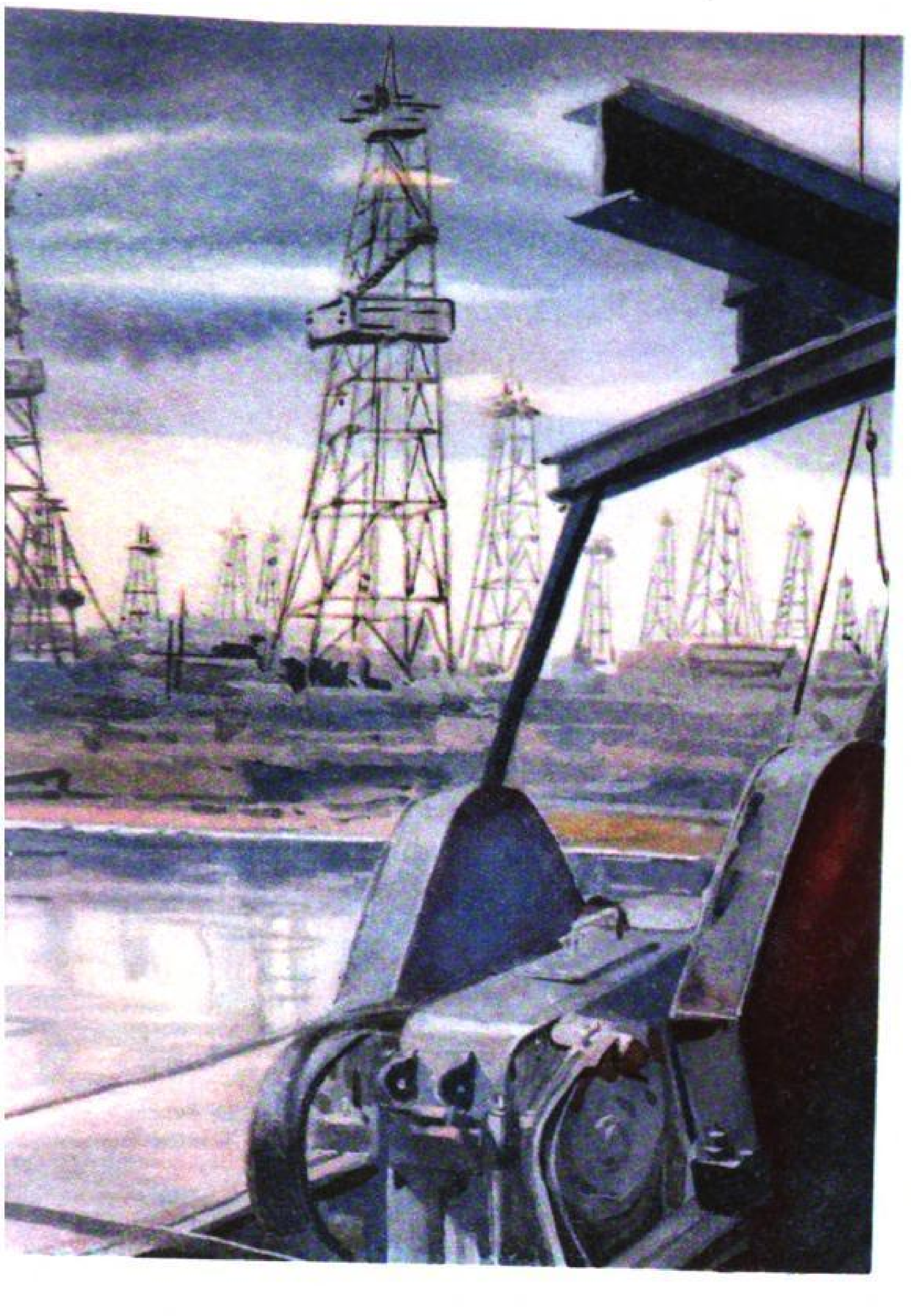
Передовая бригада подземного ремонта скважин мастера Балаева.

На промысле в Сура

Общий вид нефтепромысла.

ханах. На переднем плане редукторная качалка.

Мастер нефти, лауреат Сталинской премии Мирза Бедирханов (трест «Сталиннефть»).

Лауреат Сталинской премии Ага Гусейн Кафаров, новатор производства.

Глиняный карьер.

Морской промысел.

За каймой КОВРА

Народ все прибывал. По улице, перед зданием Академии наук Азербайджана, где был выставлен ковер, уже не могли продвигаться автомобили, но люди все шли и шли.

Лятиф Керимов беспомощно оглянулся, толпа оттерла Исмаила Ахундова и Кязима-Заде, и он только растерянно махал им рукой.

Вчера, 25 ноября, когда ковер вывесили в зале, они увидели его из ложи впервые весь, целиком, освещенный сиянием сотен ламп. Они целовались и чуть не плакали, их целовали и поздравляли. И сейчас тысячи людей пришли сюда, чтобы увидеть подлинное произведение искусства.

Лятиф Керимов уже не пытался пробиться. Он смотрел. Девочка с тугими, почти синими косами протиснулась к дверям. Двое юношей провели под руки старика, взволнованно говорившего высохшими губами:

«Я 95 лет живу на свете, а такой прекрасной вещи не видел». Вдруг за спиной Лятифа зазвенел детский голос: «Дедушка, вот это он сделал ковер и еще вот они!» Девочка показала на Лятифа Керимова и в сторону Ахундова и Кязима-Заде.

* * *

Трудно сейчас установить, кому первому пришла мысль создать этот ковер. Разве в этом дело! Три художника перечитали тогда массу книг, и красочная, певучая история азербайджанских ковров вновь прошла перед ними.

Это древняя история. Много столетий назад здесь начали ткать ковры. Сначала они были примитивны и напоминали простые цыновки. Позднее их стали делать наподобие домотканной материи, причем цвет ковров сохранял естественную окраску овечьей шерсти. Но вот появились ковры с разноцветными полосами, потом — с орнаментом. Постепенно наряду с гладкими коврами возник новый тип — ворсовые. При создании этих ковров каждая пара нитей основы обвязывалась шерстяной пряжей, шерстяная нить обрезалась, и концы узла образовывали ворс. Этот тип ковров, сложившийся примерно в X веке и получивший широкое распространение на Ближнем Востоке, к XV веку достиг совершенства.

Замечательное исполнение и великолепные орнаменты обеспечили вскоре азербайджанским коврам популярность во всем мире.

Многие поэты и художники воспевали ковры Азербайджана. Лучшие музеи мира стремились украсить свои стенды азербайджанским ковром.

После Великой Октябрьской социалистической революции ковровое искусство Азербайджана достигло небывалого расцвета. Ковры стали сюжетными. Вся яркая, богатая азербайджанская природа жила в этих коврах — седые горы и кипящие светлые родники, росистые цветы и замысловатое плетение виноградной лозы. Советские ткачи поражали мир своим мастерством на Парижской и Нью-Йоркской международных выставках.

Но ковер, который создадут они сейчас, должен быть лучше всех, что сотканы раньше во все времена у всех народов.

Тема ковра пришла сама. Азербайджан и Сталин. Они неотделимы. Недаром Иосиф Виссарионович назвал себя старым бакинцем... Здесь он поднимал народ на революцию. Деятельность Сталина в Баку стала главной темой ковра.

Это целиком поглотило все мысли художников, и события тех лет стали их сегодняшней жизнью. Им казалось, что они видят, как товарищ Сталин поднимает пролетариат Баку на стачку 1904 года, как он сидит с нефтяниками, обдумывая пункты «мазутной конституции» — коллективного договора между рабочими и нефтепромышленниками, который последние вынуждены были заключить, уступая могучей стачке.

Им казалось, что они слышали выстрел в ночи, сразивший пламенного сталинца Ханлара Сафаралиева. И они представляли себе, что, когда над Баку стонали гудки заводов, прощаясь с Ханларом, они шли, опустив головы, в колонне и, затаив дыхание, слушали, как над могилой Ханлара полыхают слова Сталина.

И редактирование товарищем Сталиным «Бакинского пролетария» и его выступления на нефтяных промыслах Баку в 1907 году — все это волновало их. Соратники Сталина — Киров, Орджоникидзе, Микоян, Берия, Шаумян, Азизбеков, Фиолетов, дорогие азербайджанцу имена, — стали им еще роднее. И все — события и портреты этих людей — они вдохновенно рисовали в своих альбомах, чтобы потом воплотить на ковре.

Август раскалил город. Посеревший от жары асфальт дымился, и горячий воздух трепетал над ним. С парашютной вышки, куда они втроем поднялись, Баку открывался во всем своем величии. Это была отличная мысль — увидеть город сверху. Громоздкий и одновременно легкий, он проступал сквозь дрожащий воздух, будто уже вытканный на гигантском ковре. Они сразу ощутили это.

Толпились над морем вышки. Стройки поднимали сетки лесов, серые нитки шоссе кроили пригороды на четкие лоскуты земли. Это вставал новый, социалистический Баку, новый, советский Азербайджан. Таким его сделал Сталин. И это чувство не покидало их — и Лятифа, и Исмаила, и Кязима — всюду, куда они ни приезжали потом. Всюду: и перед голубым зеркалом озера Гек-гель, и перед опутанным железной паутиной котлованом Мингечаурского канала, и в Кировабаде, и в Дашкесане. И все это тоже входило в суть их творчества, в ткань их ковра.

Итак, в центре ковра будет портрет Сталина. Сталин — и славные дела революции и сегодняшние великие будни республики. Оставалось решить вопрос об орнаменте. Было два пути: геометрический орнамент, принятый в северном Азербайджане, и растительный — южноазербайджанский. Они использовали оба, но нужен был и новый орнамент, который вберет в себя лучшее из наследия азербайджанского ковроткачества и в который органически впишутся эмблемы сегодняшнего дня — звезда, хлопок, вышка. Они создали такой орнамент.

28 декабря 1948 года они увидели будущий ковер на бумаге.

* * *

Но сделать эскиз — это еще не самое трудное. Выполнить замысел оказалось гораздо сложнее. Размеры ковра — 70 квадратных метров — 10×7 — стали их следующей трудностью. Ни один станок не выдерживал такой тяжести. Вместо деревянного, с двумя валами, между которыми натягиваются нити основы, сконструировали металлический станок с тремя валами. Теперь валы не прогибались под тяжестью ковра.

Одно из главных качеств, определяющих ценность ковра, кроме его величины, сложности узора, высоты ворса (чем ниже ворс, тем ковер ценнее), — его плотность. Она измеряется количеством узлов ворса на единицу площади. Лучшими считаются ковры с наибольшим числом узлов. Авторы уникального ковра установили его плотность в 70×70 узлов на квадратный дециметр. Эта необычайно высокая плотность была продиктована тонкостью сюжетного рисунка. Она требовала наибольшего количества точек на линии изображения, чтобы оно не искажалось, а каждая точка линии образуется узлом цветной нити, поэтому чем их больше, тем точнее изображение.

Обычно изображения на таких коврах делаются плоскостными. Перед художниками встала задача: не изменяя канонам ковра, не превращая его в живопись, все-таки передать глубину сюжетных изображений.

Чтобы достичь желаемого, пришлось искать новые сочетания цветов, плоскостных и объемных изображений.

И когда были решены эти трудности, началась главная работа — создание самого ковра, его тела.

* * *

Сначала решено было делать ковер в 70 тонов. Это была большая цифра. Но уже вскоре выяснилось, что тонов потребуется не меньше 250. А потом пошли составные, когда соединялись две или три нити, — всего 600.

Ткачи в работе не пользуются эскизами художников. Обычно для них на бумаге, разбитой на мелкую клетку в 1,25 миллиметра и называемой канвовой, выполняют рисунок по специальному расчету, с учетом плотности ковра. Но при таком огромном и сложном полотне это было немыслимо. Керимов изобрел новый способ. Художники рисовали эскиз прямо на бумаге, но так, чтобы клетка была видна под краской, и потом тушью обводили контуры тонов. И над каждым контуром Керимов проставлял номер тона: 124 или 175+17. Это была очень сложная работа; например, на изображении глаза центрального портрета было проведено 90 контуров, а на руке — 160. Чтобы ткачихам легче было ориентироваться в изображении, Лятиф предложил через каждые 20 светлых ниток основы пропускать одну темную. На техническом рисунке на таком же расстоянии проводилась черная линия — это позволяло лучше определить величину и масштаб рисунка.

Лятиф сидел в мастерской, подперев голову ладонями. Нити — бесконечные нити всех цветов и оттенков — мелькали перед закрытыми глазами художника. Он был главным техническим руководителем работы — никто в Азербайджане не знал лучше его искусство ковроткачества. Сейчас он целые дни проводил в мастерской.

Его тронула за плечо Гюльнене Мустафаева:

— Учитель Лятиф, это какой тон?

Керимов поднял голову:

— 188.

Лятиф смотрел на руки девушек. Вот 25 минут — и ряд пройден. А ведь вначале им нужно было для этого полтора часа. Ткать этот ковер собрались девушки со всего Азербайджана. И прежде чем они стали такими мастерицами, их многому пришлось учить заново: и равномерно класть узлы и осаживать гребнем уток каждый раз с одинаковой силой — все для того, чтобы не исказить изображение. Но так был велик их пафос, что они постигли сложное искусство за считанные недели.

Они выткали этот ковер за восемь месяцев, проделав работу трех с половиной лет.

21 ноября ковер был готов. Он оказался еще лучше, чем его задумывали.

Перед отправкой в Москву обсуждали качества ковра. Все восхищались им, говорили, что это — необычайное в истории ковроткачества произведение. Исмаил Ахундов сказал:

— У нашего ковра, действительно, есть преимущества перед другими. И вот, по-моему, в чем они. Он посвящен человеку, который не только сам присутствует в сюжете, но и создал этот сюжет — цветущий Азербайджан. Это — первое. Наш ковер — творчество не отдельных людей: он творчество коллектива, народа; делать его собрались люди со всего Азербайджана. Это — второе преимущество. Ковровое искусство — родное Азербайджану, и в этом ковре выражено все, присущее нашему народу. Это — третье. В-четвертых, в отличие от других ковров наш — сюжетен. Он уникален не только по теме, но и по технике исполнения. В этом пятое преимущество. Шестое — на нем училось молодое поколение ковровщиц. И, наконец, седьмое преимущество его в том, что наш дар сделан из простой шерсти и простых ниток, но ему нет цены, потому что нет цены творчеству народа, как нет меры любви его к своему вождю.

* * *

Кайма очертила границы ковра, и люди увидели это торжество народного таланта. Но главное было за каймой. Там было вдохновенье миллионов людей на хлопковых полях, в дымящихся котлованах строек, у нефтяных вышек, людей, о которых авторы рассказали в своем ковре, которые несли свою любовь великому человеку, любовь, что нельзя отчертить кромкой, о которой нельзя сказать: здесь ее граница.

Е. ТАРХАНОВА

Здравствуй, день!

Галина ШЕРГОВА

Уже погасли фонари над бакинской бухтой и пробудились заспанные корабли у причалов. Начинался день, и в окне кабинета Зулейхи показалось сиреневое от дальней зари море. Мы встретились в этот необычный час — так предложила она, Зулейха Сеид-Мамедова, секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана. «Днем будут дела. Не дадут поговорить», — сказала она.

— Весна, уже совсем весна, — Зулейха подошла к окну.— Птицы летят. Хлопотливое время для колхозников, школьников и птиц. Сев идет, и птицы летят, и экзамены скоро в школах. — Она повернулась ко мне: — Вот скоро получат ребята аттестаты зрелости и поедут кто куда — работать, учиться. Помните, как вы кончали школу? Я очень хорошо помню... А многие здесь останутся. У нас разные институты есть... Но все равно — новая жизнь у них начнется. Я все думала: мне нужно им в путь сказать самые главные слова...

— Ну, и придумали?

— Придумала. Вернее, не придумала, а поняла. Я скажу им об ответственности. Об ответственности за ту жизнь, которую они получат.

— Как же вы скажете об этом?

Она снова отвернулась к окну:

— Не знаю. Может быть, просто расскажу...

В начале весны 1948 года я вернулась из Индии с конференции молодежи стран Юго-Восточной Азии. Друзья утащили меня на наше любимое место — к памятнику Кирову. Мы сидели на граните, и над нашей головой Сергей Мироныч, выбросив в небо руку, страстно обращался к лежащему у его ног Баку.

И я рассказывала, как приехала в Калькутту в три часа ночи и была поражена, что улицы забиты людьми, валяющимися на мостовой. «Кто это?» — спросила я. И мне ответили: «Бездомные». Утром я увидела, как пятилетние дети с желтыми веревками жил на щуплых шейках таскали на голове корзины с камнями. Они уже работали. Однажды нам сказали, что мы поедем в рабочий поселок. Я знала, что такое рабочий поселок,— у нас, в Баку, их много. Это заслоненные купами чинар белые дома поселка имени Шаумяна, это дворцы культуры и шелест автомашин. Но нас привезли к глиняным лачугам, каких не строят в нашей стране даже для скота. Навстречу нам никто не вышел, и переводчик объяснил, что жители боятся иностранцев, так как приезжающие сюда англичане грубо обращаются с местными жителями. Но когда жители все-таки вышли на улицу, я была в ужасе. Полуголые, с жалкой тряпицей на бедрах, со слипшимися от грязи волосами, они жались друг к другу, сливаясь коричневыми телами с рыжей глиной лачуг. Это был рабочий поселок...

Я ходила по улицам городов Индии мимо уличных парикмахеров и зубных врачей. Я видела студентов, спящих на железнодорожных платформах, видела, как полиция пускала в ход слезоточивые газы, чтобы разогнать студенческую сходку, и вспоминала наши институтские комсомольские собрания. Я приходила в школы и смотрела, как, сидя прямо на земле, ученики чертили что-то на стене. Как же мне было не подумать о нашей школе, где после уроков мы забирались в необычайный мир приборов физического кабинета, о десятках других школ, в которых я бываю у себя на родине! И когда после демонстрации нашего фильма «Парад молодости» в Калькутте к нам приходили молодые индусы и без конца расспрашивали о Советском Союзе,— это было понятно...

Мы сидели у памятника Кирову и смотрели на наш город. Справа, казалось, у самых наших подошв шевелились гусиные шеи экскаваторов в бухте Ильича, указывая путь в море нефтяным вышкам, а слева дышали улицы, усеянные огоньками фонарей: будто кто-то просыпал ниточки зерна, налитого солнцем. И рядом с рассказом о другой жизни наш город вставал еще прекраснее, чем вчера, и жизнь свою мы ощущали по-новому. А потом мы читали стихи, это были стихи поэта Чавуши, жившего на том берегу Аракса, в Иранском Азербайджане:

Позор, беда, измена, гнет,
печаль, страданье, нищета —
Все это правда победит,
все это уж на слом идет.

До войны в газетах часто встречалась эта фотография: «Зулейха Сеид-Мамедова — первая девушка-летчик Азербайджана».
Фото Ф. Кушнерева

Вот она, теперешняя Зулейха, с которой мы увиделись в то утро.

Я часто думала о тех, кто живет на том берегу. Мы не можем не думать и не писать о них. Недавно в филармонии исполнялась кантата нашего композитора Д. Джангирова «По ту сторону Аракса». Я слушала эту грустную музыку. И еще и еще раз я представляла себе тех, кто у себя в стране лишен родины...

— Вот, посмотрите,— Зулейха подошла к столу и вынула пачку бумаги, — это выписки из иранских газет.

И она прочла: «Положение крестьян чрезвычайно плохое, весь Азербайджан охвачен нищетой и несчастьем... Каждый день и каждый час из деревень прибывают в город Тавриз партии бедных, голых, голодных и больных мужчин, женщин, детей и молодежи, которые увеличивают число безработных».

— Я расскажу об этом моим молодым друзьям, только вступившим в жизнь. Детство еще не совсем покинуло их, и я расскажу им о другом детстве, о том, как в здание тавризского городского управления старик привел полуживых детей. Старик пришел туда с бидоном керосина, чтобы сжечь себя и детей и тем избавиться от медленной, голодной смерти. Обо всем этом писали совсем недавно иранские газеты «Азербайеган», «Ажавани Марден», журнал «Ментек» и другие.

Я расскажу тем, кто скоро войдет в трудовую семью нашего народа и вместе с ним будет вершить дела нашего пятилетнего плана, о пресловутом «семилетнем плане», инсценируемом американцами в Иране якобы в целях оздоровления экономики этой страны, о том, как этот «план» в Южном Азербайджане начал выполняться с постройки тюрьмы на пять тысяч человек.

Я много езжу по моей республике. Я вижу её новостройки — Сумгаит, Дашкесан, Мингечаур. Вы были в Мингечауре? Я прямо влюблена в его властный замысел, в людей, поднимающих в воздух многотонные глыбы земли гигантскими горстями экскаваторов и водными бичами гидромониторов, в людей, которые взнуздают рыжую, вздорную Куру и бросят ее воды на поля. Скоро мы переделаем этот край, и орошенная земля покроется всходами. И всякий раз, когда я смотрю на Мингечаурскую плотину, у меня перед глазами разрушенная плотина в Ахлумаде, по дороге в Кучан, окруженная щупальцами трещин пересохшей земли, там, в южном Азербайджане.

Я очень люблю ездить по моей республике и смотреть, как уходит в небо асфальтовая дорога и на самом ее гребне возникает грузовик с белыми тушами хлопковых мешков. Люблю похожие на пауков тутовые деревья по обе стороны шоссе, крохотных осликов и шустрые «москвичи», шныряющие между ними. Люблю смотреть, как сутулый глиняный забор в селе отползает под натиском стройной ограды колхозного клуба. Я понимаю моих товарищей, влюбленных в свою землю. Понимаю, почему монтер Зайцев в шторм идет на катере в море, чтобы спасти электропроводку на морской вышке. Почему Сурая Керимова или Сакине Иманова ночью выходят на хлопковое поле. Почему Салман Сарванов по две смены не хочет уходить от своего экскаватора, а Мариам Гюльфанова не спит по ночам, обдумывая новый способ сборки арматуры ферм. Потому, что советская земля — это наша жизнь, вне которой нет для нас ни мысли, ни счастья, ни любви.

И вот тут я скажу им, уходящим из школы, главное. О том, что, живя нашей удивительной жизнью, мы должны чувствовать цену каждой ее минуты и каждую минуту помнить о том, что по ту сторону наших границ — страшный мир. Что там живут те, которые отняли юность у наших сверстников, которые лишили их отцов права на человеческую жизнь и хотят посягнуть и на наш завтрашний день. А мы живем, часто не вдумываясь в прекрасное нашей жизни, ибо для нас оно закономерно. Вот я вам рассказывала свою жизнь. Мне завидовали за рубежом, когда я говорила о ней, а я не думала об этом.

...Да, Зулейха мне рассказала свою жизнь, и я вижу ее, как если бы мы давно были знакомы.

Тоненькая, пятнадцатилетняя, она скакала на коне, лазала по деревьям и, дальше всех уплывая в море, лежала на спине, и солнце дробилось на сотни солнц в капельках на ее ресницах. У нее было закономерное право на радость. Она окончила школу и поступила в

институт, потом в аэроклуб. Первый раз она поднялась в небо и изумилась красоте земли, которая принадлежала ей. Она ночами читала книги о знаменитых летчиках и парашютистах, рдея от восторга. И когда в Москву уезжала делегация на слет парашютистов, она спускалась с самолета по два раза в день, чтобы иметь необходимые 10 прыжков, и плакала, когда ей не разрешили прыгать из-за больной ноги на параде. В тридцать шестом году ее вместе с другими знатными людьми Азербайджана пригласили в Кремль, она увидела Сталина и говорила с ним.

Потом она решила поступить в Военную академию. И поступила — что тут сложного? А когда началась война, пошла воевать. Как же могло быть иначе? Она хорошо воевала. Она была настоящим солдатом. И под ее истребителем чадили «юнкерсы», и ее подбитая машина падала в траву. Все было. И когда после войны она приехала в Баку и начала работать, никого не удивило, что вскоре ее избрали депутатом и членом Президиума Верховного Совета республики. У нее обыкновенная биография советского человека.

Зулейха снова открыла ящик стола и протянула мне лист:

— Посмотрите-ка эти цифры. Это о женщинах. Из-под чадры — на кафедру! В нашей республике 76 женщин — кандидатов и докторов наук; 39 700 — работают в промышленности; 3200 — инженеры, техники, начальники цехов, директора заводов; 85 — Герои Социалистического Труда.

А мы не всегда даже замечаем это, а то и просто не обращаем внимания, ибо нам кажется, что иначе и быть не может. И только когда другой, зловещий мир вдруг поднимет рядом свою корявую тень, мы начинаем сильнее ощущать наше солнце.

В сорок шестом году я вернулась домой. Моя республика строила города и снимала урожаи. А совсем рядом, за рекой Аракс, лилась кровь азербайджанцев. Американцы прибирали к рукам Иран — им нужна иранская нефть, иранские рынки, нужны плацдармы для нападения на нашу родину. Иранская реакция, почувствовав такую «влиятельную» поддержку, проводила в стране чудовищный террор; подавлялось все свободомыслящее, все, что тянется к солнцу. И первый удар обрушился там, по ту сторону реки, на вольнолюбивый азербайджанский народ, который борется за свою независимость. Трудно представить, что события сорок шестого года происходили в двадцатом веке, что это не исторгнутые из средневековья предания...

Я хотела расспросить ее, но она, не дав мне начать, зажмурила глаза и покачала головой:

— Подробности не нужны...

И снова задумчиво:

— Как-то я была в одном селе, пограничном — на самом Араксе. Там открывали электростанцию. И когда вечером по воде поплыли огни береговых фонарей, мы увидели, как на другом берегу, в темном горбатом иранском селении, собрались люди и молча, изумленно смотрели через реку. Мне показалось тогда, что эти два берега — озаренный и темный — символизируют эти два соседних мира. А свет, властно распространяясь над землей, пересекал границу и бросал свой торжествующий отблеск в непроглядную темь того села и отражался в зрачках столпившихся там людей. Это тоже было символично.

Зулейха помолчала.

— Об этом я скажу моим юным друзьям...

Город уже шумел. Солнце, большое солнце обливало море, будто на его широкую гладь вылили чан расплавленного масла. Мы распахнули окна. Начинался день. И нам захотелось, чтобы все люди нашей планеты встретили его так, как встречали мы.

Арык на одной из улиц Тавриза. В нем моют посуду, стирают белье, отсюда пьют бараны, собаки. Здесь берут воду местные бедняки: покупать ее у водовозов — для них непозволительная роскошь.

Фото М. Поляновского

В СЕМЬЕ СОРМОВСКОГО РАБОЧЕГО

В двухэтажном бревенчатом доме, что стоит под № 19 в Сормове, на улице Кирова, раньше всех встает Михаил Семенович Белкин. Не торопясь, обстоятельно, он облачается в неизменную косоворотку и черный суконный пиджачок. Следом за мужем поднимается и Евдокия Ивановна, которую одна половина обитателей большого дома называет матерью, а другая — бабушкой.

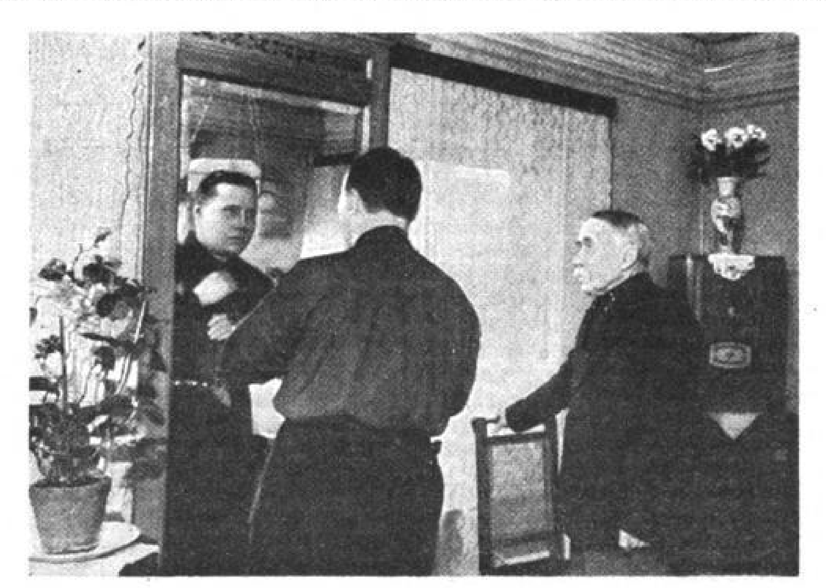
Пока она стряпает завтрак, а в емком электрическом чайнике вскипает вода, Михаил Семенович занимается домашним или, как он говорит, «дворницким» делом. Сыновья, к которым примкнули и зятья, решительно и дружно восстали против того, чтобы отец занимался хоть сколько-нибудь тяжелой работой. Осталась ему на утро, чтобы размяться, одна услада: крыльцо да двор подмести. Вечером, вернувшись с завода, можно будет приняться за любимое — постолярничать. Не так, конечно, как прежде — буфет сделать или шкаф, а по мелочи — рамочку или полочку. А сейчас...

В начале седьмого под голубым небом уже совсем светло. На деревьях, окружающих дом, щебечут птицы. Михаил Семенович входит в дом и говорит жене:

— Буди-ка, мать, ребят. Пора. Саше, вон, к лекциям надо подзаняться, да и Лене тоже.

Вскоре проснувшийся дом наполняется веселой суетой и ребячьим гомоном. В умывальниках плещет вода.

Не только обеденные, но и письменные столы в этом доме исправно несут по утрам свою нагрузку. Старший сын Александр Михайлович — инженер, руководящий всем инструментальным хозяйством Сормовского завода,— заканчивает конспект лекции, которую он должен прочесть начальникам цехов и отделов. В соседней комнате один из зятьев, Николай Александрович, инженер, преподаватель ремесленного училища, готовится к урокам. На верхнем этаже за письменным столом дочь Елена Михайловна — техник сормовской ковочной мастерской. У нее сегодня занятия по истории партии. И уж, конечно, не упустит минутки, чтобы не посидеть над чертежами, второй сын Михаила Семеновича — конструктор Николай Михайлович. Только третье поколение Белкиных не претендует на письменные столы. Галя и Таня сядут за уроки, когда уйдут старшие: девочкам идти во вторую смену. А для Гарика, ученика первого класса, дедушкиного любимца, не расстающегося с пилой и молотком, существует строгое правило: все уроки должны быть приготовлены накануне.

Когда старший сын Александр Михайлович возится с галстуком у зеркала, отец его поторапливает...

...Ровно в семь возникает прозрачный султанчик пара над знаменитым сормовским гудком, тем самым, что в 1905 году послужил сигналом к вооруженному восстанию. Через мгновение белое облако скрывает гудок, а его зычный медный голос плывет над окрестностью, возвещая конец ночной смены и наступление утра.

Официальное начало работы только через час. Но многие сормовичи, как и семья Белкиных, уже выходят навстречу знакомому зову. Идут, перекликаясь, пошучивая и раскланиваясь со знакомыми, идут, чтоб, не торопясь, войти в свой цех.

А сормовский машинист не жалеет пара для доброго дела, и бархатный гул, раздвигая расстояние, идет над Волгой и Окой. От веселого пенья гудка чуть позвякивают оконные стекла на самых дальних улицах. Десятки тысяч горьковчан начинают свой трудовой день, разбуженные призывным голосом сормовского завода.

Э. Аркадьев

В СТАРОМ ЛЕСУ

Рассказ

Борис ЕМЕЛЬЯНОВ

Рисунки В. Высоцкого

Недалеко от Москвы, под Можайском, возле Старой Рузы, стоит писательская усадьба «Малеевка».

Начало писательскому житью здесь положил еще Антон Павлович Чехов.

Во время войны жестокая здесь была битва. В Старой Рузе остались целы всего два дома, а писательская усадьба сгорела дотла.

Но все ж таки зимой, сразу после боев, старый мой приятель, дед Михайла, заехал за мной и сказал, что пора возвращаться на родное пепелище. Я поехал, посмотрел на развалины, загрустил, хотел было уехать обратно, но раздумал. Ночевать мы с дедом пошли в деревню Вертошино, к тетке Дуне.

Когда еще тетка Дуня была маленькой девочкой, Антон Павлович Чехов подарил ей книжку про собаку Каштанку. От Чехова и пошла крепкая писательская дружба с Дуней, Авдотьей Михайловной, и я знал, что раз Дуня жива, она нас на улице не оставит. Так и вышло.

Увидев нас, тетка Дуня ахнула и, наскоро расцеловавшись с дедом Михайлой, убежала хлопотать по хозяйству, я стал выпрастывать из мешков одеяла и продовольствие, а дед Михайла, потоптавшись по холодной избе, взял топор и отправился в лес за дровами.

Вернулся он скоро, сказал коротко: «Лес цел, шумит»,— взял за печкой пилу и стал прилаживать на двух табуретках небольшую, срубленную им в лесу сосенку.

Очень нам хотелось поскорее затопить печку в холодной дуниной избе. Но не успела пила и до половины войти в дерево, как что-то внутри под пилой визгнуло и лязгнуло, пила «споткнулась» и, как говорят пильщики, «увязла». Три зуба у нее сломались, а два — погнулись.

Мы раскололи сосну топором. Глубоко в дереве сидели три осколка, уродливых и ржавых. Об них и сломались зубья.

— Пилу жалко, слов нет,— сказала, вернувшись, тетка Дуня. — Во всем районе люди бедствуют, пилы ломают. Так весь лес изранен...

Утром мы отправились в лес. Еще не были очищены дороги от мин, но тетка Дуня сказала, что проведет нас известной тропой, которую до самой Рузы проверили сначала саперы, а следом за ними вертошинские мальчишки.

От Вертошина до Старой Рузы, если идти напрямик, от деревни до деревни, всего и ходу четыре километра. Лес наш невелик. Но очень мы его любили. Жили в нем и звери и птицы, были и темные овраги и светлые поляны. В глубоком каменистом русле текла по лесу маленькая, юркая, как ящерица, речка Вертушинка. Блестела и журчала, вертелась внизу черно-серебряная струйка воды, пряталась под корнями деревьев, прыгала между камнями, ну и впрямь тонкая, гибкая ящерка.

Где-то здесь, на берегу Вертушинки, в глубокой тайной норе жила старая хитрая лисица. Три года напрасно гоняли ее из оврага в овраг шалые деревенские собаки.

Вот на эти дубы со всей округи слетались осенью за желудями голубые жадные сойки.

Вот под этими тремя соснами, неизвестно откуда, появлялись зимой красногрудые веселые снегири, а вот на той старой сосне пять лет безвыходно жила пушистая белка Машка.

Если смотреть с дороги, лес стоял как будто одинаковый — еловый и сосновый. Но за рекой, за высокими сторожевыми дубами пряталась наша главная гордость и радость — березовая роща «Кружевница». «Кружевницей» прозвал рощу тоже, говорят, Чехов. В солнечные, яркие дни очень уж искусно заплетается здесь между березами тонкое кружево света и тени.

Теперь в лесу было снежно и пусто. На высоком холме стоял островерхий памятник с красной звездой, и тетка Дуня сказала, что там похоронен командир гвардейского батальона, штурмом отобравшего у фашистов Старую Рузу и нашу писательскую «Малеевку».

Мы сняли шапки.

У подножья холма валялись друг на друге скошенные артиллерийским огнем сосны и ели, а чуть поодаль грустно, по-матерински, опустив ветви, стояла высокая красавица-береза.

Мощный ее ствол в шести — семи метрах от земли разделялся надвое, и в самой развилке дерева торчало ржавое тело немецкого артиллерийского снаряда.

На излете он ударил в березу, до половины зарылся в древесину, не разорвался и повис над землей. Казалось, береза поймала на лету серую нечисть и телом своим загородила от нее людей.

— Так и было,— подтвердил дед Михайла.

Мы долго стояли в роще. А потом все-таки пошли домой, перешагивая через покрытые снегом поваленные деревья.

— Бурелому сколько! — сказала тетка Дуня.

Мы промолчали. Буря здесь была не при чем.

В начале мая зацвела «Кружевница», и мы с дедом отпразились смотреть на весенний праздник леса.

Война ушла далеко, за Можайск. Деревья стояли покрытые светлой зеленой дымкой, веселый гомон птиц раздавался в лесу, и даже наша раненая береза вся оделась в праздничный весенний наряд.

Мы очень обрадовались,— стало быть, береза была ранена легко,— но еще больше обрадовались и очень удивились, когда увидели, что снаряд, засевший в дереве, изменил свое положение. Напрягая силы, бурля соками, сжимая кору, береза выталкивала снаряд из себя. Одна ее длинная гибкая ветка обвилась даже вокруг затылка снаряда и как будто помогала стволу дерева расшатывать и вытаскивать упиравшуюся железную занозу.

Борьба только начиналась, и конца ей не было видно, но мы с дедом Михайлой с тех пор и весной, и летом, и зимой стали ходить в лес и смотреть, как борется со злым своим врагом умная береза. Помочь ей было нельзя. Кто знал, как там внутри лежит взрыватель. Станешь вытаскивать, шевельнешь что-нибудь не так — и снаряд взорвется... Тогда уж береза не уцелеет...

Шли месяцы, годы, железное тело снаряда все больше и больше вылезало наружу, но еще крепко держалось в древесине.

А за это время война кончилась, и дивным образом стала изменяться окрестность. Писательскую «Малеевку» отстроили лучше, чем она была. Из лесу вывезли валежник. На место побитых деревьев посадили новые, и весной нынешнего года столько было зеленого кружева в лесу, столько света! Все вокруг росло, зеленело, цвело, и тетка Дуня сказала, что в лесу «стало совсем свободно», даже птицы и звери летают и ходят «взад и вперед» и никого не боятся.

Мы и сами давно поняли, что у нас в лесу по-новому хорошо и просторно. Мы с дедом даже написали своим городским друзьям: приезжайте и посмотрите сами, как хорошо.

Друзья сами не приехали, а прислали к нам в гости пионера Ивана Иваныча.

Дед Ивана Иваныча — большой друг деда Михайлы, и зовут его тоже Иван Иваныч, и отец Ивана Иваныча — тоже Иван Иваныч, и мать у Ивана Иваныча — Марья Ивановна, и всю эту хорошую семью все называют просто «Иванычи», хотя их настоящая фамилия Васильевы. Так вот «Иванычи» и прислали к нам самого младшего Ивана Иваныча в гости, посмотреть, так ли у нас на самом деле светло и прекрасно.

Иван Иваныч, как только вылез из автобуса и стряхнул дорожную пыль со своего измятого галстука, сейчас же потребовал, чтобы дед Михайла вел его в «Кружевницу». Сам он смотрел на деда хитро, и что он про себя и про нас думал, мы с дедом угадали легко и верно. Иван Иваныч думал так: «Березы у вас могут, конечно, расти, но про птиц и зверей дед Михайла приписал в письме лишнее».

Дед, когда разгадал эту хитрую думу, спорить с гостем не стал, а сразу потянулся за шапкой.

Дальней обходной дорогой он повел нас к роще.

Заслышав птичьи голоса, Иван Иваныч стал было спрашивать: «Это что такое?» Но дед отвечал коротко: «Это не в счет, кукушка»; или: «Дрозды с сойками подрались, не принимай во внимание».

Но зато, когда из кустов малины вынесся нам навстречу громадный матерый лось и, круто свернув в сторону, исчез за деревьями, дед Михайла весело крякнул и, в свою очередь, хитро и задористо поглядел на Ивана Иваныча. На этот раз Иван Иваныч легко и верно раз-

Интересные опыты агронома Е. Ракша

Недавно сотрудник Министерства совхозов СССР агроном Е. Ракша выступил с предложением вести сев зерновых культур новым способом. Подробный доклад агронома-новатора был заслушан на заседании технического совета Министерства совхозов СССР.

Каково содержание опытов агронома Е. Ракша? Вот что сообщил нам по этому поводу ученый-секретарь технического совета Министерства совхозов СССР Л. П. Лукьянович.

— Опыты агронома Евгения Игоревича Ракша в своей основе базируются на теории академика Т. Д. Лысенко о стадийном развитии растений и на учении академика В. Р. Вильямса о биологии почв.

Предлагаемый тов. Ракша способ сева, как показывают первые эксперименты, наиболее соответствует травопольной системе, создает благоприятные условия для произрастания сельскохозяйственных культур. Смысл этого метода заключается прежде всего в том, что отпадает необходимость проведения предпосевной обработки почвы. Как показывает практика, предпосевная обработка, рыхлящая почву гораздо глубже заделки семян и разрушающая на большую глубину капиллярный слой почвы, приводит к неравномерному развитию, росту и созреванию посевов. Это сильно снижает урожайность и, особенно в условиях восточных районов страны, значительно затрудняет уборку, удлиняет сроки ее и ведет к большим потерям зерна. Опытный сев по новому способу проводится без предпосевной обработки почвы с помощью сеялки-культиватора, предложенной агрономом Е. Ракша. Принцип действия этой машины наиболее полно отвечает требованиям травопольной системы земледелия.

В 1949 году в производственных условиях Шипуновского зерносовхоза, Алтайского края, по способу Е. Ракша была высеяна пшеница «мильтурум-321». Всходы на участке, где проводился сев по новому способу, при прочих равных условиях, появились значительно раньше и дружнее, чем на обычных посевах, причем кущение и колошение также шло быстрее. На опытном участке полное созревание наступило 15—16 августа, т. е. через 101—102 дня с начала вегетации, а на обычном участке — 22—23 августа, или через 107—108 дней, т. е. на 6—7 дней позже. При этом опытный участок дал с гектара 21,5 центнера зерна, а участок, на котором сев проводился обычным методом,— лишь 14,8 центнера. Таким образом, разница только на одном гектаре составляет почти 7 центнеров. Это результат первых опытов нового способа сева.

Вот почему технический совет решил, что метод агронома Е. Ракша должен быть всесторонне испытан и проверен в хозяйственных условиях.

Сейчас на заводах Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР изготавливаются экспериментальные образцы сеялки-культиватора. Эти машины будут более равномерно и правильно, нежели обычные, распределять семена по площади, класть их на уплотненный, осевший слой с ненарушенными капиллярами, прикрывать рыхлой структурной почвой, опрокидывая на них прогретый верхний ее слой. Применение сеялки-культиватора наряду с другими преимуществами, видимо, поможет также предохранить посевы от выдувания и от повреждения корней растения при деформации почвы.

Опыты показывают, что предложение агронома Е. Ракша может быть эффективным и в условиях засоренных почв. Дело в том, что бескислородная среда в неразрыхленном слое почвы ранней весной тормозит прорастание сорняков, а также замедляет пробуждение личинок вредителей сельскохозяйственных растений. Этим самым создаются наиболее благоприятные условия для быстрого укоренения, развития и роста культурных растений, побеждающих сорные травы.

В нынешнем году в различных районах страны в совхозах на значительной площади будут проводиться широкие опыты сева по новому способу, предложенному агрономом Е. Ракша.

гадал дедову думу: «Верить надо человеку, если ты сам настоящей правды не знаешь!»

А тем временем мы шли, шли и пришли в рощу. Дед сказал: «Смотри, вот это и есть наша «Кружевница».

Иван Иваныч стал смотреть.

Солнце играло на молодой зелени, на белых стволах берез, пели вверху чижи и малиновки, легкий ветерок шумел в кружевной листве, березки тихо переговаривались друг с другом, и казалось, никогда здесь не было ни горя, ни печали.

Иван Иваныч даже оглянулся на нас недоумевающе, и в глазах его мы прочитали вопрос: «Да неужели же это все на самом деле правда?»

— Ну, как? — спросили мы у него.

И он восторженно, не задумываясь, ответил:

— Как при коммунизме...— и этим своим ответом заставил задуматься и меня и деда Михайлу.

Думали мы каждый о своем, потому что коммунизм, как большое и полное человеческое счастье, мы представляли себе, конечно, каждый по-своему.

Для деда Михайлы главным в коммунизме было освобождение людей от мелких чувств — зависти, злобы и жестокости; коммунизм для него был миром, в котором навсегда наступит мир и следа не останется от диких ужасов войны.

Дед Михайла сказал:

— Нет, при коммунизме, пожалуй, будет иначе...

И мне понятно было, почему он посмотрел при этом за овраг, на нашу красавицу-березу, в которой со стороны, невидимой от нас, еще торчала железная заноза войны. Да и сам дед не стал скрывать от нас своих мыслей и рассказал Ивану Иванычу про березу.

Иван Иваныч, конечно, сейчас же устремился на поиски знаменитого дерева, и мы пошли ему показывать дорогу.

Береза встретила нас звонким победным шумом весенней листвы. Сначала нам показалось, что листва скрывает от нас ржавое тело снаряда, но потом мы разглядели, что он валяется у корней дерева. Береза вытолкнула его.

Дед Михайла даже вздохнул с облегчением и сказал:

— Вот и еще одна война кончилась...

И я понял деда Михайлу так, что как будто у него пропали возражения против того, что в нашем лесу светло и прекрасно, как при коммунизме.

Денщик в фельдмаршалах

Л. СЛАВИН

«ЛАВРЫ» ДЮНКЕРКА И АФРИКИ

Уинстон Черчилль назвал фельдмаршала Монтгомери «самым способным из современных английских полководцев». Возможно, что более способных в Англии действительно нет. Генералы Окинлек и Ричи, проигравшие африканскую кампанию летом 1942 года, вероятно, были еще менее способны. Так что с военной точки зрения отзыв Черчилля о Монтгомери — весьма сомнительная похвала.

Но у Черчилля есть другие причины испытывать глубокое удовлетворение деятельностью Монтгомери. Поистине недюжинные способности Монтгомери проявил прежде всего в качестве ретивого проводника реакционной, агрессивной политики Черчилля и К°.

Начало второй мировой войны застало генерал-майора Монтгомери в должности командующего 3-й дивизией английских экспедиционных войск во Франции. Как известно, уже в ночь на 31 мая 1940 года под нажимом германских танков вся британская армия поспешно эвакуировалась из порта Дюнкерк к себе на острова.

Долгое время это беспорядочное, паническое бегство английской армии с европейского континента выдавалось за блестящий успех британского оружия. Усилиями Черчилля была создана легенда о «дюнкерском чуде». Сейчас уже достаточно ясно, что подлинным автором этого «чуда» был не кто иной, как Гитлер.

Даже такой реакционный английский военный писатель, как Лиддл Харт, вынужден был признать в своей книге «По ту сторону холма»:

«Обстоятельства спасения английской армии и спасения самой Англии от вторжения были весьма странными. В данном случае истина полностью противоречит общепринятому мнению...»

Истина заключается в том, что вожаки нацистской Германии не хотели брать в плен английскую армию, хотя имели к этому полную возможность: фашистские танковые колонны зашли в тыл англичанам, достигнув раньше их побережья. Однако немецкие войска получили приказ остановиться. Гитлер не хотел лишать правительство Черчилля возможности вести мирные переговоры с фашистской Германией. Он стремился к соглашению с Англией и даже к военному союзу против СССР. И Черчилль поощрял к этому Гитлера тщательно скрываемыми переговорами.

За эвакуацию своей дивизии из Дюнкерка Монтгомери получил орден Бани. Он может благодарить за него Гитлера.

Летом 1942 года шли бои в районе Египта. Это был единственный в мире пункт, где сражались англичане: они защищали подступы к своим африканским колониям, Суэцу и Индии. Впрочем, 8-ю армию, оборонявшую Египет, лишь с большой натяжкой можно было назвать английской. В ее составе были французы, индийцы, австралийцы, поляки, южноафриканцы, новозеландцы, греки.

«Чистокровные» английские дивизии отсиживались в метрополии под предлогом обороны британских островов. Тот же Лиддл Харт должен был подтвердить в своей книге, что вторжение в Англию, известное под названием «операция морской лев», никогда всерьез Гитлером не замышлялось. В кругах фашистского командования отзывались о вторжении в Англию, «как о блефе». «Дело в том,— разъясняет Лиддл Харт,— что Гитлер уже обращал свои взоры на Восток...»

В Африке, как известно, дела англичан вначале шли плохо. Роммель оттеснил 8-ю армию почти до Александрии. С осени, однако, наступил перелом: немцы стали откатываться. Но было бы наивным предполагать, что немцы пустились наутек, потому что Монтгомери заменил генерала Ричи на посту командующего 8-й армией. Дело было решено тем, что советские войска оттянули на себя подавляющее большинство военных сил фашистской Германии. Летом 1942 года против Советской Армии действовало семьдесят процентов гитлеровских войск, а против войск Монтгомери — полтора процента. Героическому мужеству советского народа мир обязан своим спасением.

ЧЕРЕПАШЬИМ ШАГОМ...

В декабре 1943 года Монтгомери был назначен главнокомандующим английской армейской группой вторжения на европейский континент. Операции его в Нормандии и в бассейне Сены отличались идиллической медлительностью. Вообще описание его военных действий в Европе было бы, в сущности, рассказом не столько о том, как Монтгомери воевал, сколько о том, как он не воевал.

Сам Монтгомери с циничной откровенностью признавался, что для англичан есть полный расчет не спешить, пока Германия окончательно не ослабеет под ударами Советской Армии. Таковы были и инструкции Черчилля о ведении «дешевой войны» на Западе. «Дешевизны» этой хотели достигнуть за счет крови советского солдата.

Осенью 1944 года Монтгомери немало удивил окружающих, вдруг решившись на активное боевое действие: он замыслил, не больше и не меньше, как отрезать Голландию от Германии. Мало того, в планы новоиспеченного фельдмаршала входил молниеносный захват Берлина. Вся эта фантастическая стратегия закончилась бесславным поражением. «Грандиозное наступление» выдохлось уже через несколько километров, уткнувшись в голландский городок Арнем. Одна из бригад 2-й британской армии была уничтожена полностью. Монтгомери мог утешаться только тем, что эта бригада была целиком польская. В оправдание своей неудачи Монтгомери ссылался на плохую погоду. Поистине неизвестно, что делал бы этот полководец, если бы во время войны хоть изредка не выпадал дождь.

Единственное сравнительно крупное сражение на втором фронте произошло по инициативе немцев. Это была так называемая битва в Арденнах. Огромные армии союзников, обильно оснащенные техникой, не сумели отразить наступление значительно более слабых немецких войск. Нависла угроза потери Эльзаса и Бельгии.

Верное своему союзническому долгу, Верховное главнокомандование советских войск начало свое грандиозное победоносное наступление на советско-германском фронте на 8 дней раньше намеченного срока. Немцы вынуждены были прервать арденнское наступление и перебросить войска с Запада на Восток.

В конце марта 1945 года Монтгомери вернулся к своему сокровенному плану захвата Берлина. Он организовал группу войск специального назначения, которой было поручено устремиться прямо на Берлин. Таков был негласный приказ Черчилля. Это вполне совпадало и с личными желаниями Монтгомери, мечтавшего подлакировать свои тусклые лавры. Совместный авантюристский план реакционного политикана и тщеславного полководца, разумеется, с треском провалился.

Черепаший темп военных действий на втором фронте сохранялся все время войны, за исключением самых последних дней ее, когда фашистская Германия начала окончательно разваливаться под сокрушительными ударами Советской Армии. Тут внезапно встрепенувшийся фельдмаршал с прытью, которой ему так недоставало раньше, помчался в конце апреля 1945 года на восток, к Эльбе. О Берлине уже не приходилось мечтать. Но на восток фельдмаршала притягивал другой магнит — остатки фашистских армий, разбитые советскими войсками и стремившиеся на запад. Монтгомери спешил подставить им свои гостеприимные объятия.

Это он успел сделать. Фельдмаршал Монтгомери помог избежать плена остаткам армейской группировки Буша и дивизии «Гросс-Дейчланд» фон Мантейфеля. Усердие Монтгомери диктовалось далеко идущими планами. Они реализуются в наши дни...

МОНТГОМЕРИ СНОВА СТАРАЕТСЯ...

В Фонтенбло, под Парижем, сейчас помещается штаб главнокомандующих стран так называемого Западного Союза. Это одна из кухонь замышляемой империалистами агрессивной войны. Ею заведует ставленник Черчилля, 73-летний фельдмаршал сэр Бернард Лоу Монтгомери.

Не так давно произошла трогательная встреча. В маневрах англо-американских войск, происходивших прошлой осенью в Западной Германии, принимали участие немецкие войска. Монтгомери увидел здесь старых знакомых и во главе их генерала Мантейфеля. Правда, положение несколько изменилось: Мантейфель выступал уже в качестве конкурента. Американский шеф, генерал Омар Бредли отдал явное предпочтение полководцу бывшего противника перед полководцем нынешнего союзника. Генерал Бредли громогласно распекал фельдмаршала Монтгомери за то, что тот представил далеко не столь совершенный план будущей агрессивной войны против СССР, как это сделали генерал Мантейфель, некогда «плененный» Монтгомери, и генерал Гудериан, от которого Монтгомери еле унес ноги из Дюнкерка.

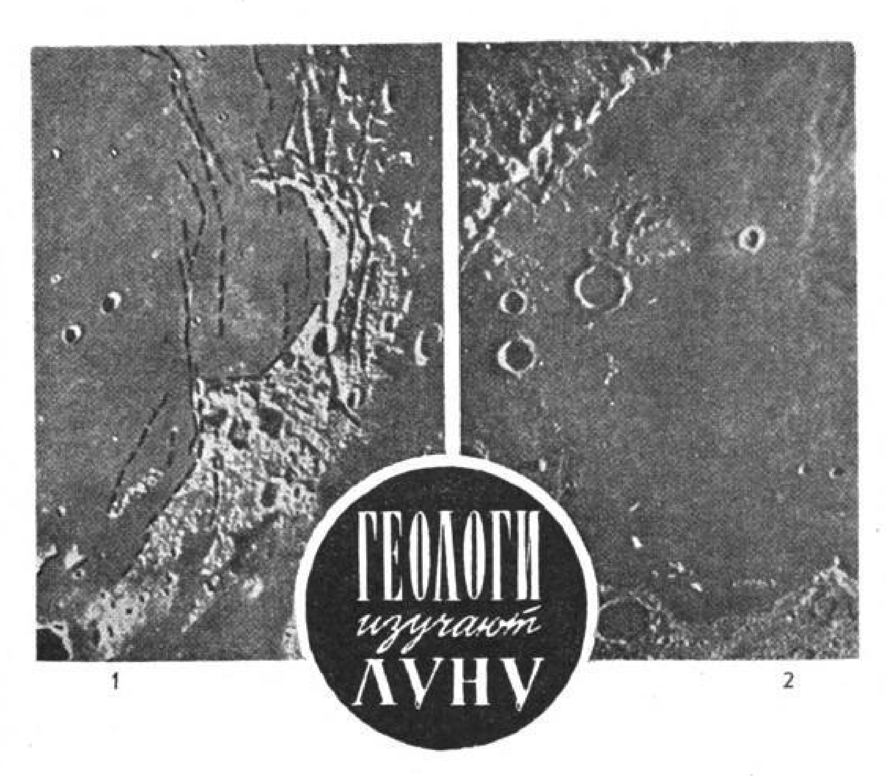
Монтгомери обещал американскому шефу, что будет стараться. И он старается. Он объезжает столицы маршаллизированных стран и ведет яростную, неприкрытую пропаганду новой агрессивной войны.

На вопрос брюссельских журналистов, как он относится к атомному оружию, Монтгомери ответил, воображая себя, повидимому, в этот момент весьма тонкой дипломатической штучкой: «Какой сегодня чудный день!». Соотечественники фельдмаршала Монтгомери, честные трудящиеся люди Англии, выразили свое отношение к атомному оружию ясно и прямо. В отличие от сэра Бернарда Монтгомери сегодняшний день им не представляется чудным: он омрачен смрадной копотью от факелов, которыми размахивают поджигатели войны.

В резолюции конференции Общества англо-советской дружбы они заявили: «Мы приветствуем предложение Советского Союза о запрещении атомной бомбы и всех средств массового истребления и осуждаем отклонение этого предложения»...

Чем дальше, тем речи Монтгомери становятся все агрессивнее. Престарелый фельдмаршал бряцает оружием, которому он не хотел найти достойного применения во время войны с фашистами. В Нью-Йорке на банкете в отеле «Вальдорф-Астория» он заявил под восторженное завывание аудитории, где собрались сливки Уолл-стрита: «Нашей великой задачей в Западном Союзе является организация крестового похода, который согреет сердца людей и взволнует их воображение...»

Как реагируют на эти людоедские призывы простые люди, видно из негодующего протеста жителей Амстердама. Когда Монтгомери, продолжая свое турне, вознамерился приехать в Амстердам, население заявило бургомистру, что не хочет видеть и слышать в

1 2

ГЕОЛОГИ *изучают* ЛУНУ

Профессор Н. И. ЛЕОНОВ

Для понимания того, как сформировалась Земля, как образовались материки и океаны, необходимо учитывать все силы, которые совокупно действовали и продолжают действовать.

Только во взаимодействии вещей и явлений раскрываются тайны природы. Вот почему все теснее становится связь между отдельными научными дисциплинами. И пытливый исследователь, стремящийся проникнуть в особенности строения Земли, обращает свои взоры также к небу, свое внимание — к работам астрономов.

«Наша Земля не одинока. Среди небесных тел вращаются родные сестры Земли — планеты — и дочь Земли — Луна. К сожалению, мы, геологи и географы, еще не обладаем ракетой Циолковского, но благодаря длительным трудам селенографов мы можем совершить межпланетное путешествие и теперь же начать геологическое изучение Луны». К такому выводу пришел геолог А. В. Хабаков и отправился за необходимыми материалами к астрофизикам.

Советские геологи, изучая земную кору, с успехом применяют метод аэрофотосъемки. Астрофизики, в свою очередь, сделали множество снимков поверхности нашего вечного спутника не с самолета, а с Земли, летящей в пространстве над лунными «морями» и «горами». Этот ландшафт заснят учеными полнее и равномернее, чем поверхность Земли.

И вот геолог, проанализировав фотоснимки лунного рельефа, рассказывает о своей первой межпланетной экспедиции.

На карте лунного полушария можно увидеть надписи: «Океан бурь», «Море спокойствия», «Море дождей». Но эти «океаны» и «моря» не похожи на земные: в них нет воды. Они представляют собою огромные впадины, заполненные вулканическим пеплом, песком, пылью.

Геолог отмечает, что крупнейшие впадины образуют круговой пояс вдоль лунного экватора. Вспомним, что зона великого разлома земной коры также проходит вдоль экватора, где был расположен древний океан Тетис.

Значит, лунная поверхность, подобно земной, подвергалась разломам, опусканиям. Вот первое открытие: экваториальное размещение впадин на планетах — явление, видимо, закономерное.

Геолог продолжает мысленный полет над обширными впадинами лунных «морей». Вот «Залив радуги». Исследователь пунктирными линиями подчеркивает линии разломов, а левее сквозь толщи пепла проступают жерла древних вулканов (фото 1).

Луну с полным правом можно назвать планетой потухших вулканов. Ее гигантские кратерные горы имеют округлую форму, форму котловины, в среднем до 60 километров в диаметре; реже встречаются и цирки в 120—130 километров в диаметре. Кратеры окаймлены валами высотой от 3 до 8 километров. Крупные кратеры нередко перекрываются мелкими. Это указывает на постепенность затухания вулканов на Луне.

Есть там и горные кряжи.

«Апеннины» представляют собой,— рассказывает геолог,— линейно вытянутую горную цепь, чуть дуговидно изогнутую и почти лишенную кратеров на склонах. Горная цепь эта местами достигает 5600—6000 метров высоты над берегом соседнего «Моря дождей». Ее северо-восточный склон очень крут и обрывист; юго-западный склон «Апеннин» более покат и широк» (фото 2).

Читая подобное описание, легко забыть, что дело идет не о земных, а о лунных «Апеннинах».

Ученые спорили о том, каково происхождение лунных цирков. Одни считали их кратерами потухших вулканов, другие — воронками, выбитыми падавшими метеоритами.

А. В. Хабаков убедительно доказал, что кратерные горы на Луне всегда связаны с разломами ее коры, как и земные вулканы. Он справедливо утверждает, что кольцевые горы обязаны своим возникновением вулканическим процессам, и подкрепляет свои доводы... коллекцией горных пород, встречающихся на Луне.

Конечно, такой коллекцией еще никто не обладает. Появление исследователя, вооруженного молотком и горным компасом, на Луне — дело будущего.

Но путем сравнительного изучения отражательной способности (альбедо) лунных и земных горных пород оказалось возможным «подобрать» соответствующую коллекцию. Геолог сделал вывод, что лунные горные породы близки к темноцветным лавам и серым гнейсам. В коллекцию «лунных минералов» он предлагает поместить вулканические стекла, бораты, халцедон, полевые шпаты, цеолиты, гипсы, сульфаты.

Так содружество геологов и геофизиков, географов и астрономов раскрывает тайны Вселенной.

своем городе поджигателя войны и не допустит его приезда...

Впрочем, Монтгомери не ограничивается упражнениями в воинственном красноречии.

АМЕРИКАНСКИЙ ЛАКЕЙ

В Америке Монтгомери беседовал с военными руководителями Соединенных Штатов. На вопрос журналистов о предмете этой беседы Монтгомери ответил все в том же стиле своего унылого юмора:

«Мы говорили о дожде, о хорошей погоде. Когда погода плохая,— добавил он, зловеще подмигивая,— вы, несомненно, хотите иметь зонтик — военный зонтик, ха-ха...»

Монтгомери был вытребован в США, разумеется, не для разговора на метеорологические темы. Он явился по начальству за получением инструкций. В свои 73 года, со своим чином фельдмаршала и рыцарским званием, Монтгомери состоит на побегушках у американских боссов и их генералов. Это нельзя назвать почтенной старостью. Но Монтгомери, очевидно, не ощущает постыдности своего существования: можно иметь звание фельдмаршала и одновременно — психологию денщика. Еще в 1945 году он хвастал, что ему выдано американское военное удостоверение и что оттиски его пальцев зарегистрированы в военном министерстве в Вашингтоне. «Это более предпочтительно, чем иметь эти оттиски зарегистрированными в полицейском управлении»,— шутливо заявлял он, не замечая, что от его шуток разит чисто лакейской игривостью.

Вернувшись из Вашингтона, Монтгомери, в согласии с полученными там инструкциями, заявил:

«Если мы собираемся ремилитаризировать Германию, нам незачем выжидать одобрения общественного мнения. Союзные правительства должны немедленно приступить к этому».

Монтгомери знает, что ему бесполезно ждать одобрения общественного мнения: он его не дождется, хотя бы он прожил еще одну столь же длинную жизнь.

«Немецкий народ, и в особенности немецкая молодежь,— пишет германская газета «Штутгартер цейтунг»,— так отвечает на планы вооружения: мы не хотим вновь служить пушечным мясом!». Тысячи немецких матерей в английской зоне оккупации Германии заявляют в своем коллективном письме в «боннский парламент»: «Мы, матери, не хотим снова увидеть, как наши дети станут жертвами кровавой войны».

По всему миру ширится великое движение борцов за мир. Народы не хотят воевать. Только кучка империалистов ищет выхода из нарастающей хозяйственной разрухи, охватившей капиталистические страны, в новой кровавой войне.

И старый слуга английского империализма фельдмаршал Монтгомери мечется по миру, организуя новое массовое смертоубийство. Газета «Рейнольдс Ньюс» привела одну из его кровожадных речей. Монтгомери заявил, что новая война «будет для нас настоящим праздником, и мы убьем множество людей»...

Бернард Монтгомери уже осыпан наградами не в меру своих заслуг. Но яд мещанского тщеславия продолжает бродить в его склеротических жилах. Ну что ж! Монтгомери добился своего. К пышному перечню его титулов и званий прибавилось еще одно: поджигатель войны!

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Дети счастливого века

Юноша этот совсем недавно в Баку. Зовут его Таир. Еще до того, как друг его Джамиль прибыл на побывку в родное село, Таир мечтал отправиться в столицу республики. И вот вместе с Джамилем он приехал туда. Таир у себя в селе слыл ашугом. И здесь, в Баку, его искусство заметили. Но совсем не для того, чтобы прославиться в качестве ашуга, приехал сюда этот смуглый юноша. Он мечтает стать нефтяником.

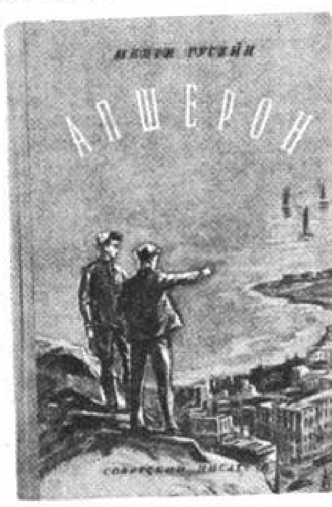
В первый день работы, встретившись с молодым стахановцем Мехманом Файзула-оглы, фотоснимок которого помещен в газете, Таир выспрашивает у Джамиля, как давно работает тот на промыслах. Узнав, что Мехман работает полгода, Таир самоуверенно думает: «Этот прославился за шесть месяцев, а я добьюсь своего за месяц». Но дорога, выбранная им, оказалась нелегкой.

Юноша состоит в бригаде, применяющей метод подводного бурения. Трудиться приходится на маленькой площадке, окруженной морем, да еще таким неспокойным, как Каспий. Правда, первое испытание, испытание смелости, Таир проходит с честью. После недолгого колебания он лезет вверх, на содрогающуюся, нависшую над бурными волнами нефтяную вышку и выполняет все приказания мастера. Но кроме смелости нефтяник должен обладать еще многими другими рабочими качествами.

Юноша ведет себя рассеянно. То он вспоминает о родном селе, то он все думает о молоденькой девушке Лятифе, в которую он по приезде в Баку влюбился, и не может заставить себя сосредоточиться на работе. Его рассеянность приводит к авариям и простоям. Старик-бригадир уста Рамазан сурово выговаривает юноше. Однако, когда под влиянием этих неудач и грустного письма от матери Таир теряет власть над собой и решает вернуться на родину, уста Рамазан сам едет на вокзал, перехватывает беглеца и привозит его к себе, в свой скромный маленький домик, в котором он прожил всю жизнь с женой Нисой.

Когда-то в этом домике бывал товарищ Сталин, в дни, когда он руководил революционной борьбой бакинских рабочих. И вот теперь, напоминая об этом, уста Рамазан дает своему невыдержанному ученику суровый и дружеский урок. Он говорит ему о великих революционных традициях пролетарского, социалистического Баку, рассказывает о сыновьях своих, которые на фронтах Отечественной войны сражались за Родину. И юноша узнает много такого, о чем он не думал раньше.

Фигура уста Рамазана — одна из самых ярких в романе азербайджанского писателя Мехти Гусейна «Апшерон». Показывая мастерство бурильщика-нефтяника, его большевистскую закалку, скромность, глубокую дружбу его с товарищем по труду, мастером Васильевым, автор создает глубоко человечный образ кадрового рабочего. И, несомненно, наиболее интересной чертой душевного облика уста Рамазана является любовь, с которой он отдается воспитанию молодежи. Его отношения с Таиром раскрывают со всей полнотой и жизненностью центральную тему романа, которая состоит в изображении путей воспитания и формирования молодого советского человека.

Автору удался и образ самого Таира. Он рисует его порывистым, мечтательным, честолюбивым юношей, иногда поддающимся малодушию, но способным преодолеть этот свой недостаток. В целом облик Таира настолько привлекателен, что мы на протяжении всего романа с волнением следим за всем, что происходит с ним в жизни и в труде.

Автор своим романом открывает читателю заветную дверь в мир юности, в мир юношеской любви и дружбы, мгновенных ссор и быстрых примирений, в мир, где одно движение глаз или оттенок голоса могут совершить переворот в душе, погрузить в отчаяние или вознести на вершину восторга. И весь этот мир, как солнцем, освещен той счастливой эпохой, в которой живут эти юноши и девушки, которая дает им возможность вдохновенно, со страстью, творчески соревноваться в труде, в учебе, в новаторстве.

Автор живо и полнокровно показал жизнь советской молодежи. Ландшафт нового, социалистического Баку, хорошо выписанный в романе, перестает быть одним лишь фоном. Он сливается с самой жизнью, с новыми мыслями и чувствованиями советских людей. Закрывая книгу, читатель скажет вместе с уста Рамазаном: «Вот они, дети счастливого века!»

Большое место в романе занимают отношения мужа и жены Исмаилзаде. Супруги эти являются директорами нефтяных трестов, которые соревнуются между собой. Замысел автора понятен: он хотел показать, что в советском Азербайджане женщина идет вровень с мужчиной и что в связи с этим по-новому выглядят отношения, складывающиеся внутри семьи. Но замысел этот не удался прежде всего потому, что большое дело социалистического соревнования в конечном счете, будучи перенесено во взаимоотношения между мужем и женой, выглядит мелко и в сильной степени окрашивается отношениями сугубо личными. В результате вся эта линия романа оставляет впечатление искусственности и неправдоподобия. Принципиальные споры супругов, происходящие за семейным столом, не вызывают интереса у читателя. С нашей точки зрения, это наиболее существенный недостаток содержания романа.

Писатель Мехти Гусейн — один из тех, кто создает молодую советскую прозу в Азербайджане. В военные годы им написана повесть «Зов», в которой автор поднял мужественный голос, призывавший к защите советской Родины. Роман «Апшерон» свидетельствует о том, что творчество М. Гусейна вошло в стадию зрелой силы.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

МЕХТИ ГУСЕЙН. **Апшерон.** Роман. Перевод с азербайджанского. «Советский писатель». 1949 г. 271 стр. Цена 9 руб.

Два берега

Несколько десятков метров отделяют один берег от другого. Но река разделяет большее, чем берега: она рубеж двух глубоко отличных социальных миров. Даже сама природа как бы подчеркивает это различие. Казалось бы, солнце одинаково шлет обоим берегам свои животворные лучи; казалось, так же цвести садам на южном берегу Аракса, как и здесь, в плодородных долинах советского Азербайджана. Но нет! Чахлая растительность, убогие полоски невозделанной земли — таков обычный пейзаж Южного Азербайджана. Край, щедро одаренный природой, разграблен и превращен в полупустыню. На голод и вымирание обрекли народ, населяющий этот край, продажные иранские реакционеры.

В своих стихах поэт Сулейман Рустам обращает слова любви и восхищения к советскому берегу и строки гнева и ненависти к тем, кто потопил в крови демократическое движение по ту сторону Аракса, кто довел там людей до нищеты и разорения.

С первых же страниц книги стихов перед читателем возникает яркий облик советского Азербайджана. Все, что происходит в городах и селах родной поэту республики: на Биби-эйбатских нефтяных промыслах и на рыбачьем острове Сара, на строительстве Мингечаура и на широких проспектах Баку,— составляет для Сулеймана Рустама «мир поэзии самой». Его стихи лишены созерцательности. В них ощущается активное отношение поэта к действительности, слышится голос участника творческого, созидательного труда.

Поэт чувствует себя в одном строю с народом, которому он служит своими песнями. Он говорит:

Хозяин Баку,
я — поэт,
а не праздный
прохожий,
Я умной работой
с твоими рабочими
схожий...

Любуясь родным краем, воспевая его, Сулейман Рустам ни на минуту не забывает о всей стране, о сталинской дружбе народов, ставшей законом нашей жизни. «Великому русскому народу» — назвал он одно из своих стихотворений. Тема любви и благодарности русскому народу, пробудившему «седой Восток от векового сна», является одной из ведущих во всем творчестве Рустама.

Поэту близко не только сегодняшнее русского народа, но и его прошлое, его вековая культура. О великом Пушкине Сулейман Рустам пишет:

Ты со мною идешь по
цветущему Азербайджану,
Ты, как друг, как учитель,
беседуешь мудро со мной.
Слов прекрасных твоих
никогда повторять
не устану:
— Чем искусство живет,
коль не жизнью
народа самой!

Обращаясь к прошлому, поэт напоминает о славных революционных традициях, воспитанных в бакинском пролетариате Лениным и Сталиным. Он вспоминает Ханлара Сафаралиева — ученика великого Сталина. В стихотворении «Клятва вождя» поэт приводит эпизод, в котором отец, стоя перед памятником Ханлару, говорит своему сыну — пионеру:

А когда отгремел
похоронный металл,
Над погибшим собратом
Сталин клятву давал.
Береги же, люби эту
землю, сынок:
Сталин здесь проходил,
здесь следы его ног!

Взволнованно повествует поэт о незабываемых 26 бакинских комиссарах, зверски расстрелянных англичанами. Он дает исключительно выразительную характеристу палачам:

По форме, без пятнышка,
снега белее перчатки,
И черные души — все
в полном британском
порядке!

Небольшое стихотворения «Зеркало» как бы подводит итог поэтическим наблюдениям Сулеймана Рустама. Здесь близкое и родное поэту Каспийское море предстает перед нами в образе зеркала, в котором отразилось и прошлое Азербайджана — «века невзгод жестокие, глухие... сиротские заплаканные лица» — и его настоящее. В этом зеркале «мой народ увидел утро дня»,— говорит поэт. Все, чем славен этот благодатный край, запечатлено на кристальной поверхности вечно движущегося моря.

Свой сборник Сулейман Рустам построил на контрастном противопоставлении жизни двух берегов. В одном из стихотворений, посвященных советскому Азербайджану, поэт обращается к журавлям, летящим на юг:

Пусть донесут мою любовь,
на сильных взмахах крыл,
В тот край, где братьям
тяжело, где землю мрак
покрыл!

В стихотворении «Последние известия» Сулейман Рустам образно передает атмосферу тегеранского базара, беспорядочного и крикливого. Наблюдательный глаз поэта различает в пестрой базарной сутолоке дикие контрасты, которым нет конца. Здесь «рядом Голод и Обжорство, пестрый шелк и нагота». Выкрики продавцов газет, сообщающих, что у шаха родился сын, что шах дает банкет в честь английского посла, что он «купил за океаном платья пышные для жен», перемежаются с жалобами бедняков и нищих:

Эй, ага, подай монету,
поцелую пыль у ног,
Сердце кровью истекает,
погибает мой сынок!

За этими мрачными сценами поэт видит зловещую тень заокеанских бизнесменов, которые распоряжаются на чужой земле так же бесцеремонно, как и у себя дома.

Подлинным драматизмом проникнута небольшая поэма Сулеймана Рустама «Мороз в Тавризе», рассказывающая о трагической судьбе талантливого тавризского зодчего Сабри, чьи руки «Иран называл золотыми».

В дни старости Сабри оказался ненужным, и его вышвырнули из дома вместе с детьми. Однако жестокая участь не сломила сил свободолюбивого зодчего: он бросает в сытые физиономии ненавистных хозяев гордые слова о возмездии, которое вскоре должно свершиться над ними.

Недолго голодный старик бродил по улицам родного Тавриза. В скрипучей арбе отвезли дочери на кладбище тело отца. Но как ни печален этот финал, поэт пронизывает и его уверенностью в близкой свободе. Он знает, что дочери старого Сабри не протянут с мольбою своих рук к дворцам, «где пируют скоты в туалетах вечерних».

Эта же мысль заключена и в остальных стихах из цикла «На другом берегу».

Некоторым из помещенных в сборнике стихотворений нехватает композиционной стройности. Так, например, стихотворение «Мы коммунисты!» изобилует повторениями, оно несколько растянуто. Это ослабляет остроту его воздействия и его художественную силу.

В целом же сборник стихов Сулеймана Рустама с глубокой идейностью и большим художественным мастерством, правдиво и ярко отражает дела и дни современности.

Ю. ИВАЩЕНКО

СУЛЕЙМАН РУСТАМ. **Два берега.** Стихи 1949 года. Баку. 68 стр. Цена 2 руб.

Коротко о новых книгах

Н. Г. ГАРИН. Из дневников кругосветного путешествия. (По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). Сокращенное издание. Географгиз. 1949 г 403 стр. Цена 10 р. 25 к.

Написанные почти полвека назад, путевые очерки известного русского писателя и путешественника Николая Георгиевича Гарина-Михайловского не утратили ни своей свежести, ни своего интереса для нашего читателя. Очерки рисуют близкие нам картины прошлого Кореи и Маньчжурии.

В. ЛЕБЕДЕВ. Рассказы о Мичурине. Детгиз. 1949 г. 74 стр. Цена 2 р. 15 к.

Писатель В. Лебедев, издавший очень хорошую книгу о жизни и научных трудах великого русского ученого Ивана Владимировича Мичурина, рассказывает теперь об ученом нашим детям школьного возраста. Рассказывает просто и интересно.

МАРК ТВЕН. Янки при дворе короля Артура. Перевод Н. Чуковского. Латгосиздат. 1949 г. 300 стр. Цена 6 р. 50 к.

В книге содержатся размышления автора о старой Европе и старой Америке. Размышления эти настолько социально остры, что они прямо перекликаются с сегодняшним днем.

Н. ВАСИЛЬЕВ. Америка с черного хода. Очерки и зарисовки. Советский писатель. 1949 г. 338 стр. Цена 9 р. 50 к.

Живя в сегодняшней Америке, автор наблюдал и изучал «не только то, что намеренно выдвигалось на первый план и восхвалялось на все лады, но также и то, что столь же намеренно отодвигалось в тень и заботливо маскировалось». Из всех этих наблюдений создалась книга, рассказывающая о закулисной стороне «американского образа жизни», о том, как страдают в империалистическом аду простые люди Америки и как наживаются на этих страданиях короли бизнеса, нынешние поджигатели войны. Книга рассказывает также о борьбе сил прогресса и сил реакции, борьбе двух Америк.

Н. ЧМУТИН. Выборгский Дом культуры. Профиздат. 1950 г. 146 стр. Цена 2 р. 70 к.

Книга излагает опыт одного из крупных центров культурно-просветительной и политико-воспитательной работы в Ленинграде — Выборгского Дома культуры. До 5 тысяч человек ежедневно проводят здесь свой досуг: смотрят спектакли или концерты, слушают лекции, работают в библиотеке, учатся в кружках. Люди эти — рабочие, инженеры и служащие ленинградских заводов и фабрик.

Создатели художественного ковра, получившие за свою работу Сталинскую премию (слева направо): Джабраил Ахмедов — заведующий производством; Сона Ахмедова — ткачиха; Лятиф Керимов — художник, технический руководитель работ; Гюльнене Мустафаева — бригадир ковроткачих.

Лауреат Сталинской премии, народный артист СССР Бюль-Бюль Мамедов в роли Кер-оглы в одноименной опере Узеира Гаджибекова.

БИОГРАФИЯ ТЕАТРА

Еще в 1873 году в Баку был поднят занавес первого спектакля, исполненного на азербайджанском языке. Так обозначилась первая дата в летописи художественного коллектива, который носит ныне славное имя — Государственный азербайджанский драматический театр имени Азизбекова.

Начало пути этого театра было тернистым, безрадостным. История его неразрывно связана с историей народа. Его актеры вели упорную и зачастую мучительную борьбу за существование национального искусства. Народное творчество, проникнутое освободительным духом, было не по нраву царским сатрапам и местным нефтяным тузам.

Годы советской власти принесли подлинное возрождение и национальному театру. За три десятилетия азербайджанское сценическое искусство достигло настоящего расцвета. Оно росло и развивалось вместе с народом, преодолевшим былую отсталость, оно закалялось в борьбе со всевозможными эстетско-формалистскими ухищрениями, оно впитывало живительные соки новой, социалистической идеологии. И театр имени Азизбекова, черпая свои творческие силы в жизни освобожденного народа, заимствуя богатый опыт русского сценического искусства, стал очагом новой, социалистической театральной культуры Советского Азербайджана.

Лучшие спектакли театра оказывали и оказывают большое воспитательное воздействие на его широкую, массовую аудиторию.

Одним из таких спектаклей в свое время была постановка пьесы «Севиль» — яркого и страстного произведения, звавшего к искоренению феодальных пережитков, к полному духовному раскрепощению азербайджанской женщины. Севиль, героиня этого спектакля, смело сорвала чадру со своего лица, вышла из тесного семейного мирка на просторы социалистического труда и учебы. Ее призыв к освобождению от мрачного наследства старины находил горячий отклик в зрительном зале и далеко за его пределами. Во время представления многие женщины сбрасывали чадру. Спектакль помог широкому движению азербайджанских женщин за полноправное участие в социалистическом переустройстве общественной жизни республики. Недаром после шумного успеха спектакля в Азербайджане любовно говорили о передовых дочерях народа:

— Да, это настоящая Севиль!

Именно к такому активному воздействию на зрителей стремится коллектив театра, выступающий во всеоружии метода социалистического реализма, умело сочетающий национальные сценические формы с передовым социалистическим содержанием спектаклей. Режиссура, возглавляемая лауреатом Сталинской премии Адилем Искендеровым, а также такие опытные мастера сцены, как народные артисты СССР М. Алиев, С. Рухулла, М. Давудова, артисты А. Алекперов, Ф. Кадри, Р. Афганлы, А. Герайбейли, И. Дагестанлы и многие другие, творчески восприняли спектакли Московского Художественного театра, дважды приезжавшего в Баку.

«Вагиф» Самеда Вургуна. В роли Вагифа — А. Алекперов, Ведади — А. Курбанов.

— Никогда из моей памяти не изгладятся образы, созданные Качаловым, Москвиным, Тархановым, Хмелевым, Кедровым, Книппер-Чеховой, Тарасовой, Шевченко и другими! — говорит Адиль Искендеров. — Никогда не забудутся встречи с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко! Всегда будут звучать слова покойного М. М. Тарханова, всесторонне проанализировавшего спектакль нашего театра «Фархад и Ширин».

«Фархад и Ширин» открывает серию спектаклей театра, рисующих историю освободительной борьбы азербайджанского народа. От глубокой древности, которой посвящены постановки «Низами» и «Вагиф», изображающие борьбу лучших сынов народа против угнетателей, иноземных и местных, театр в спектаклях «Ханлар» С. Вургуна и «Утро востока» Э. Мамедханлы знакомит зрителей с революционными событиями недавнего прошлого.

«Ханлар» — волнующее, проникнутое подлинным вдохновением произведение сценического искусства, повествующее о революционной деятельности бакинской большевистской организации в годы реакции, когда борьбой пролетариата Баку непосредственно руководил товарищ Сталин. Простой рабочий Ханлар — один из тех пролетариев, которые под водительством Сталина научились побеждать своих врагов, стали мужественными борцами за торжество дела партии большевиков.

Народная артистка СССР Марзия ханум Давудова играет в этом спектакле роль матери Ханлара. Простая женщина, подобно героине «Матери» Горького, вслед за сыном становится в ряды борцов революции. И когда жандармы пытают ее, стараясь выведать местонахождение вождя, она отвечает словами, полными любви и гнева:

— Где гость мой? Грудь мне рассеките:
Он в сердце у меня. Вы там его возьмите!

Эти слова неизменно встречаются овацией зрительного зала, разделяющего с героиней спектакля ее патриотическое чувство, ее верность делу революции, ее преданность великому Сталину.

Сталинской премии удостоена постановка театра — «Утро востока», — раскрывающая перед зрителями яркие картины победы советской власти в Азербайджане. Спектакль разоблачает давние происки английских империалистов, пытавшихся в дни гражданской войны захватить Баку.

Одна из новых постановок театра — «Вешние воды» — рисует современную колхозную жизнь в Азербайджане. Эта пьеса И. Эфендиева продолжает дело одного из зачинателей новой национальной драматургии, Джафара Джабарлы, посвящавшего лучшие свои произведения созидательному труду свободного Азербайджана.

В репертуаре театра систематически появляются произведения русской и западной драматургической классики. К лучшим страницам творческой биографии театра относятся такие спектакли, как «На дне», «Ревизор», «Бесприданница», «Гроза», «Без вины виноватые», постановки Шекспира, среди которых особенно выделяется показанная к 75-летию коллектива трагедия «Отелло».

Театр имени Азизбекова вступил в пору своей творческой зрелости, стал одним из лучших национальных художественных коллективов страны. Зритель, несомненно, увидит в недалеком будущем новые замечательные победы этого театра.

ДЖ. ДЖАФАРОВ

Сцена из пьесы И. Эфендиева «Вешние воды».

Сцена из пьесы Энвера Мамедханлы «Утро востока».

Мы — рязанские

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

Фото А. Гостева

На сцене лучшего оперного театра страны, в Москве, в Академическом Большом театре выступают прославленные артисты А. Пирогов, Н. Ханаев, Н. Озеров. Все они уроженцы Рязанской области. Неоднократно приезжал к своим землякам-рязанцам создатель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии А. В. Александров. Из Рязанской области родом и композитор А. Новиков, многие песни которого стали народными. В самодеятельном кружке города Рязани начинал свою сценическую деятельность известный артист Художественного театра Н. Боголюбов, в этом же театре играют народные артисты-рязанцы Дмитрий и Василий Орловы.

Рязань по праву гордится своими знатными земляками. Богата и сейчас эта область талантами. Здесь свыше шестисот самодеятельных хоров и более тысячи драматических кружков, не говоря уже о любителях-плясунах, чтецах, певцах, объединенных в концертные бригады.

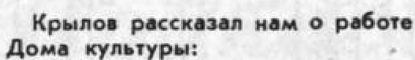
Увлечение искусством стало неотъемлемой частью жизни советских людей. Это характерно как для молодежи, так и для стариков. В отдаленных от железной дороги районах Рязанской области, когда-то глухих медвежьих углах, теперь ставят Шекспира и Шиллера, Чехова и Горького. Шестидесятисемилетний колхозник Н. Волков присылает на областные выставки народного творчества свои пейзажи, жанровые картины. Участники художественной самодеятельности Рязанской области выступают в столичных концертах.

Не раз пел в Москве один из старейших народных хоров — хор села Новые Кельцы. Свои песни создает Болошневский хор. Шестнадцать лет назад в колхозе «Красная культура» (Спасский район) образовался народный хор под руководством пчеловода Семена Семеновича Минаева. В этом коллективе много молодежи. Неизменный его участник — старший брат Минаева, 76-летний Фома Семенович, а душой хора заслуженно считается пожилая колхозница Марья Ильинична Илюшкина. Она складывает песни, частушки и затем вместе с хором подбирает к ним мелодии из старинных народных напевов (фото 1, первая слева М. Илюшкина, в центре С. Минаев).

Сотни песен, сложенных Илюшкиной,— это правдивая летопись колхоза, повесть о радостном труде, о счастливой, зажиточной жизни. С гордостью поет хор о своем колхозе-миллионере, новой электростанции, выстроенных домах, мельнице...

В клубе Рыбновского железно-

дорожного узла есть хорошо слаженный женский хор, руководимый общественницей Л. Кыниной. Много лет здесь кропотливо собирают старинные народные песни, разучивают современные (фото 2). В кружках художественной самодеятельности клуба занимается более двухсот человек. На всех концертах выступают сестры А. и Н. Власовы, исполняющие дуэты из классических опер и песни советских композиторов (фото 3).

Прекрасный дуэт составляют и два друга — курсанты Н. Скуратов и Д. Ермаков (фото 4). Их выступления всегда пользуются успехом.

Недавно в лучшем клубе Рязани был дан большой концерт для делегатов Областной партийной конференции, на котором выступили участники художественной самодеятельности из разных районов. Отрывок из повести Гоголя «Тарас Бульба» выразительно читал Г. Крылов (фото 5), глубокое контральто Зинаиды Чуриковой, вышивальщицы артели «Труженица», ласкало слух (фото 6). Оба они из районного города Михайлова.

6

Крылов рассказал нам о работе Дома культуры:

— Я руковожу драматическим кружком, в котором участвуют свыше тридцати человек. Мы поставили «Коварство и любовь» Шиллера, «Славу» В. Гусева, а недавно показали пьесу К. Симонова «Чужая тень». Кроме этого, при Доме культуры есть еще восемь кружков: струнный оркестр, ансамбль баянистов, кружок художественного чтения, изостудия... Жаль только, что мы, как и другие наши районные клубы, получаем мало помощи из областного Дома культуры, где на 55 районов Рязанской области всего три методиста. К нам они попадают довольно редко.

Широк размах художественной самодеятельности в Лебедянском районе. Здесь руководитель Дома культуры П. Дадерко поставил недавно народную украинскую оперу «Наталка-Полтавка». Своими силами были выполнены костюмы и декорации. Постановка прошла с большим успехом пятнадцать раз. (На фото 7 показана финальная сцена спектакля.)

В Лебедяни много отличных плясунов. Весело и темпераментно танцуют К. Воробьева и М. Куликов, М. Котова и А. Мальгин. Но и здесь, как и в других районах, нужна помощь специалиста-хореографа — в хорошие народные пляски то и дело просачивается «цыганочка» или чечетка.

В Рязани есть два высших учебных заведения — сельскохозяйственный и педагогический институты. Студенты с увлечением посвящают свой досуг искусству, выступают в концертах. Большой и разнообразный репертуар у струнного оркестра педагогического института. Оркестром руководит профессор Н. Семенов (фото 8).

Во всех уголках Рязанской области, как и по всей нашей стране, растут люди, развиваются таланты... И широкая, раздольная песня, сложенная сказительницей М. Илюшкиной, полна душевной теплоты и благодарности к великому другу народа товарищу Сталину:

Разливайся, песня,
по всей нашей стране,
Пусть Сталин нас
услышит
в московском Кремле!

4

5

7

8

ПОЭТ РУССКОЙ СТОЛИЦЫ

К. ЮОН,
действительный член Академии художеств СССР, народный художник РСФСР

Каждому значительному художнику дано сказать свое слово, никем лучше не сказанное и неповторимое. В этом смысле художественное наследие Аполлинария Михайловича Васнецова представляет редчайшее явление.

В его лице русское искусство имело выразителя эпического величия природы Урала, Сибири и Севера, лесных массивов и речных просторов — нынешнего грандиозного плацдарма социалистических строек. Кроме того дарование А. Васнецова позволило ему быть как бы живым свидетелем жизни Московской Руси XVII века. Он единственный из мастеров живописи, с исторической достоверностью воссоздавший на своих полотнах древнерусские города.

Многие произведения Аполлинария Михайловича хорошо знакомы нашему народу. Но судьба этого живописца такова, что неискушенный зритель, не всматриваясь в инициалы, обычно приписывает произведения Аполлинария его старшему брату, Виктору,— автору «Богатырей», «Аленушки», «Витязя на распутьи». Творческое наследие Аполлинария Васнецова имеет для нашего искусства немногим меньшее значение, нежели произведения Виктора Васнецова. Эпические пейзажи А. Васнецова и его старая Русь не получили у критики должной оценки. Автор «Камы» и старой Москвы еще не удостоился обстоятельной монографии.

В выставочных залах Союза художников СССР в Москве открылась сейчас выставка произведений Аполлинария Михайловича. Несмотря на то, что в ней собраны далеко не все лучшие полотна мастера, она все же раскрывает одну из самых интересных страниц в истории русского искусства.

Аполлинарий Михайлович Васнецов, поэт исторического прошлого русской столицы, родился вдалеке от нее, в Вятской губернии, в 1856 году. Здесь он и прожил до двадцатидвухлетнего возраста. Его учителем был брат Виктор и некоторое время ссыльный художник Э. Андриолли — участник польского революционного движения. Едва сделавшись живописцем, Аполлинарий Михайлович под влиянием народнических идей ушел в деревню и стал преподавателем сельской школы в Орловской губернии. Но через год с небольшим, затосковав по искусству, он расстался с учительской деятельностью и отдался исключительно живописи и рисованию.

Первые же пейзажи А. Васнецова, выставленные на 11-й Передвижной выставке, определили характер, содержание и стиль его будущих работ. «Днепр перед бурей» (1883) сделал имя А. Васнецова популярным и дал ему почетное звание члена Товарищества передвижных выставок.

Аполлинарий Михайлович — родоначальник эпического пейзажа, в котором главное — ширь, могущество, сила. Особенно показательна его знаменитая «Кама», экспонированная в Третьяковской галерее, а теперь блистающая на выставке. Это воистину былина во славу уральской земли! И как она крепко, упруго написана! Как органически связано в ней все: и рисунок, и композиция, и живопись— сочная, осязательная, правдивая!

«Слово живопись,— пояснял сам Аполлинарий Михайлович, — вполне определяет суть дела: писать жизнь». И отсюда он исходил в своем понимании реалистического мастерства: «Для выражения жизненности предмета в руках художника есть мастерство».

Именно таким мастерством обладал Аполлинарий Михайлович. Его маленькие этюды, во множестве представленные на выставке, помогут молодежи учиться наблюдать натуру, а его большие полотна дадут немало к постижению того, как эти наблюдения претворять в значительные произведения.

Аполлинарий Михайлович был жестоким противником формалистического искусства, представителей которого он блестяще критиковал в своих трудах. Я приведу несколько примеров, взятых наудачу из его книги «Художество», вышедшей в 1908 году:

«Видя современных новаторов живописцев... мне всегда представляется их недолговечность... Все эти «голубое крыло», «синяя птица», «гармония в синем», «симфония в желтом» — есть результат желания сказать «нечто» с помощью одних красок, как будто в самой краске заключается какая-то тайна; краска остается просто краской. При этом мне вспоминаются те средневековые лекаря, разъезжавшие по ярмаркам и предлагавшие доверчивой публике подцвеченную в разные цвета воду под видом лекарства против всевозможных болезней, как-то: отверженной любви, падучей и чесотки... Или же вспоминается известная басня про голого короля».

На диво умен и проницателен был Аполлинарий Михайлович. И искусство его тоже умное.

Когда А. Васнецов начинал свои произведения, рассказывавшие о прошлом Москвы, горячо любимой русскими людьми белокаменной красавице, он знал, что каждая новая живописная страница, посвященная ей, будет для них радостью.

Особый «мирок» старой Москвы и древней Руси вышел из-под его кисти. Эта сторона васнецовского творчества не таит в себе ни капли фальши, почти обычной при художественно-исторической реконструкции такого рода.

Его древняя Русь, воспетая им более чем в 150 холстах, имеет под собой глубокую научную основу. Он был дружен с Ключевским, Забелиным и другими видными историками, часами рылся в пыльных архивах. Став историческим живописцем, А. Васнецов счел необходимым заняться археологией, и заняться ей всерьез. Его археологические труды имеют немалый научный интерес. Так, лично им были открыты и обследованы остатки Берсеневских водяных ворот и следы башен Сретенских и Яузских ворот.

Н. Кузнецов. Портрет А. М. Васнецова.

Выставка наглядно рассказывает об исторических темах художника: Китай-город, торговые площади, площади в старом Кремле, мосты через Москву-реку с книжными лавочками, заставы у деревянного города, пристани с базарами, скоморохи, уличные обычаи семнадцатого века и так далее.

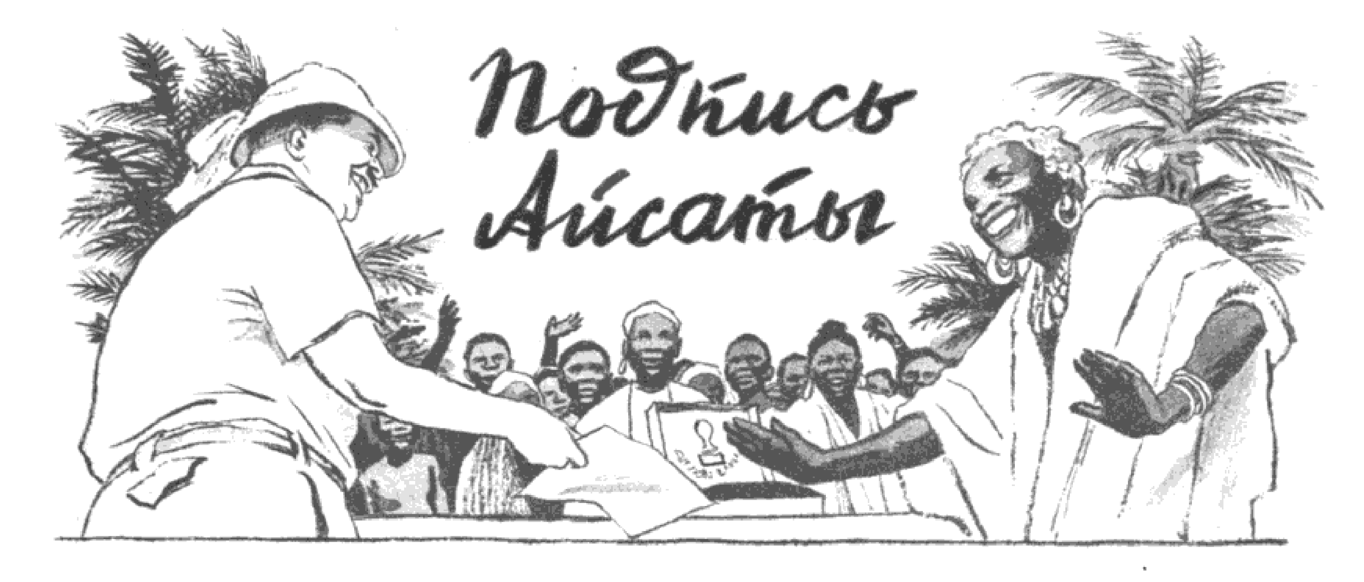
Октябрьскую революцию, заставшую А. Васнецова уже далеко не молодым, он горячо приветствовал. Художник от души радовался наступлению времени, когда искусство стало общественным достоянием, о чем он мечтал еще в своих критических работах 1908 года.

Умер А. Васнецов в 1933 году. Его последними работами были этюды в московских парках, также представленные на выставке. Они живо свидетельствуют о том, что и тогда художник видел зорко и умел вкладывать в произведения свое чистое и трепетное сердце.

Мне посчастливилось многие годы быть с Аполлинарием Михайловичем в наилучших отношениях. О нашей дружбе я всегда вспоминаю с благоговением. Это был человек редких душевных качеств, замечательный художник, достойный гражданин.

А. М. Васнецов. «У Ивана Великого».

Подпись Айсаты

С. ДАТЛИН

Среди дюжины молодцов, командированных охранкой в колонию Берег Слоновой Кости, Исидор Фрикé выглядел наиболее законченным прохвостом. Генерал-губернатор сразу приметил его и увел из приемной к себе в кабинет, предоставив своему помощнику заниматься остальными.

— Вы знаете, зачем вас сюда прислали, мой друг? — спросил он Фрикé, когда они остались одни.

— Так точно, мой генерал.

— Надо привести в чувство чернокожих. Они все заражены коммунистическим духом и вообразили, что могут обходиться без нас, французов. У них есть своя партия — Демократическое объединение Африки. Когда мы посадили за решетку ее вожаков, вся Африка поднялась на дыбы. Эти дикари перестали покупать французские и американские товары. Вы представляете себе, какие убытки несут наши торговые компании?

— Так точно, мой генерал.

— Чернокожие женщины сотнями ложатся на рельсы железной дороги и останавливают поезда. Они требуют освобождения арестованных...

— Это неслыханная наглость, мой генерал!

— Наши друзья американцы торопят нас разделаться с объединением бунтовщиков. Они предлагают в помощь опытных людей, чтобы расколоть эту чернокожую организацию и лишить ее поддержки населения. Но в этом отношении, мой друг, — губернатор улыбнулся, — я полагаю, мы можем обойтись и без иностранной помощи.

— Так точно, мой генерал. Можете положиться на меня и моих товарищей.

На другой день Исидор Фрикé был уже в трехстах километрах от Абиджана, в одном из самых неспокойных кантонов, где влияние Демократического объединения было особенно сильным. Он узнал, что возглавляет местную организацию объединения старшина по имени Молобали и что все взрослое население кантона, исключая полицейских, состоит членами этой организации.

Фрикé вызвал к себе Молобали. Тот пришел с узелком в руке: старшина полагал, что дело кончится, как всегда, тюрьмой, поэтому захватил с собой десятка полтора кукурузных лепешек. Но, к его удивлению, приезжий француз встретил его приветливой улыбкой и усадил на стул.

Фрикé решил поразить негра знанием туземного этикета.

— Ты здоров, Молобали? — спросил он своего гостя.

— Здоров, мисье коменданта.

— Твоя коза здорова?

— Здорова.

— Твоя муссо (жена) здорова?

— Здорова.

— Твои дети здоровы?

— Здоровы.

— Я очень рад, Молобали, — продолжал Фрикé. — В Париже тоже будут довольны, Париж хорошо знает твое имя. Меня прислали сюда, чтобы узнать, в чем ты нуждаешься.

Босоногий полицейский Гамба принес в комнату две чашки кофе и тарелку с печеньем.

— Послушай, Молобали, — снова начал Фрикé, — у тебя есть ружье?

— Нет, мисье коменданта.

— А ты хочешь его иметь?

— Да.

— Ну, так ты будешь иметь хорошее ружье. В Африке без ружья, все равно, что в Париже без денег... А как зовут твою муссо?

— Айсата.

— Ей хочется иметь стеклянные чулки?

— Моя муссо, коменданта, не знает, что такое чулки. Она ходит босиком.

— Это ужасно! Поверь мне, она получит превосходные парижские чулки, и все женщины будут завидовать ей.

— Это дурно, мисье коменданта, — возбуждать зависть.

— Ах, Молобали, ты еще не научился различать, что хорошо, что дурно. Вот если бы ты побывал в Париже! — Фрикé предложил собеседнику чашку кофе и продолжал: — Ты умеешь читать по-французски?

— Нет, мисье коменданта.

— Впрочем, вам, африканцам, это ни к чему, не правда ли?

— Да, мисье коменданта, ваша грамота нам ни к чему. У нас есть свой язык, но еще нет своей грамоты. Это жаль.

— Пустое, Молобали! Занятия науками при этой сатанинской жаре просто невозможны... Послушай, Молобали, ты добрый француз?

— Я африканец, мисье коменданта.

— Это одно и то же. Ты добрый африканец?

— Да, мисье коменданта.

— Вот почему я хочу, чтобы у тебя было ружье, а у твоей муссо модные чулки. А теперь, Молобали, подпиши эту бумагу.

— Мисье коменданта, я сказал, что не знаю вашей грамоты.

— Не беда. Достаточно приложить руку. Это делается вот так...

Он пододвинул к негру подушечку с краской, взял его правую руку и приложил концы его пальцев к подушечке, а затем к бумаге.

— Вот и все, Молобали. Я очень доволен тобой, и если мы станем друзьями, то у тебя, кроме ружья, будет еще велосипед.

Беседа закончилась тем, что Фрикé вытащил из ящика письменного стола фотоаппарат и сфотографировал Молобали.

Через два дня несколько полицейских обходили хижины негров и бесплатно раздавали свежий номер абиджанской газеты. На третьей странице красовался большой портрет Молобали. Это произвело сенсацию среди жителей. Они собирались группами на улице и громко обменивались мнениями о сходстве портрета. Затем большой толпой они окружили хижину старшины.

Молобали вышел к ним с неопределенной улыбкой. Ему было немного не по себе. Он смутно чувствовал что-то неладное. Старшина попросил сходить за Мамаду, который учился грамоте в городе. Надо же было узнать, о чем пишет газета.

Тем временем, обливаясь потом от непривычной жары, Фрикé ожидал донесений от полицейских. Он с удовольствием представлял себе тот момент, когда взорвется подброшенная им «бомба», то есть когда какой-нибудь грамотей прочтет всем заявление Молобали, напечатанное в газете.

«Молобали выходит из Демократического объединения Африки».

«Молобали считает, что коммунисты не доведут до добра африканцев».

«Молобали выражает глубокую преданность правительству Франции».

«Молобали призывает всех африканцев отвернуться от Демократического объединения и прекратить бойкот привозных товаров».

«Молобали скрепляет свои слова оттисками собственных пальцев».

Станет ли старшина отрицать свою причастность к написанию заявления или нет — это, в сущности, пустяки. Важно посеять недоверие, вызвать нарекания, оттолкнуть колеблющихся, подхлестнуть завистников.

В комнату вбежал запыхавшийся Гамба.

— Коменданта! — крикнул полицейский. — Они идут. Много идут!

— Куда идут?

— Сюда, коменданта. Они кричат: «Мы тоже хотим приложить руку!»

— Ну, вот и прекрасно! Я же знал, что они сговорчивые ребята.

Он пожалел, что заблаговременно не заготовил бланков.

Огромная толпа африканцев сгрудилась у дверей дома. Они наперебой кричали что-то на своем языке, но Фрикé, вышедший к ним, не понимал ни слова. Здесь были и мужчины, и женщины, и старые, и молодые, и даже дети. В середине толпы Фрикè заметил Молобали и пожилую женщину возле него. Она кричала, казалось, громче всех, стараясь пробиться сквозь толпу к самому порогу.

— О чем они спорят? — спросил Фрикé у Гамбы.

— Они все хотят первыми приложить руку.

— Но это же невозможно! Экие скоты, они не имеют представления даже об очереди.

Он распорядился вынести стол, пачку бумаги и прочие принадлежности для предстоящей церемонии.

— Как тебя зовут? — спросил он женщину, протискавшуюся наконец вперед.

— Это Айсата, муссо Молобали, мисье коменданта, — сказал кто-то.

— Я охотно, мадам, предоставлю вам первую очередь, — с галантно-насмешливой улыбкой сказал ей француз.

«Сердце чернокожей не выдержало искушения, — подумал он. — Чулки сделали свое дело». Фрикé взял это себе на заметку. В следующий раз он будет действовать прямо через женщин.

Айсата подошла к столу, теснимая другими африканцами. Она приподняла согнутую руку, словно для священнодействия. Широкая улыбка играла на ее лице. Вот она положила всю свою ладонь на подушечку. («У этих дикарей не хватает ума для самых простых вещей», — подумал Фрикé). Но женщина опустила вторую ладонь и так же плотно приложила ее к подушечке.

— Вот тебе, мисье коменданта, подпись Айсаты! — смеясь, воскликнула она, и со всего размаха шлепнула его одной рукой по левой щеке, а другой — по правой, жирно отпечатывая обе пятерни на светлой коже ошалевшего прохвоста.

В толпе раздался раскатистый хохот. Люди напирали друг на друга, сгорая от желания посмотреть на физиономию чиновника. Они опрокинули стол, перебросили его через головы в сторону. Фрикé был окружен плотным кольцом африканцев. Деваться было некуда. Напрасно искал он глазами стражей порядка. Их не было. Они разбежались.

Только голова Гамбы выглядывала из полуоткрытой двери и тоже насмешливо скалила ослепительно белые зубы.

Родина пехлеванов

Ал. СВЕТОВ

...Лет десять тому назад руководитель кафедры гимнастики и теории физического воспитания Азербайджанского института физкультуры Эмин Рагимов посвятил себя изучению истории народной азербайджанской борьбы «гюлешь». Он долгими ночами просиживал над пожелтевшими от времени рукописями, отыскивая описания народных видов спорта. Он читал великие творения Низами, многое познал из старинных книг и древних свитков. Но больше всего влекла его живая жизнь.

Молодой ученый сам охотно занимался гимнастикой, боксом, борьбой. Его неодолимо тянуло на стадионы шумных городов, на сельские спортивные площадки, где вечерами собиралась колхозная молодежь, чтобы помериться силами. Он видел, как повсюду в Азербайджане развиваются современные виды спорта и физическая культура прочно входит в быт народа. На нефтяных промыслах, в колхозах, в отдаленных горных селениях молодые люди занимаются на спортивных площадках, оборудованных их руками, на футбольных полях, участвуют в велосипедных гонках, в соревнованиях по борьбе, гимнастике, боксу.

В городах и селах республики возродились и старые народные виды спорта. Рагимову не раз приходилось бывать на праздниках в колхозах. В числе других спортивных соревнований там часто происходили конные скачки и игры. Вот две группы всадников — одна на серых, а другая на вороных конях — по знаку судьи устремляются к центру поля. Низко пригнувшись к холкам лошадей, всадники стараются длинными, загнутыми у конца палками забить мяч в ворота противника. Конное поло сменяется состязанием лучников. Приз достается тому, кто верхом на всем скаку поразит больше мишеней. До позднего вечера соревнуются бегуны, борцы, велосипедисты, а поодаль пожилые люди часами просиживают за игрой в нарды.

В каком-нибудь далеком селении происходило районное соревнование по азербайджанской борьбе. Эмин Рагимов выезжал и туда. Он тщательно записывал в блокнот приемы и ритуал борьбы. Что и говорить, это было захватывающее зрелище! Толпа тесным кольцом окружала площадку, застланную коврами. Под приветственные возгласы зрителей, под певучие звуки зурны степенно выходили борцы — пехлеваны. На них плотные, вышитые национальным узором полотняные шаровары, шелковые кушаки.

Приплясывая в такт музыке, борцы ходят по кругу. Улучив момент, один из них бросается на противника. Борьба началась. Правила разрешают захваты, подножку. Большим искусством считается схватить противника за шаровары и, подняв его в воздух, бросить на ковер через бедро или плечо. Раньше победа присуждалась тому, кто заставит соперника коснуться земли коленями. У знаменитых пехлеванов на коленях были пришиты к шароварам кусочки зеркала. Если зеркало окажется разбитым, борец считается побежденным.

Лучшие борцы выходили из селения Маштаги, расположенного в окрестностях Баку. Слава знаменитого маштагинского силача Гусейна Гулы много лет назад распространилась по всему Азербайджану. Рагимов решил расспросить у стариков о легендарном борце.

Однажды в солнечный летний день он вышел из вагона электрички. Перед взором его раскинулись белые домики селения Маштаги, ажурные нефтяные вышки. Лениво вертелись крылья ветряков, качающих на поля воду.

Возле правления колхоза сидел на скамье старик в мохнатой бараньей шапке. Глядя на его белые зубы и молодые глаза, трудно было поверить, что ему 109 лет. Гаджи Халил Наврузоглы — так звали старика — был когда-то борцом. Помнит ли он Гусейна? Еще бы, он и сам однажды боролся с ним! Правда, Гусейн шутя одерживал над ним победу, но ведь все знают, что не было в Азербайджане человека сильнее караванщика Гусейна!..

Старик рассказывал о жизни знаменитого борца, и взгляд его туманился воспоминаниями.

— Однажды в дни своей молодости,— рассказывал старик,— Гусейн шел с караваном в Шемаху. По дороге он встретил пастуха. Гусейн попросил у него барана. Пастух сказал: «Согласен, но при условии, если ты победишь меня в борьбе». Пехлеван засмеялся и принял вызов. Схватка закончилась поражением Гусейна. Долго не мог забыть о ней Гусейн Гулы. Вернувшись домой в Маштаги, он открыл там зорхану, что означает в переводе «дом для пробы сил». Сюда мог приходить всякий, кто желал укрепить свои силы и научиться благородному искусству народной борьбы. Пришел однажды в зорхану и пастух — тот самый, который поборол Гусейна.

— Хочешь, давай снова бороться,— предложил гостю караванщик.

В праздничный день, когда на площади собрались все жители селения и призывно заиграли боевую мелодию зурначи, сошлись пехлеваны. На этот раз схватка продолжалась всего лишь несколько секунд. Применив свой любимый прием «мельницу», Гусейн бросил пастуха на ковер. Тот поднялся и, по обычаю отдавая долг чести победителю, коснулся его лба правой рукой и поцеловал ее.

Старик рассказал и о том, как однажды Гусейн принял вызов сильнейшего иранского борца великана Езды. На глазах изумленного шаха и его свиты Гусейн поднял соперника высоко над головой и бросил на землю. Шах наградил победителя деньгами, но Гусейн пренебрежительно бросил золото в толпу.

— У нас в Азербайджане,— сказал он разгневанному шаху,— силу и ловкость пехлевана меряют не деньгами, а народной любовью.

Рагимов побывал у потомков другого знаменитого маштагинского борца, Алты Айлых. Внуки и правнуки силача рассказали ученому о том, как тренировался Алты Айлых. По утрам, выходя на прогулку, он носил на спине верблюжонка. Словно мячики, он подбрасывал двухпудовые гири, отталкивая их грудью и плечами. Он разработал свою систему упражнений с гимнастическими булавами и большими деревянными щитами-сеньгами.

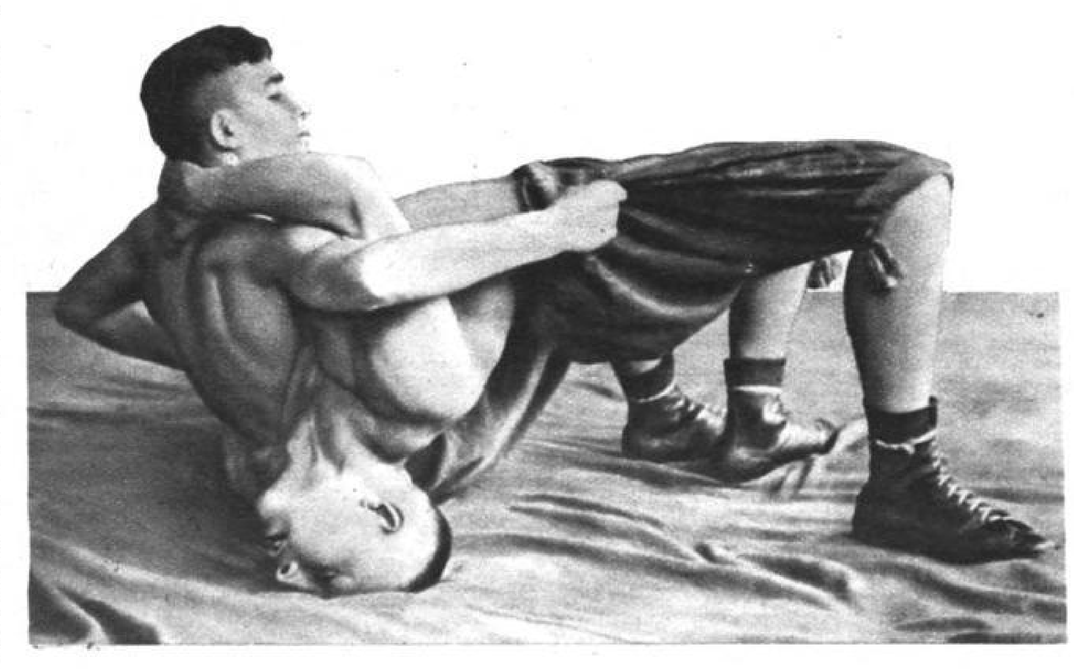
В Азербайджанском историческом музее Рагимов разыскал старинные дубовые булавы весом до 46 килограммов и 30-килограммовые сеньги, принадлежавшие азербайджанскому борцу. Рагимов подробно описал их, а также воспроизвел правила тренировок и упражнений гимнастов и борцов.

Азербайджанские борцы пользуются заслуженной славой. Они не раз одерживали победы на всесоюзных и международных соревнованиях. В Азербайджанский институт физкультуры с заводов, промыслов и колхозов приходят юноши. Здесь под руководством опытных тренеров и преподавателей они совершенствуют свои знания и технику, готовясь к почетной и ответственной работе преподавателей физкультуры в школах, техникумах и вузах.

Рашид Мамедбеков и Муса Бабаев завоевали звание чемпионов Советского Союза по вольной борьбе в своих весовых категориях. Первым отличился Мамедбеков. Участвуя в лично-командном первенстве страны по вольной борьбе в Таллине, он выиграл в 1947 году схватку у известных борцов — эстонца Лооара и ленинградца Ракова — и занял второе место. Бабаев в 1949 году завоевал звание чемпиона страны по вольной борьбе и выехал в Будапешт на международные студенческие игры. Там он по очкам выиграл схватку у румына Хана, а в финальной встрече одержал победу над венгерским борцом Пагером. Из Будапешта Бабаев вернулся с золотой медалью и званием чемпиона студенческих игр. На бакинском аэродроме его обнял друг Рашид Мамедбеков.

Не только селение Маштаги и город Баку выдвигают своих талантливых борцов. Более двух тысяч юношей Азербайджана регулярно занимаются в борцовских секциях. Среди них инженер Саркисов, колхозник Балаян, преподаватель Исмаилов, способные борцы Шамхора и Тауза, Кубинского района и Степанакерта, Нухи и Закатал. Внуки и правнуки знаменитых азербайджанских пехлеванов пришли в спорт, чтобы стать сильными, ловкими, выносливыми, готовыми к труду и защите своей Родины.

Об этом рассказал в своей диссертации молодой азербайджанский ученый Эмин Тагиевич Рагимов. Его труд о народных видах спорта в Азербайджане получил высокую оценку комиссии: Рагимову присвоена ученая степень кандидата педагогических наук.

Р. Мамедбеков и М. Бабаев тренируются в азербайджанской борьбе.
Фото Л. Бедошвили.

Весенние прогнозы

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Г. Валька

Длиннее день, короче ночь. Все жарче греет весеннее солнце, все ближе и ближе час открытия летнего спортивного сезона. Он уже не за горами, этот час, и, что там таить греха, многие из нас с нетерпением ждут, когда раздастся долгожданная трель судейского свистка и первый удар по мячу возвестит многомиллионному братству спортивных болельщиков о наступлении лета.

По установившейся традиции, начало летнего сезона связывается у нас с открытием московского стадиона «Динамо». Пусть на соседних стадионах проходят соревнования, пусть в других городах идут жаркие футбольные баталии — для истого болельщика все это, конечно, не то. «То» начинается только тогда, когда приобретается билет на трибуну стадиона «Динамо».

Здесь в первом матче встречаются, по обыкновению, две лучших команды страны: победитель прошлогоднего первенства с победителем «Кубка». И тут пусть дождь, пусть снег — это уже никого не остановит. Восемьдесят тысяч человек обязательно придут на «Динамо», чтобы собственными глазами увидеть, как был забит первый мяч в этой битве сильнейших, а те, которым не удастся побывать на этом матче, настроят свои радиоприемники на московский стадион «Динамо» для того, чтобы услышать из первых уст рассказ о всех перипетиях этой встречи.

Открытие московского «Динамо» назначено на 2 мая. В жизни каждого любителя спорта наступает самая ответственная пора — пора прогнозов и гаданий.

Помните, как писал поэт Жуковский:

За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

В связи с изобретением футбольного мяча за последнее столетие в технике гадания произошли серьезные изменения. Гадают теперь не в «крещенский вечерок», а перед началом летнего спортивного сезона, причем гадают не девушки, а болельщики. Они чертят футбольные таблицы. Кто на чем. Инженеры — на ватмане, школьники — на листке из тетради по арифметике, музыканты — на нотной бумаге. Затем, стыдясь родных и знакомых, гадающий запирается один на один с самим собой в комнате и сложными математическими выкладками пытается получить ответы на четыре актуальных вопроса предстоящего сезона. Кто? Кому? Сколько? И каким образом, то есть с игры или с одиннадцатиметрового удара? Единой точки зрения на все эти вопросы, конечно, нет. Сколько болельщиков, столько и прогнозов. И хотя прогнозы эти разноречивы, к некоторым из них стоило бы прислушаться.

Кстати, первые вести с юга свидетельствуют о добрых предзнаменованиях. Резервы большого футбола пополнились. Спортивный гороскоп предсказывает, что в этом сезоне мы увидим в составе лучших футбольных команд много талантливой молодежи.

Дебют девятнадцатилетних в прошлогодних играх оказался удачным. Молодежь помогла московскому «Торпедо» завоевать «Кубок». Молодые футболисты выручили ЦДКА, когда половина игроков основного состава этой команды выбыла из строя по болезни. Наконец, молодежь позволила московскому «Спартаку» провести финальную часть первенства на высоком спортивном уровне и занять третье призовое место.

Блестящие победы автозаводцев в борьбе за футбольный «Кубок» подхлестнули тбилисских, ленинградских и минских тренеров и заставили их пойти на более смелое выдвижение молодежи. Есть все основания предполагать, что хороший пример московского «Торпедо», а особенно победа этой команды в финальном матче на «Кубок» над чемпионом страны окажет благотворное влияние также и на чемпиона и заставит его тренера взяться за выдвижение молодежи. В этом отношении М. Якушин мог изучить опыт не только автозаводцев, но и своего товарища И. Сергеева — тренера легкоатлетической секции «Динамо».

И. Сергеев — замечательный педагог. Он уже много лет работает над воспитанием спортивной смены. Именно поэтому на всех легкоатлетических соревнованиях честь московского «Динамо» защищают не только заслуженные мастера, но и воспитанники юношеских коллективов. Так оно и должно быть. Молодость — душа спорта. Сила советской физкультуры в здоровом соревновании спортивных поколений. Молодежь приносит с собой в каждый коллектив хороший задор, дерзание.

Участвуя в соревнованиях рядом с маститыми мастерами, молодые спортсмены не только учатся у них: они заставляют мастеров совершенствовать технику, тактику, не позволяют им застаиваться на одном месте.

К сожалению, кое-кто из маститых плохо еще работает над своим ростом. В прошлом году советские спортсмены установили много новых рекордов. Это было замечательным ответом советских физкультурников на ту большую заботу, которую оказывают им партия и правительство.

Но присмотритесь внимательнее к новым рекордам и увидите, что не все спортсмены поработали здесь с одинаковым усердием. Детям, юношам и женщинам принадлежит большая часть новых рекордов, мужчинам — меньшая. В этом сезоне мужчинам придется пренебречь своим самолюбием и пойти на выучку к нашим женщинам. Бегуны, метатели, прыгуны должны не только сократить свое отставание, но и постараться занять среди лучших легкоатлетов мира такое же ведущее место, какое занимают советские спортсменки.

Советского спортсмена отличает не только высокое техническое мастерство, но и высокие моральные качества. Судя по нашему гороскопу, много неприятных сюрпризов ожидает в этом году всяких спортивных зазнаек. А такие встречаются как среди легкоатлетов, так и среди пловцов, штангистов, футболистов. Сыграет, скажем, левый крайний два—три матча удачно, — смотришь, нос у парня уже задрался кверху. С товарищами он перестает считаться. В коллективе держит себя заносчиво, как когда-то солист императорских театров на провинциальной сцене. А тренер, вместо того чтобы во-время одернуть паренька, начинает потрафлять его капризам, лишь бы только тот не ушел в соседнюю команду.

Паренек наглеет и действует по принципу «чего моя левая нога хочет». Хочу играю, хочу нет. Левая нога хороша, когда он посылает мяч в ворота, но когда эта нога начинает руководить и всеми прочими поступками футболиста, — это уже серьезный повод для того, чтобы проучить паренька. Тренер — это не только стратег и тактик в команде: это еще учитель и воспитатель спортсменов.

Не сулит счастья наш гороскоп и перелетным грачам, которые с легкой душой устремляются по весне в вояж по разным градам и весям. Они летят от ворот к воротам и приземляются там, где надеются получить больше благ. У перелетных грачей нет чувства спортивной чести, поэтому их не любят, не уважают.

Наш гороскоп предсказывает много огорчений не только летунам, но и грубиянам. Люди, которые подменяют в спортивной борьбе ловкость и сноровку грубой физической силой, вряд ли смогут рассчитывать на успех в текущем сезоне. Грубость — признак слабости, а советский спортсмен должен быть олицетворением как силы, так и высокой культуры.

Летний сезон только-только начинается. Мы знаем, этот сезон обещает нам большие успехи в самых различных видах спорта: и на беговой дорожке и на футбольном поле. И если мы сегодня говорим о грубиянах и зазнайках, то не потому, что таковых у нас много. Мы пишем затем, чтобы их не было вовсе. Даже по одному на спортивное общество.

ГОЛУБЬ МИРА И СТЕРВЯТНИКИ ВОЙНЫ

— Не понимаю, что хорошего в этой пташке? Даже обычную бомбу некуда подвесить.

Рисунок О. Козюренка («Перец»)

Среди художественных изделий из дерева, будь то шкатулка, рама картины или мебель, большой популярностью пользуются вещи, сделанные из древесины карельской березы.

Однако в большинстве случаев такие изделия выполнены из древесины одной из разновидностей тополя, обладающей более красивым рисунком, чем карельская береза.

Янтарно-золотистая в отполированном виде, с живописно разбросанными по атласно-волнистому фону букетами красно-коричневых «очков», древесина тополя является отличным поделочным материалом.

В конце XVIII века крепостные мастера с присущим русским художникам декоративным чутьем «открыли» оба эти материала и стали широко пользоваться ими. Сохранившиеся от тех времен мебель и различные художественные изделия из этих пород по праву считаются украшением каждого советского музея декоративного искусства. Многие такие изделия представлены в подмосковном музее «Архангельское».

Вышли из употребления обе породы лишь тогда, когда под влиянием увлечения всем иностранным у русской знати вошли в моду, например, такие «экзоты», как дуб, искусственно окрашенный в голубой или зеленый цвет, или с порами, заполненными бронзовым порошком.

В наши дни, когда проводится большая работа по созданию красивой, прочной и дешевой мебели, проблема изыскания материалов, отвечающих этой задаче, особо актуальна.

Факультет художественной обработки дерева Московского высшего художественно-промышленного училища провел исследовательскую работу, посвященную использованию тополя как декоративного материала.

Тополь нужных разновидностей, то есть обладающих декоративной древесиной (черный тополь или осокорь и близкие к нему формы), произрастает во многих районах Советского Союза, в том числе и в Московской области. Однако необходимы новые, массовые посадки тополя и выведение гибридных форм его с еще более ценными свойствами древесины.

На снимке: кресло из тополя, выросшего в Москве. Работа русского крепостного мастера XIX века.

И. ФЕДОРОВ

Обо всём

Принято считать, что главное назначение пчел — производить мед и воск. Но пчелы опыляют также сельскохозяйственные растения. Стоимость дополнительного урожая, получаемого с поля, на котором пчелы потрудились как опылители, значительно превышает доходы, получаемые от пчеловодства, дающего мед и воск. Например, поля гречихи, находящиеся вблизи от пасеки, приносят урожай на 50—80 процентов больше, нежели поля, удаленные от пасек.

• • •

Чувствительность глаз человека к свету значительно превосходит чувствительность современных фотопластинок и специальных приборов. В полной темноте и при отсутствии атмосферных помех человек мог бы заметить свет от свечи на расстоянии в 30 километров.

• • •

Видимые невооруженным глазом метеоры («падающие звезды») — это обычно очень мелкие частицы вещества, проникающие в земную атмосферу с огромными скоростями. Размеры таких метеоров — от булавочной головки до вишневой косточки. Их вес — от одной сотой до одной десятой доли грамма. Они большей частью сгорают в атмосфере, не долетая до земли.

Все же за год на Землю попадает несколько тысяч тонн этого вещества, но главным образом за счет более крупных частиц — метеоритов, не успевающих целиком расплавиться и раствориться в атмосфере.

• • •

Шеллак, из которого изготовляют патефонные пластинки, выдерживает колоссальное давление. Кончик патефонной иглы давит на звуковую канавку пластинки с силой около... тонны на один квадратный сантиметр. Это объясняется тем, что вес мембраны целиком ложится на острие иглы, а последнее — на очень малую поверхность. Обод паровозного колеса давит на поверхность рельса с меньшей силой.

• • •

По наблюдениям советского ученого А. Н. Промптова, пара больших синиц за 15 дней приносила птенцам в гнездо корм 4135 раз. За все время выкармливания выводка эта пара синиц уничтожила не менее 10 тысяч насекомых.

ИЗВЕСТНО ЛИ ЭТО ВАМ?..

В благоприятной среде

Научный сотрудник рассказывал экскурсантам, посетившим лабораторию:

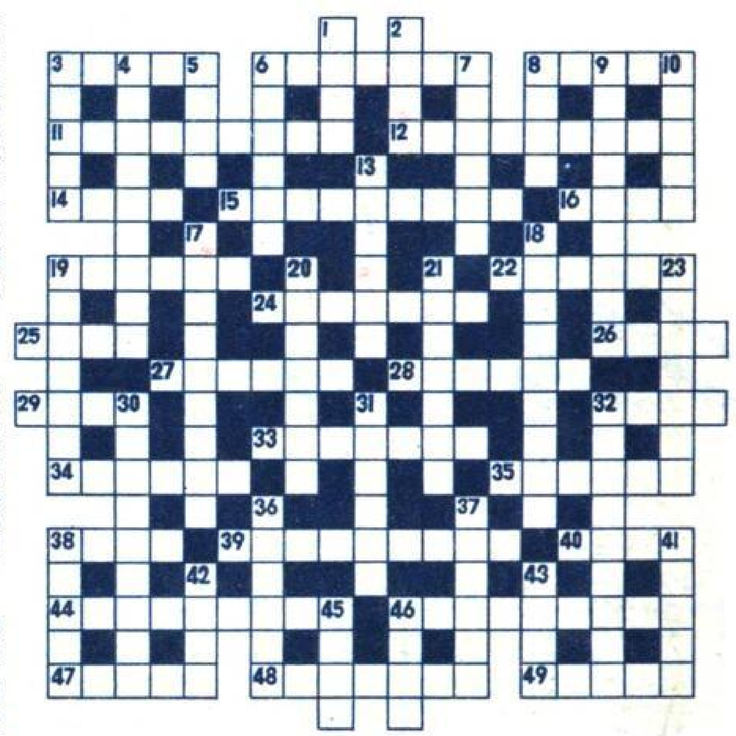
— ...некоторые относят их к растительному миру, другие — к животному. Правильнее считать их растениями...

— ...мы поместили одно такое растение шесть часов тому назад в благоприятную для его развития среду...

— ...и сейчас, как мы видим, вместо одного этого растения появилось уже свыше четырех тысяч.

О чем рассказывал лаборант?

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Служащий во флоте. 6. Разрывной снаряд. 8. Сторожевой отряд. 11. Определенное пространство на земной поверхности. 12. Железнодорожный служащий. 14. Внутренняя часть плода. 15. Весовая категория спортсмена. 16. Замерзшие пары воздуха. 19. Гора с кратером. 22. Русский ученый, открывший явление электрической дуги. 24. Естественное химическое соединение. 25. Курортный город. 26. Двухколесная телега. 27. Часть круга. 28. Печь для переработки чугуна в сталь. 29. Метка. 32. Сельскохозяйственное строение. 33. Маньяк. 34. Стихотворение Лермонтова. 35. Лиственное дерево. 38. Награда победителю. 39. Столица АССР. 40. Условное изображение, присвоенное государству, городу. 44. Короткое сатирическое стихотворение. 46. Род телескопа. 47. Верхняя одежда. 48. Научное сочинение. 49. Вид спорта и промысел.

По вертикали:

1. Порода оленей. 2. Рыба. 3. Род краски. 4. Архитектор XVIII века. 5. Зрелищное предприятие. 6. Музыкант, играющий на старинном инструменте. 7. Высшая степень. 8. Декоративное цветущее растение. 9. Военно-морское судно. 10. Татарский народный поэт. 13. Быстроходное парусное судно. 17. Корнеплод. 18. Русский химик. 19. День недели. 20. Русский механик-самоучка, построивший первую «потаенную» (подводную) лодку. 21. Женская одежда. 23. Яма на дороге. 30. Совещание врачей. 31. Птица. 32. Родина. 36. Зажигательная смесь. 37. Минерал. 38. Поэтический жанр. 41. Несамоходное судно. 42. Сушеные абрикосы. 43. Время года. 45. Житель Аравии. 46. Воинское подразделение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 16

По горизонтали:

6. Обязательство. 9. Кинешма. 10. Штейгер. 13. Копия. 14. Глина. 15. Штамп. 19. Батрак. 20. Ефанов. 23. Рагу. 24. Озон. 25. Спиралька. 26. Огрех. 27. Кварц. 28. Термограф. 29. Поло. 30. «Новь». 31. Митинг. 33. Никель. 37. Отбой. 38. Фитин. 39. Октет. 42. Запятая. 44. Самовар. 45. Воодушевление.

По вертикали:

1. Облепиха. 2. Озимь. 3. Тень. 4. Исеть. 5. Свойство. 7. Чирок. 8. Чесма. 11. Электромагнит. 12. Интеллигенция. 16. Крепление. 17. Раскраска. 18. «Разгром». 19. Бурелом. 21. Ворвань. 22. Потрава. 32. Изолятор. 34. Лекторий. 35. Страж. 36. Севан. 40. Гайдн. 41. Чапек. 43. Свет.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ?..

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 15

Температура в стратосфере

Похолодание возрастает только до высоты в 9—11 километров. До 35—38 километров воздух сохраняет почти неизменную температуру. Ученые считают, что выше 40 километров становится теплее и на высоте 60 километров температура поднимается до 75 градусов выше нуля.

По некоторым расчетам, на высоте 200 километров температура воздуха должна быть около 600 градусов. Но не следует думать, что там металлическое тело накаляется докрасна, так как на этой высоте воздух очень сильно разрежен и частицы его так редки, что пролетают многие километры, не сталкиваясь друг с другом.

Какие это созвездия?

1. Большая Медведица. 2. Большая Медведица 50 тысяч лет тому назад. 3. Большая Медведица через 50 тысяч лет.

Рассеянный пассажир (№ 16)

По две свежих газеты в сутки, то есть за 10 суток 20 газет. Пассажир встретит в пути не только 10 скорых поездов, которые вышли из Москвы после его отъезда из Владивостока, но еще и 10 поездов, которые к моменту его выезда уже находились в пути.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 00881. Подписано к печати 18/IV—50 г. Изд. № 303. 5½ печ. л. Тираж 381 000 Заказ 1047. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Все столицы союзных республик, крупные города, курорты Крыма и Кавказа связаны воздушным сообщением.

Приобретайте билеты на самолеты в городских агентствах Аэрофлота.

В МОСКВЕ продажа билетов производится ежедневно по адресу: площадь Свердлова, здание гостиницы «Метрополь». Тел. К 4-71-60 и К 3-46-45.

Цена 3 руб.